

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities



RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (12)

Academic Journal

Series:

*Political Science. History. International Relations.
Area Studies. Oriental Studies*

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (12)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Певедская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тошенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., проф. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Е.С. Мелкумян, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), В.С. Мирзаханов, д-р ист. н. (ИВИ РАН), П. Ругенталер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А. Филлер (Ун-т Париж-VIII), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Б. Штельцель-Маркс (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Е.Н. Жукова, канд. полит. н. (РГГУ),
И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ),
С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Государство в современных политических системах

- О.В. Роденко*
Проблема эффективности государства как института
и перспективы становления безгосударственного общества 9
- С.Л. Чепель*
«Новые демократии» в условиях экономической глобализации:
проблемы и перспективы развития 21

Взаимодействие государства и общества: исторические аспекты

- Е.А. Долгова*
Институт красной профессуры
как «государственный» проект: 1921–1938 гг. 39
- И.Н. Косиченко*
Государственные проекты индейцев майя
во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг. 53

Государство в системе международных отношений и международного сотрудничества

- В.В. Нелидов*
Японо-американский Договор безопасности 1960 г.
и внешнеполитический процесс в послевоенной Японии 63
- С.П. Донцев*
Религиозно-политический конфликт на Украине
в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг. 79

Социокультурные аспекты государственного строительства в различных регионах мира

- Е.С. Мелкумян*
Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия 92

<i>Н.В. Морозова</i> Специфика «государства-нации» в китайской модели развития	105
---	-----

Дискуссионная площадка

<i>А.К. Дениева, И.И. Комарова</i> От коммуникационного капитала к коммуникативному потенциалу: на пути к устойчивому развитию	116
--	-----

<i>А.Р. Акрамов</i> Чернобаев А.А. «Историография истории России», Репина Л.П. «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.»: опыт сравнительного рецензирования	134
---	-----

Конференции

<i>А.П. Логунов, М.А. Гордеева</i> «Европа после Брекзита»	145
---	-----

Медиа и медиатехнологии в коммуникационном пространстве современного социума	154
---	-----

CONTENTS

The state in modern political systems

O. Rodenko

The efficiency of the state institution and the stateless
society development perspective 9

S. Chepel

“New Democracies” under Conditions of Economic Globalization.
Problems and Perspectives of Development 21

The interrelations between the state and society: historical aspects

E. Dolgova

Institute of Red Professors as a “state” project: 1921–1938 39

I. Kosichenko

State projects of the Maya in Caste War of Yucatán (1847–1901) 53

The state in the system of international relations and international cooperation

V. Nelidov

Japan-U.S. Security Treaty of 1960
and Foreign Policy Process in Postwar Japan 63

S. Dontsev

Religious and political conflict in Ukraine in the context
of Russian projects of “soft power” in 1990–2017 79

The socio-cultural aspects of state building in different regions of the world

E. Melkumyan

Power and Islam in Kuwait. The field of interaction 92

N. Morozova

Specificity of the «nation-state» in the development model of China 105

Discussion area

A. Denieva, I. Komarova
From communication capital to communicative potential.
On the way to sustainable development 116

A. Akramov
A comparative review experience by the example of the works:
Chernobaev A.A. “Historiography of the history of Russia”,
Repina L.P. “Historical science at the turn of the 20th–21st centuries” 134

Conferences

A. Logunov, M. Gordeeva
Europe after Brexit 145

Media, commutation and social reality:
artefacts, processes and trends 154

Государство в современных политических системах

УДК 321

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-9-20

Проблема эффективности государства как института и перспективы становления безгосударственного общества

Оксана В. Роденко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, oxanarodenko@gmail.com*

Аннотация. Длительное время иерархически устроенная система общества считалась самой прогрессивной для регулирования сложных социальных процессов. Укрепиться государству как ведущему политическому институту позволило резкое расширение транспортной системы, которая несла с собой рост контроля бюрократии над населением, вытесняя все иные формы социального устройства. Долгое время считалось, что лишь государство может обеспечить общество социальными благами, выработать наилучшее рациональное решение. Данный аспект в этой статье ставится под сомнение. Главный минус государства заключается в необходимости нести издержки на сложную бюрократическую институциональную систему. Технический прогресс, развитие сетевого общества дают новые инструменты для принятия коллективных решений и самостоятельного создания социальных благ. Здесь возникает вопрос: можно ли в современных условиях обойтись без государства?

Большую часть своей истории человечество жило в безгосударственном обществе. Сейчас население, минимально испытывающее на себе влияние государства – более 100 млн человек, как в ведущих странах, так и в труднодоступных слаборазвитых территориях. Отсутствие государства дает как минусы, так и определенные преимущества. В безгосударственном обществе риски снижения уровня благосостояния уменьшаются при достаточности социального капитала и рационалистическом выборе групп.

В статье поднимаются вопросы изменения государства как социального института, перераспределения его функций в сторону общества,

выявляются перспективы безгосударственного устройства социума, условия для устойчивого существования анархии.

Ключевые слова: безгосударственное общество, трансформация государства, сетевое общество, анархия, производство социальных благ, коллективное решение, «провалы» государства, транзакционные издержки

Для цитирования: Роденко О.В. Проблема эффективности государства как института и перспективы становления безгосударственного общества // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 9–20. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-9-20

The efficiency of the state institution and the stateless society development perspective

Oksana V. Rodenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
orodenko@mail.ru*

Abstract. For a long time the hierarchically arranged system of society was considered as the most progressive to regulate complex social processes. Sharp expansion of the transport system has allowed the state to strengthen as the leading political institution. The expansion carried with it the growth of bureaucracy control over the population thus displacing all other forms of social order. For a long time it was believed that only the state could provide society with social benefits and develop the best rational solution. This very aspect is being questioned by the author. The main disadvantage of the state is the need to bear the costs of a complex bureaucratic institutional system. Technical progress, the development of a network society offers some new tools to make collective decisions and create self-sufficient social benefits. Here the question arises: whether it is possible to do without the state under modern conditions?

For most of its history, mankind lived in a stateless society. Now, more than 100 million people of the world population are minimally affected by the state, both in the leading countries and in the hard-to-reach underdeveloped territories. Absence of the state has both disadvantages and advantages. In a stateless society, the risks of reducing the level of well-being are lowered in case there is sufficient social capital and groups are rationally chosen.

The article raises the questions of transforming the state as a social institution and redistributing its functions within the society. In addition, the author highlights possible perspectives for a stateless organization of society, and conditions for the sustainable existence of anarchy.

Keywords: stateless society, state transformation, network society, anarchy, production of social benefits, collective decision, state “fails”, transaction costs

For citation: Rodenko OV. The efficiency of the state institution and the stateless society development perspective. *RSUH/ RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:9-20 DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-9-20

Введение

Длительный этап развития социума широко реализовал систему иерархически устроенных институтов управления обществом. Развитие транспортной системы позволило государствам контролировать больше территорий и сводить на «нет» безгосударственные образования. Современный анализ эффективности государственных институтов породил вопросы об их состоятельности и перспективности в управлении общественными отношениями. В этот момент вперед выступают идеологии (либертарианские, коммунистические, анархистские и другие), предполагающие ограничения государственной власти и расширения общественного сектора. Как уже определившийся тренд вперед выступает сетевая организация жизни, распространение технологий блокчейна, широкое применение криптовалют т. д.

Данная работа исследует возможность становления современного безгосударственного общества в связи с ростом технологических возможностей самоуправления.

Теоретические научные работы по данному направлению можно разделить на два блока. В первый блок входят исследования институциональных экономистов и социологов, исследующих вопросы эффективности государственного устройства, особенно в производстве общественных благ. В группу вошли Э. Норт [1], М. Манн [2], М. Олсон [3], Дж. Бьюкенен [4], А. Аузан [5]. Ими были проверены и частично опровергнуты постулаты о том, что лишь государства могут производить общественные блага в доста-

точном объеме, а также эффективно решать проблему выработки коллективного решения. Особенного внимания требуют работы, посвященные неформальному «теневому сектору» государства, где ярким представителем является У.Г. Николаева [6]. В другой блок вошли исследования современных сетевых технологий, например Ян ван Дейка [7]. Лишь недавно появились работы на стыке политологии и экономики, обосновывающие условия для устойчивого существования анархии, но крайне мало научных политологических исследований о возможностях устойчивого развития безгосударственного общества.

Из практических работ можно выделить рейтинги, основанные на массовых количественных исследованиях. На данный момент Fund for Peace (США) [8] составляет ежегодный рейтинг несостоявшихся государств. МГИМО в 2008 г. провел масштабное исследование «Политический атлас современности», выработал собственный ряд индексов оценки государства, в том числе индекс государственности – показатель способности государства обеспечивать самостоятельное развитие и решать вопросы внутренней и внешней политики. Данные рейтинги позволяют выявить зону несостоятельности государства, но не дают четкого представления о границе между государством и негосударственным образованием.

Таким образом, есть достаточно современных работ, ставящих под сомнение эффективность государства как института и разрабатывающих теории самоуправления, но в политологической науке образовалась лакуна в вопросе функционального перехода от государства к безгосударственному обществу, выработке условий данного перехода в современных реалиях.

Целью данной работы является определение возможных параметров изменения институциональных границ государства под влиянием технологического прогресса и развития сетевого общества. Основное внимание будет уделено таким вопросам, как функциональная эффективность государства, изменение его институциональных границ под влиянием технологических возможностей, перспективы развития безгосударственного общества, условия становления современных анархических структур. Данное исследование носит междисциплинарный характер.

Вопрос эффективности государства как института

В XX в. шло активное развитие транспортной системы и государства постарались всячески вытеснить «неуправляемые» (un-policed) общества. Контролировать территории стало проще и дешевле. Майкл Манн утверждает, что государство стало обладать «инфраструктурной властью», получило возможность управлять, «проникая сквозь общество, регулировать все больше сфер жизни, вытесняя иные механизмы» [2 с. 69]. При этом активная демократизация XX века имела устойчивый успех там, где и так был высок уровень социального капитала, где ранее и так существовал порядок при ограниченном вмешательстве государства.

Население современных государств ценит его, в основном, за способность создавать социальные блага в достаточных количествах и организацию способов принятия коллективных решений. Анализ «провалов» государства предпринятый социологом Дж. Миллем привел его к исследованию сути благ, предоставляемых государством. Проанализировав неудачи рынка, он связал их со стремлением к политическому господству через ограничение свободы. Милль связал эффективность государственной власти, ее достаточность и политическую свободу в вопросах принятия экономических решений [5 с. 69]. Для уменьшения роли государства необходимо преобразовать индивидуальные предпочтения в коллективные, подойти к общественному благосостоянию как к функции общества, а не государства.

С критикой такого подхода выступил институциональный экономист Кеннет Эрроу. Общественное благосостояние он рассматривал как задачу социального выбора, соответствующего множеству индивидуальных предпочтений. Его «теорема о невозможности» показала несостоятельность общественного выбора, невозможность оптимального решения в соответствии с принципом экономической рациональности. Проблема принятия групповых решений очертила следующую границу государства как единственного института, способного снимать широкие противоречия в обществе [9 с. 20].

Говоря об эффективности государства, стоит отметить проблему роста транзакционных издержек при складывании «неформального рынка» обмена между властными группами, бизнесом и обществом, выразившегося в таких явлениях как блат, клановость, nepotism и коррупция. У.Г. Николаева связывает это с архаизацией

отношений на фоне снижения эффективности государственного управления [6 с. 190].

В теории общественного выбора результатом рационального расчета индивидов должно быть требование к государству увеличить благосостояние всего общества. Д. Норт же указывает, что государство – это «организация, имеющая сравнительные преимущества при осуществлении насилия и распространяющаяся на определенную географическую территорию, границы которой определяются властью этой организации облагать налогами подданных» [1 с. 82]. При несовпадении экономических интересов индивидов государство старается в первую очередь максимально увеличить доход правящей группы. Таким образом, слабое государство имеет ограниченные возможности производить общественные блага и сохранять порядок, а сильное государство может злоупотреблять монополией на осуществление насилия. При этом С. Дянков в своей работе «Кривая институциональных возможностей» указал, что каждое общество само минимизирует издержки как беспорядка, так и диктатуры, т. е. может рационально подходить к выбору решений [10 лекция 10].

Вне сомнений, государство дает определенный позитивный эффект экономии от масштаба, а самоуправляющаяся организация не всегда может решить проблему выработки коллективного решения из-за нерациональной мотивации и преследования своих эгоистических интересов.

Разработанная Дж.М. Бьюкененом контрактная теория государственной власти обозначила отказ как от «функции общественного благосостояния», так и от идеи социальной рациональности. В соответствии с контрактной теорией государство приемлемо лишь тогда, когда способствует росту социального благосостояния и минимизации трансакционных издержек [4 с. 456]. Но как указывает А. Аузан, коллективно организованная деятельность имеет свои издержки, зависит от способа принятия коллективных решений и не всегда оптимально для индивида [10 лекция 10]. М. Олсон в попытке решить проблему особых интересов групп выявил, что государство, обеспечивая общее благо, ограничивает индивидуальную свободу, лишая человека возможности выбора. Он выявил, что чем меньше группа индивидов со схожими интересами, тем больше ее эффективность в организации защиты своих интересов [3 с. 129]. Таким образом, политика проявляется как борьба различных групп и ограничение этой борьбы (и негативных эффектов от нее), возможно, через сокращения масштабов вмешательства государства в общественную и экономическую и жизнь, а значит, передачи части функций от государства обществу.

Сетевое общество и его влияние на институт государства

Развитие сетевого общества позволяет пересмотреть функции государства в сторону их уменьшения или трансформации. Использование различных криптовалют, выпуск которых пока неконтролируем правительствами; солнечные батареи, обеспечивающие энергетическую автономию целых регионов, а также развитый фандрайзинг для сбора средств на социально значимые цели, в том числе обеспечение населения общественными благами; развитые интернет-платформы для упрощенного принятия коллективных решений; независимые глобальные системы обмена знаниями; обеспечение безопасности на основе автоматизированных систем – вот лишь малая часть элементов, создание которых общество может взять на себя. Современные технические возможности позволяют не просто децентрализовать управление и уменьшить вмешательство государства в жизнь общества, но всерьез обсуждать новый этап в развитии безгосударственных обществ сетевого типа.

Понятие сетевого общества берет свое начало в конце 1980-х гг. с началом развития Интернета. Наибольший вклад в изучение данного феномена вложили М. Кастельс, Ян ван Дейк, Б. Веллмен и другие. Ян ван Дейк в своей книге «Сетевое общество» определяет его как общество, в котором соединение социальных сетей и медиа формирует способ организации структур на всех уровнях по аналогии с массовым обществом, состоящим из сформированных групп, где требуется физическое присутствие. Он утверждает, что современное общество находится в процессе становления сетевым обществом. Коммуникации связывают в единое целое личное, массовое, коллективное [7 с. 40]. Это дает ощущение целостности, причастности, снимает временные коммуникативные трудности, делает возможным быстрый процесс принятия решений. Стремительный рост социального капитала (потенциально до планетарного масштаба), горизонтальных связей, их независимость от медиакорпораций и государства дает новый инструментарий коммуникаций для сообществ, минует официальные каналы связи, установленные общественными институтами. Примером может служить распространение технологии блокчейна как структуры, исключающей бюрократический фактор управления отношениями. Данное явление стало возможно в эру глобализации и технического прогресса.

Если ранее феномен глобализации грозил размыванием суверенитета государств, то сейчас он обернулся неожиданной стороной –

процесс поглощения государствами безгосударственных систем остановился. Причиной тому послужил запрос «снизу» – новые возможности социальной коммуникации и организации, участвовавшие экономические «провалы» государства, увеличение транзакционных издержек.

Безгосударственное общество и проблема устойчивого существования анархических структур

Исследуя феномен самоуправляющихся сообществ, стоит четко установить, что безгосударственное общество не всегда предполагает анархию (где отсутствует любая иерархия), а лишь исключение государства из управления общественными отношениями, отсутствие сосредоточения власти или ее ограничение. Джеймс Скотт в своей работе «Искусство быть неподвластным» [11 с. 67] описывает такое явление, как Зомия. Зомия – это название для региона в Азии (часть Китая, Индии, Пакистана и других), включающая население примерно 100 млн человек. Данная местность труднодоступна и сопротивляется любым попыткам государств установить над ними контроль, хотя формально входит в них. С этой целью жители сознательно выбрали «нецивилизованный» образ жизни, также их культура направлена на сопротивление любым иерархическим тенденциям внутри.

Опыт развития современных коммун в развитых государствах, таких как США, Израиль, показывает, что имеющий власть в таком обществе удерживает ее долго и она не дает особых преференций. Долгое время понятие анархизма плотно ассоциировалось с хаосом и беспорядком. Новая трактовка анархизма распространилась ввиду трансформации самого понятия «упорядоченности», которое подразумевает баланс интересов между конфликтом в обществе и сотрудничеством. Самоуправляемое общество в современном мире становится не способом для отдельных индивидов «убежать» от государства, а социальным проектом. В США известность получил Free State Project – план привлечь 20 000 активистов переехать в Нью-Гэмпшир, где они будут направлять практические усилия на создание общества, в котором роль государства ограничена защитой жизни, свободы и собственности.

Исследуя возможную границу между государством и безгосударственным обществом, следует руководствоваться целым комплексом критериев: количество населения (чем оно больше, тем больше различных договоренностей требуется для регуляции

взаимоотношений), устойчивость социального капитала, уровень разнородности социальных групп, распространенность систем взаимодействия для регуляции взаимоотношений и т. д.

Институциональный экономист Д. Хиршлейфер [12] вывел собственную модель анархии. Модель Хиршлейфера показывает, что люди могут жить в условиях безгосударственного общества. Для этого необходимо соблюдение трех условий:

- 1) параметр решительности должен быть меньше единицы, то есть индивид должен скорее стремиться защитить свое, чем отнять чужое, не быть агрессивным;
- 2) состав участвующих должен быть более или менее постоянным, чтобы они понимали, что это не однократное взаимодействие;
- 3) всем должен быть обеспечен минимальный уровень благосостояния.

Если хотя бы одно из условий нарушается, то анархия перестает быть приемлемым способом организации и входит в состояние государства и обратного пути к безгосударственности не может быть.

Следует также отдельно рассматривать эффективность методов государственного управления в зависимости от масштабов отношений, количества взаимодействующих элементов в них. Американский социолог и футуролог Ф. Фукуяма в своих ранних работах критиковал государство как институт за его вмешательство в экономику, гражданское общество, утверждая, что сильные государства – выгодное приобретение для стран третьего мира, но препятствие для развитой демократии. Но позднее в работе «Сильное государство» (2006) Фукуяма рассматривает проблемы современного общества в его связи с государственной машиной, ученый пересмотрел свои взгляды и настаивает на полезности самоуправления в локальном масштабе и «катастрофы» в глобальном, где большое количество элементов требует внешнего контроля.

Заключение

Таким образом, тема границы государственного и безгосударственного резко актуализируется под влиянием развития технологий и сетевого общества, расширения социального капитала, подстегиваемого глобализацией. Эффективность государства как института ставится под вопрос. Отсутствие государства влечет множество минусов, но есть и определенные преимущества. Главное заключается в том, что отпадает необходимость нести

издержки на сложную бюрократическую институциональную систему. В безгосударственном обществе риски снижения уровня благосостояния снижаются при достаточности социального капитала и рационалистическом выборе групп. Автор предполагает, что процессы расширения социального капитала (преимущественно бриджингового) на основе современных виртуальных технологий, развития искусственного интеллекта позволят расширить возможности самоуправления, упростить процесс и повысить качество принимаемых коллективных решений и в конечном итоге пересмотреть функции государства в сторону их уменьшения.

В качестве перспективной области исследования безгосударственных обществ стоит отметить изучение устройства слабоуправляемых территорий России наряду с устоявшимися самоуправляемыми коммунами развитых государств. Это позволит четко проследить современные границы государственных институтов, условия для перехода к иерархической стадии, провести черту между государственным и безгосударственным в современных условиях. Отдельного анализа требуют совсем недавно появившиеся явления «виртуального государства» и «умного города».

Литература

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
2. *Hall J., Schroeder R.* An anatomy of power: the social theory of Michael Mann. Cambridge, UK; New York: Cambridge Univ. Press, 2006. 410 p.
3. *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
4. *Бьюкенен Дж.М.* Границы свободы: Между анархией и Левиафаном: Нобелевские лауреаты по экономике: Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус-Альфа, 1997. 482 с.
5. *Аузан А.* Экономика всего: Как институты меняют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 160 с.
6. *Николаева У.* Неформальные 상호обменные сети: механизмы формирования, исторические аналоги, модели социальной сплоченности: Материалы Всероссийской конференции «Диагностика власти и управления: коммуникативные механизмы и “двойные стандарты”». М.: Ин-т социологии РАН, 2017. С. 190–204.
7. *Van Dijk J.* The Network Society Social Aspects of New Media, 2nd edition, London, 2006. 292 p.

8. The Fragile States Index (FSI), The Fund for Peace [Электронный ресурс]. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/> (дата обращения 02.04.2018).
9. Аузан А. Кризис ожиданий и варианты социального контракта // *Общественные науки и современность*. 2004. № 5. С. 16–23.
10. Аузан А. Институциональная теория государства: Цикл публичных лекций [Электронный ресурс]. URL: <http://lectoriy.mipt.ru/lecturer/AuzanAA/lectures> (дата обращения 04.04.2018).
11. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным. М.: Новое издательство, 2017. 568 с.
12. *Hirshleifer J.* The Analytics of Uncertainty and Information. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. 496 p.

References

1. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi “Nachala” Publ.; 1997. 180 p. (In Russ.)
2. Hall J., Schroeder R. An anatomy of power: the social theory of Michael Mann. Cambridge, UK; New York: Cambridge Univ. Press, 2006. 410 p.
3. Olson M. The logic of collective action: Public goods and group theory. Moscow: Fond ekonomicheskoi initsiativy Publ.; 1995. 165 p. (In Russ.)
4. Buchanan JM. Boundaries of freedom. Between anarchy and Leviathan. Nobel laureates in economics: James Buchanan. Moscow: Taurus-Al’fa Publ.; 1997. 482 p. (In Russ.)
5. Auzan A. Economy of everything. How institutions change our lives. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ.; 2016. 160 p. (In Russ.)
6. Nikolaeva U. Informal service exchange networks. Formation mechanisms, historical analogues, models of social solidarity: Proceedings of the All-Russian Conference “Power and Control Diagnostics. Communication mechanisms and “double standards”. Moscow: Institut sotsiologii RAN Publ.; 2017. p. 190-204. (In Russ.)
7. Van Dijk J. The Network Society Social Aspects of New Media. 2nd edition, London: SAGE Publ.; 2006. 292 p.
8. The Fragile States Index (FSI), The Fund for Peace. [Internet]. [data obrashcheniya 2 Apr. 2018]. URL: <http://fundforpeace.org/fsi/>
9. Auzan A. The crisis of expectations and variants of the social contract. *Social sciences and contemporary world*. 2004;5:16-23. (In Russ.)
10. Auzan A. Institutional theory of the state: A cycle of public lectures. [Internet]. [data obrashcheniya 4 Apr. 2018]. URL: <http://lectoriy.mipt.ru/lecturer/AuzanAA/lectures> (In Russ.)
11. Scott J. The Art of Being Uncontrollable. Moscow: Novoe izdatel’stvo Publ.; 2017. 568 p. (In Russ.)

12. Hirshleifer J. The Analytics of Uncertainty and Information. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 496 p.

Информация об авторе

Оксана В. Роденко, старший преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; oxanarodenko@gmail.com

Information about the author

Oksana V. Rodenko, senior lecturer, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russia; oxanarodenko@gmail.com

УДК 321.7+339.92

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-21-38

«Новые демократии»
в условиях экономической глобализации:
проблемы и перспективы развития

Сергей Л. Чепель

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия, ChepelSL@mpei.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ воздействия экономической глобализации на развитие «третьей волны» демократизации. На основе данных экономической и политической статистики предпринята попытка выявить характер влияния либерализации товарных, финансовых и производственных взаимодействий в рамках глобальной экономической системы на уровень культурно обусловленного спроса на политическую свободу и уровень ее институционального предложения в странах «новой демократии».

В статье прежде всего исследуется проблема двойственного воздействия процесса включения демократизирующихся обществ в систему глобального разделения труда на их политическую культуру. Способствуя распространению в общественном сознании секулярно-рациональных ценностей, что выразилось в расширении демократического политического участия, экономическая глобализация, в то же время удерживая большинство стран «третьей волны» в границах мировой экономической периферии и полупериферии, содействовала сохранению в их массовой культуре преобладающего влияния ценностей выживания, формирующих ограниченный спрос на политическую свободу.

Автор также приходит к выводу, что в условиях обостряющейся конкурентной борьбы на глобальных рынках, вынуждающей правительства сворачивать социальные программы, провоцируя тем самым рост протестной активности граждан, правящие элиты новых демократических государств выбирают курс на ограничение институционального предложения политической свободы, что означает движение к нелиберальной форме демократии.

Ключевые слова: экономическая глобализация, «третья волна» демократизации, нелиберальная демократия, ценности выживания, ценности самовыражения, страны «новой демократии»

Для цитирования: Чепель С.Л. «Новые демократии» в условиях экономической глобализации: проблемы и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 21–38. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-21-38

“New Democracies” under Conditions of Economic Globalization. Problems and Perspectives of Development

Sergey L. Chepel

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Finance University, Moscow, Russia, ChepelSL@mpei.ru*

Abstract. The article deals with the analysis of the impact of economic globalization on the progress of democratization “third wave” democratization. Basing on the economic and political statistics data the author makes attempt to reveal the nature of the impact of the liberalization of commodity, financial and industrial interactions within the global economic system on the level of culturally-based demand for political freedom as well as the level of its institutional offer in the countries of the “new democracy”.

The article focuses on the ambivalent effect which the process of involvement of the societies undergoing democratization into the global division have on their political culture. On the one hand, economic globalization, on the one hand, encourages spreading in mass conscience of secular and rational values that are manifested in the expansion of political participation. On the other hand, the majority of “the third wave” countries are held within the periphery and semi-periphery of the world economy. This situation contributed to preserving in their mass culture prevalence of survival values, shaping a limited demand for political freedom.

The author concludes that increasing competition in global markets makes the governments to cut down social expenses what in its turn provokes mass protest and lead the ruling elites of new democratic states to choosing a policy of limited institutional offer of political freedom. And this kind of policy means moving towards non-liberal form of democracy.

Keywords: economic globalization, democratization “third wave”, non-liberal democracy, values of survival, values of self-expression, the countries of “new democracy”

For citation: Chepel SL. «New Democracies» » under Conditions of Economic Globalization. Problems and Perspectives of Development. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:21-38 DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-21-38

Введение

Изучение воздействия глобализации на развитие демократии является одним из приоритетных направлений современных политических исследований. При этом в поле зрения политологов находятся как страны зрелой демократии, так и главным образом «новые» демократические государства, возникшие в ходе «третьей волны» демократизации, охватившей мир в конце XX в. С 1972 по 2002 г., по оценкам Freedom House, доля свободных стран увеличилась с 29% до 46%, частично свободных – с 25% до 29%, а доля несвободных стран уменьшилась с 46% до 25% [1]. Вместе с тем в последней трети XX в. наблюдался беспрецедентный рост масштабов и интенсивности экономических связей между странами за счет либерализации торгово-финансовых взаимодействий, а также возникновение транснациональных сетей производства как структуры глобальной экономики. В частности, по данным Института Фрейзера, с 1975 по 1995 г. средний индекс экономической свободы в мире вырос с 3,9 до 5,2 [2 р. 82], а согласно отчетам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКАД) в период 1982–1994 гг. объем исходящих прямых иностранных инвестиций увеличился с 57 млрд до 222 млрд долларов, а входящих – с 61 до 226 млрд долларов [3 р. 14]. Положительная корреляция между процессами глобальной политической и экономической трансформаций сформировала устойчивое представление о том, что массовость демократических переходов является следствием включения недемократических стран «второго» и «третьего» миров в глобальную рыночную экономическую систему. «За распространением демократии, – заметил, в частности, Э. Гидденс, – стоит глобализация» [4 р. 21]. Однако продолжает оставаться дискуссионным вопрос о характере воздействия глобализации на качество демократии в странах «третьей волны». Иными словами, способствует ли экономическая глобализация становлению либерально-демократических режимов либо, напротив – распространению нелиберальных демократий?

Действительно, в ходе «третьей волны» ее участники достигли различных результатов. Одни составили категорию стран устойчивой демократизации, как вступившие в этап консолидации, другие – неустойчивой демократизации, как существующие в виде неконсолидированных «новых демократий», третьи – неудавшейся демократизации, как вернувшиеся к иной форме авторитарического режима. «Теперь, когда волна достигла вершины и направление будущих режимных изменений становится намного менее предсказуемым, – заметил в связи с этим Ф. Шмиттер, – привлекательность общей цели уступила место осознанию не только того, что консолидация демократии является гораздо более трудной задачей, чем замещение авторитарии, но также того, что все признанные демократические серферы стремились приплыть не на один и тот же пляж» [5]. Сравнительный анализ режимных трансформаций, предпринятых в странах «третьей волны», показал, что успех демократизации был связан как с уровнем общественного спроса на политическую свободу, так и с деятельностью правящих элит, решения которых определяли институциональные рамки реализации обществом своих политических прав и свобод. Отмечая особенности влияния объективного и субъективного факторов на динамику и результаты демократических переходов, Р. Инглхарт и К. Вельцель подчеркивают, что «значительное продвижение по демократическому пути произошло лишь в тех странах, где спрос на свободу превышал предложение» [6 с. 277]. Поэтому, выявляя характер воздействия экономической глобализации на развитие «новых демократий», следует исходить из того, насколько она оказывала и продолжает оказывать влияние как на уровень культурно обусловленного спроса на политическую свободу, так и на уровень ее институционального предложения.

Экономическая глобализация и трансформация политической культуры

Главный аргумент сторонников идеи позитивного влияния глобализации на развитие демократии сводится к тому, что либерализация внешнеэкономической деятельности, стимулирующая рост производства, обеспечивает повышение благосостояния общества, что, в свою очередь, способствует распространению либерально-демократических ценностей в общественном сознании, развитию партийно-политического плюрализма, а значит укреплению спроса на демократическую систему правления. Как отмечал один из при-

знанных теоретиков модернизации С. Липсет, «чем богаче государство, тем выше вероятность того, что в нем будет поддерживаться демократия» [7 с. 46]. По его мнению, рыночный экономический рост дает возможность частному бизнесу и гражданскому обществу в целом обрести автономию по отношению к государству, а средним слоям, которые выступают главной антиавторитарной силой, стать в дальнейшем социальной опорой либеральной демократии. В этих условия авторитарному государству приходится все больше считаться с обладателями расширяющихся ресурсов политического влияния, ориентироваться на потребности общества, соблюдать его права. К тому же уход в прошлое, по мере роста благосостояния общества, социальной и политической напряженности лишает диктаторов тех аргументов, которые ранее служили оправданием их пребывания у власти. «Продолжительный экономический успех, – подчеркивают Х. Линц и А. Степан, – может способствовать осознанию того, что исключительные принудительные меры недемократического режима более не являются необходимыми и могут, вероятно, подорвать устойчивость нового экономического процветания» [8 р. 78]. Влияние фактора экономического роста на процесс «третьей волны» демократизации отмечал также С. Хантингтон, указывая на его ключевую роль не только в становлении среднего класса, но и в формировании элементов гражданской политической культуры как ценностного основания демократического режима. Тезис С. Липсета в основном нашел подтверждение и в работах современных исследователей. В частности, А. Пшеворский и его коллеги, анализируя взаимосвязь экономического развития и динамики политических режимов в последней трети XX в., приводят данные о том, что в странах, где среднедушевой доход не превышал 1000 долларов в год, диктатуры стабильно существовали в неизменном виде. При среднедушевом доходе от 1001 до 4000 долларов диктатуры становились менее устойчивыми, а от 4001 до 7000 долларов – нестабильными. Однако при среднедушевом доходе более 7000 долларов в год вероятность выживания диктатур возрастала. «Демократический транзит менее вероятен в бедных и в богатых странах, – констатируют авторы исследования, – он более вероятен в странах со средним доходом» [9 с. 94].

Исторический опыт модернизации действительно свидетельствовал о том, что переход к системе рыночных экономических отношений, стимулировавший рост уровня образования и доходов населения как главных факторов социальной мобилизации, способствовал развитию политической культуры участия и усилению интереса граждан к демократической форме организации

политической власти. В условиях экономической глобализации открытость мировых торговых и финансовых рынков значительно расширила, по сравнению с предшествовавшим периодом, возможности наращивания национальными экономиками объемов производства, а значит и повышения общественного благосостояния. Так, по данным Всемирного банка, с 1981 по 2001 г. доля населения развивающихся стран, живущего в крайней бедности, т. е. ниже, чем на 1 доллар в день, сократилась с 40,4 до 21,1% [10 р. 28]. Однако этот общий прогресс в борьбе с нищетой имел свои макрорегиональные особенности. Можно утверждать, что существенные различия в темпах сокращения нищеты отразили степень и характер включения развивающихся макрорегионов в систему глобального разделения труда. Наилучшие результаты были достигнуты именно в странах Восточной Азии, которые активно интегрировались в глобальную экономику за счет развития экспортно-ориентированных отраслей производства и использования своего конкурентного преимущества в виде низкой стоимости рабочей силы. В период с 1981 по 2001 г. доля крайне бедного населения снизилась в них с 57,7 до 14,9% [10 р. 28]. Как известно, четыре восточноазиатских «тигра» – Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг, избравшие эту экономическую стратегию в 60-е гг. XX в., добились быстрого промышленного роста и теперь занимают ведущее положение в группе «новых индустриальных стран» по уровню доходов населения. Используя опыт своих ближайших соседей, Китай перешел к активной внешнеэкономической политике в конце 1970-х гг. и сумел достичь беспрецедентных темпов экономического развития, а в итоге значительного сокращения крайней бедности, показатель которой в период 1981–2001 гг. снизился с 63,8 до 16,6% [10 р. 28]. В отличие от восточноазиатских стран, государства Южной Азии, сделавшие первоначально ставку на политику протекционизма, в меньшей степени преуспели в борьбе с массовой нищетой, уровень которой в указанный период снизился с 51,5 до 31,3% [10 р. 28]. Так, Индия, ведущая страна этого макрорегиона, сориентировавшая свою экономику на внешние рынки только в 1980-е гг., после потерпевшей провал предшествующей политики автаркии, продемонстрировала в период 1981–2001 гг. более низкие, чем Китай, темпы сокращения доли крайне бедных, которая снизилась с 54,4 до 34,7% [10 р. 28].

Применение политики импортозамещающей модернизации, к которой обратились многие страны Латинской Америки в 1950-е гг., также содействовала сдерживанию экономического

роста. Попытка наладить производство широкой номенклатуры товаров за счет развития национальной промышленности, защищенной от внешней конкуренции высокими тарифными барьерами, привела к неоправданно широкому вмешательству государства в экономику, нарастанию технологической отсталости предприятий и значительному росту потребительских цен. В результате большинство стран этого макрорегиона остались преимущественно поставщиками сельскохозяйственной продукции, не сумев повысить качество своих промышленных товаров до уровня конкурентоспособности на мировых рынках. Поэтому даже относительно невысокий, по сравнению с Восточной и Южной Азией, показатель крайней бедности не изменился, составив в 1981 г. 9,7%, а в 2001 г. 9,5% [10 р. 28]. Только серия либеральных экономических реформ, предпринятая в отдельных латиноамериканских странах в конце XX в., помогла активизировать промышленный рост и повысить реальные доходы населения. Наиболее масштабно курс на построение автаркической экономики был реализован в странах Тропической и Южной Африки. Стремясь обрести подлинную независимость от своих бывших западных хозяев и нередко вдохновляемые опытом «реального социализма», эти страны избрали экономическую стратегию, предполагавшую масштабную национализацию, жесткую валютную и тарифную импортную политику, государственный контроль потребительских цен, которая заблокировала процесс их индустриального развития. Так, по данным Института Фрейзера, из девяти стран, имевших самый низкий рейтинг экономической свободы на протяжении всего периода 1975–1995 гг., пять находились в Африке [2 р. 67]. Оставаясь исключительно экспортерами сырья, африканские страны в условиях падения в 80-е гг. XX в. спроса на сырьевые ресурсы оказались в ситуации социально-экономической катастрофы, выразившейся в прогрессирующей массовой нищете. По оценкам того же Всемирного банка, в период 1981–2001 гг. в африканских странах, расположенных южнее Сахары, доля крайне бедных не сократилась, а, напротив, выросла с 41,6 до 46,9% [10 р. 28].

Открыв более широкие, чем прежде, возможности достижения экономического роста и повышения уровня жизни, глобализация в то же время, резко обострив конкуренцию на мировых товарных рынках, усложнила продвижение развивающихся макрорегионов из периферии в полупериферию и тем более из полупериферии в центр глобальной экономики. Несмотря на имеющиеся в ряде случаев успехи в деле наращивания темпов и объемов производства,

низкий уровень диверсификации экспорта, типичный для развивающихся экономик, стал непреодолимым препятствием на пути к массовому общественному благосостоянию. Некоторые из новых участников глобальной экономической системы столкнулись даже с парадоксом т. н. «разоряющего роста», когда, специализируясь на производстве какого-то одного вида сырья, они, увеличивая объемы его экспорта, стимулировали падение мировых цен на него. Как точно заметил Д. Родрик относительно формируемой глобализацией дилеммы экономического развития, «если вы остановите свой выбор на сырьевой отрасли, то международное разделение труда лишит вас возможности к производству чего-либо иного» [11 с. 322]. Действительно, лишь немногим странам развивающихся макрорегионов удалось, наладив выпуск промышленных товаров, пользующихся спросом на мировых рынках, приблизиться по уровню доходов на душу населения к показателям небогатых стран центра глобальной экономической системы. «В этом отношении, – отмечают Д. Хелд и его коллеги, – новое международное разделение труда усиливает поляризацию экономического благосостояния в глобальной экономике и порождает новые типы стратификации» [12 с. 203].

Противоречивое воздействие глобализации на экономику развивающихся стран стало одним из главных факторов, определивших особенности их политической культуры. С одной стороны, включение в систему глобальных рыночных экономических взаимосвязей способствовало распространению в общественном сознании секулярно-рациональных ценностей, что выразилось в росте интереса граждан к демократическим формам политического участия. Именно поэтому «третья волна» демократизации приобрела столь масштабный характер, охватив страны разных цивилизационных ареалов. С другой стороны, удерживая большинство стран «третьей волны» в границах мировой экономической периферии и полупериферии, глобализация содействовала сохранению в их культуре преобладающего влияния ценностей выживания, которые, как известно, являются крайне неустойчивой опорой либеральной демократии. «Ценности, акцентирующие личную независимость и эмансипацию, еще не получают массового распространения в большинстве обществ, находящихся на ранней стадии индустриализации, – подчеркивали Р. Инглхарт и К. Вельцель, – как показывает опыт истории, в таких странах почти с равной вероятностью может утвердиться и демократический строй, и фашистские или коммунистические режимы» [6 с. 95].

Согласно концепции Р. Инглхарта, смена преобладающих в культуре общества ценностей выживания – физическая и экономическая безопасность ценностями самовыражения – личная независимость и свобода выбора произошла в странах Запада в 70-е гг. XX в. в процессе перехода к постиндустриальной экономике. Этот культурный сдвиг, как постепенная, от поколения к поколению «тихая революция», стал результатом возрастания материальной, интеллектуальной и социальной автономии личности. Мощная система социального обеспечения позволила человеку выдвинуть на первый план нематериальные жизненные цели. Вместе с тем расширение «интеллектуального класса» и диверсификация социальных контактов в условиях постиндустриального экономического развития стимулировали рост числа граждан, независимо и критически воспринимающих институты и нормы социального контроля. «Этот процесс эмансипации, – констатируют Р. Инглхарт и К. Вельцель, – дает людям ощущение самостоятельности, в результате чего они начинают придавать большее значение свободе выбора и менее склонны безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим «общепринятым истинам» [6 с. 52]. Именно недостаток ценностей самовыражения в культуре стран «новой демократии», как результат воздействия экономической глобализации, объясняет то, что в 1990-е гг. темпы демократической волны снизились, а в первое десятилетие XXI в. наступила ее стагнация. По данным Freedom House, в период 2002–2012 гг. не наблюдалось роста доли свободных стран, которая оставалась на уровне 46%, доля частично свободных стран выросла с 29 до 30%, а доля несвободных стран сократилась с 25 до 24% [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что экономическая глобализация, придав импульс развитию демократического общественного сознания в странах «третьей волны», тем не менее содействовала сохранению в них весьма ограниченного культурно обусловленного спроса на политическую свободу. Культура, основанная главным образом на ценностях выживания, в политической сфере выразилась преимущественно в утилитарных мотивах поддержки населением «новых демократических режимов», что и способствовало трансформации многих из них в нелиберальные демократии. В свете данной оценки нельзя не согласиться с мнением профессора парижского Института политических наук З. Лайди о том, что «если глобализация, бесспорно, повышает легитимность и иногда эффективность демократии как процедуры, она не гарантирует никоим образом развитие демократии как культуры» [13].

Экономическая глобализация и принятие правительственных решений

Слабость объективных предпосылок демократических переходов нередко компенсировалась активной деятельностью реформаторов из правящей и оппозиционной элит, нацеленной на демонтаж нежизнеспособной диктатуры и конструирование демократического режима. Как заметил, оценивая еще в начале 90-х гг. XX в. достижения и перспективы «третьей волны» демократизации, С. Хантингтон, «экономическое развитие делает демократию возможной, политическое руководство делает ее реальной» [14 с. 337]. В этой связи возникает вопрос о том, насколько воздействие экономической глобализации на сферу принятия правительственных решений сказывается на уровне институционального предложения политической свободы в странах «новой демократии»?

Обращаясь к этой проблеме, следует прежде всего подчеркнуть, что либерализация мировой торговли, переход к открытым глобальным финансовым рынкам, возникновение транснациональных сетей производства существенно изменили оценку правящими элитами национальных государств издержек и выгод выбора той или иной экономической стратегии. Ведь в условиях возросшей взаимосвязанности рынков капитала и его высокой мобильности расплатой за ошибки в определении приоритетов макроэкономической политики становятся неизбежная спекулятивная атака на национальные валюты и бегство капитала, что грозит обострением социальных проблем и политической нестабильностью. Усиливающаяся зависимость от глобальной экономической конъюнктуры вынудила правительства проводить политику снижения транзакционных издержек, направленную на укрепление доверия со стороны транснациональных товарных и финансовых рынков. Основными принципами этой политики, сформулированными в 1989 г. экономистом Дж. Вильямсоном и закрепленными в так называемом Вашингтонском консенсусе, стали борьба с инфляцией за счет налоговой дисциплины; минимизация государственного субсидирования национальных предприятий; снижение налоговых ставок; недопущение переоценки национальной валюты; либерализация внешней торговли; поощрение свободы иностранных капиталовложений; приватизация государственных предприятий; отказ от государственного регулирования промышленности. Таким образом, в условиях глобализации национальные государства, сохраняя суверенитет как право самостоятельно разрабатывать свой экономический курс, оказались заметно ограничены в плане

политической автономии как свободы выбора методов его осуществления. При этом следует отметить, что принципы экономической глобализации сыграли не последнюю роль в судьбе авторитарных режимов в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, которые, лишившись поддержки мирового рынка финансовых ресурсов из-за своей управленческой непредсказуемости и хозяйственной неэффективности, были вынуждены уйти с политической арены. Иными словами, один из надежных способов повысить свою инвестиционную привлекательность – это обеспечить законность и демократизм процесса выработки государственного курса, что позволяет инвесторам строить долгосрочные планы относительно своих капиталовложений. Как замечает профессор калифорнийского университета в Беркли Б. Эйшенгрин, «финансовая открытость вынуждает правительства к большей прозрачности, если они хотят обрести доверие рынков и эта прозрачность поет отходную автократическим режимам» [15].

Однако экономическая глобализация поставила в сложную ситуацию не только авторитарные режимы, но и страны «новой демократии». Главным фактором снижения эффективности традиционных методов макроэкономического регулирования стала деятельность транснациональных корпораций (ТНК), доминирующих на мировых товарных и финансовых рынках. По данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), только в период 1993–1995 гг. у 100 крупнейших ТНК в совокупности иностранные активы выросли на 30%, составив 1,7 трлн долларов, мировые продажи – на 26%, составив 2 трлн долларов, занятость на предприятиях по всему миру – на 4%, составив около 5,8 млн человек [16 р. 28, 34]. Функционирующие в глобальном масштабе ТНК обладают возможностью легко перемещать инвестиции через сеть своих филиалов и дочерних предприятий туда, где ожидается наибольшая прибыль. Очевидно, что в условиях нарастающей экстерриториальности ТНК кейнсианская политика управления спросом ради поддержания объемов национального производства и снижения уровня безработицы, основанная, главным образом, на эффективном контроле правительств над налоговыми поступлениями, существенно подрывается мобильностью капитала, свободно перетекающего в зоны с наиболее благоприятным налоговым климатом. Эта абсолютно новая экономическая ситуация дала основание У. Беку с горечью заметить, что «предприниматели открыли философский камень богатства, новая магическая формула гласит: капитализм *без труда* плюс капитализм *без налогов*» [17 с. 16]. Поэтому стремление сохранить инвестиционную привлекательность

зачастую толкает правящие элиты к свертыванию социальных программ, снижению налогов на транснациональный капитал и перенос налогового бремени на отечественный средний и малый бизнес. С точки зрения неолиберальных экономистов стратегия сокращения трансакционных издержек предполагает и ограничение влияния профсоюзов, как главных защитников прав лиц наемного труда, на экономическую политику государства. Как справедливо отмечает Д. Родрик, «гиперглобализация действительно требует загнать внутреннюю политику в дальний угол и изолировать технократов от нажима со стороны популистских группировок» [11 с. 385]. В этой связи можно предположить, что условием успешного участия национальных государств в остроконкурентной глобальной системе экономических взаимодействий потенциально выступает курс на ограничение использования демократических средств управления в пользу недемократических. Ведь поддержание инвестиционной привлекательности за счет минимизации внутренних государственных социальных обязательств неизбежно провоцирует рост протестной политической активности. Эффективно противодействовать ей можно, только ограничив политическое влияние партий и профсоюзов либо даже применяя авторитарные методы подавления социального протеста, полностью отказавшись тем самым от демократии.

Именно слабостью демократических институтов в большинстве стран Запада и их отсутствием в остальных странах мира в конце XIX в. объясняется стабильное функционирование системы так называемого классического золотого стандарта как исторически первой формы экономической глобализации. Данная международная система платежей, введенная в действие в 1878 г. и предусматривавшая жесткую привязку каждой национальной валюты к определенному золотому паритету, представляла собой решительный шаг к глобальному торгово-финансовому рынку. Зафиксированные и не подлежащие изменению обменные курсы между валютами существенно облегчили международные торговые операции, позволяя предпринимателям направлять товарные потоки в ту или иную страну, не опасаясь колебаний курсов национальных валют. Система золотого стандарта предусматривала также механизм автоматической корректировки, т. е. поддержание центральными банками стран объема денежной массы национальной валюты в соответствии с размером имеющегося у них золотого запаса. Таким образом, были созданы единые «правила игры», которые вынуждали национальные государства приспособлять свою внутреннюю финансово-экономическую политику к требованиям глобального

экономического порядка. При этом следует подчеркнуть, что безотказное действие механизма автоматической корректировки обеспечивалось, прежде всего, тем, что недемократические правительства могли игнорировать негативные социальные последствия обесценивания национальных валют, такие как снижение уровня жизни широких слоев населения и массовая бедность. Однако экономические трудности, с которыми столкнулись страны мира после Первой мировой войны, вынудили правительства прибегнуть к протекционистским мерам и отказу от системы золотого стандарта, которая окончательно распалась под ударами Великой депрессии. Существенную роль в изменении национальной экономической стратегии сыграло укрепление в начале XX в. профсоюзного движения. Ведь способность мощных профцентров добиваться сохранения на прежнем уровне доходов наемных работников в условиях ухудшения экономической конъюнктуры, вызванного колебаниями на глобальных рынках, означала неизбежное падение занятости и рост социально-политической напряженности в обществе. Вместе с тем последовавшая в тот же исторический период демократизация политических систем стран Запада и расширение влияния социалистических партий практически исключили применение силы в ответ на протестные акции трудящихся. Как констатирует Д. Родрик, «в условиях выбора между невеселыми политическими последствиями массовой безработицы и отказом от золотого стандарта демократически избранное правительство, в конце концов, отдаст предпочтение второму варианту» [11 с. 110].

Безусловно, для современных индустриально развитых стран политическая дилемма глобализации – экономический рост или либеральная демократия не является очевидной проблемой. Активно защищая экономические и социальные права лиц наемного труда, профсоюзы в рамках системы «трехстороннего партнерства», а левые политические партии в парламентах способны пока удерживать правящие элиты от радикального сокращения бюджетных затрат на общественные нужды под давлением глобального бизнеса. Однако в демократизирующихся странах, составляющих полупериферию и периферию мировой экономической системы и, как правило, не обладающих политической инфраструктурой, готовой эффективно отстаивать интересы трудящихся, снижение трудовых и социальных стандартов может использоваться правящими элитами с целью повышения конкурентоспособности национальных экономик. При этом ограничение институционального предложения политической свободы и подавление социального протеста могут рассматриваться как временные, но необходимые

меры, обеспечивающие политическую стабильность, необходимую для успешного экономического развития. Так, по мнению аргентинского политолога Г. О’Доннелла, одного из наиболее известных специалистов по политическим режимам стран Латинской Америки, своим сдержанным отношением к расширению демократии в переходных обществах современные неолиберальные технократы напоминают собой прежних авторитарных правителей. «С их точки зрения, – пишет Г. О’Доннелл, – демократизация не является чем-то заслуживающим внимания: в настоящем она рассматривается как политическое минное поле, таящая в себе угрозу экономической рациональности» [18]. Иными словами, курс на абсолютное подчинение национальной экономической стратегии требованиям глобального бизнеса так же опасен для демократии, как и политика автаркии. Самоизоляция от мировой экономики, приводящая к технологической деградации и массовой бедности, порождает и усиливает авторитарную форму правления как инструмент защиты интересов коррумпированных политических элит и в то же время как средство распределения скудных материальных ресурсов среди нищего населения. Стремление же к успеху за счет максимально глубокой экономической интеграции, приносящее немало материальных преимуществ, приводит к отрыву правящих элит от национальных интересов и попыткам ограничить политическое влияние гражданского общества как фактор, снижающий эффективность принимаемых управленческих решений. Поэтому сохранение и дальнейшая консолидация «новых демократий» в условиях глобализации возможны только в рамках правительственной политики, гибко сочетающей рыночные и государственные формы экономического регулирования.

Заключение

Стагнация «третьей волны» демократизации, выразившаяся в отсутствии роста доли либеральных демократий среди стран мира, явилась одной из наиболее значимых политических тенденций первого десятилетия XXI в. Лишь ограниченная группа «новых демократий» составила категорию стран устойчивой демократизации. Большинство же участников «третьей волны» вошли либо в категорию стран неустойчивой демократизации, либо неудавшейся демократизации. Столь различные результаты попыток осуществления демократического перехода во многом были обусловлены объективными предпосылками, сложившимися в авторитарных

и тоталитарных обществах к началу кризиса и распада диктаторских режимов. Однако именно экономическая глобализация в виде либерализации товарных, финансовых и производственных отношений между странами стала главным фактором, определившим общую динамику «третьей волны» демократизации.

Включение «новых демократий» в систему глобальных экономических взаимодействий, сопровождавшееся повышением уровня образования, информированности и доходов граждан, оказало мощное секуляризирующее воздействие на их культуру и тем самым содействовало расширению автономного политического участия и укреплению поддержки демократических форм политической организации общества. Массовость попыток перехода к демократии свидетельствовала об укоренении в культуре поставлоритарных и посттоталитарных обществ рационально-секулярных ориентаций. Вместе с тем глобализация, удерживая большинство демократизирующихся стран в периферии или полупериферии мировой экономической системы, блокировала распространение в общественно-политическом сознании ценностей самовыражения. Именно это двойственное влияние экономической глобализации на массовую политическую культуру проявилось в ограниченном общественном спросе на политическую свободу в большинстве стран «новой демократии».

Не менее значимым результатом воздействия экономической глобализации на развитие «третьей волны» демократизации стала тенденция к ограничению правящими элитами «новых демократий» институциональных возможностей реализации гражданами своих политических прав и свобод. В условиях обострения конкурентной борьбы на глобальных рынках поддержание инвестиционной привлекательности национальных экономик за счет снижения социальных стандартов представлялось правительствам стран экономической периферии или полупериферии как значительное конкурентное преимущество. Однако социальное недовольство и протестные действия, порождаемые такой политикой «гонки по нисходящей», могли быть нейтрализованы только с помощью недемократических методов управления.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что экономическая глобализация способствовала формированию не только ограниченного уровня культурно обусловленного спроса на политическую свободу, но и низкого уровня ее институционального предложения. Подтверждением тому служит сохранение в настоящее время среди стран «третьей волны» значительной доли нелиберальных демократий.

Литература

1. Freedom in the World. Country Ratings – Freedom House [Электронный ресурс] URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/table-country-ratings> (дата обращения 25.02.2018).
2. *Gwartney J., Lawson R., Block W.* Economic Freedom of the World: 1975–1995. P. 82. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/EconomicFreedomoftheWorld1975-1995.pdf> (дата обращения 25.02.2018).
3. World Investment Report 1995. Transnational corporations and competitiveness. P. 14. [Электронный ресурс]. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1995_en.pdf (дата обращения 04.03.2018).
4. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
5. *Шмиттер Ф.* Более либеральная, предлиберальная или постлиберальная? // Русский Журнал. 28.10.1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm> (дата обращения 18.03.2018).
6. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. *Лунсет С.* Политический человек: социальные основы политической жизни // Теория и практика демократии: Избранные тексты / Сост. Р.А. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. М.: Ладомир, 2006. С. 46–53.
8. *Linz J., Stepan A.* Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist Europe. London. Baltimore: The Johns Hopkins University Press Ltd., 1996. 479 p.
9. *Пшеворский А., Альварес М., Чейбуб Х., Лимонджи Ф.* Экономическое развитие и политические режимы // Теория и практика демократии: Избранные тексты / Сост.: Р.А. Даль, И. Шапиро, Х.А. Чейбуб. М.: Ладомир, 2006. 496 с.
10. *Shaohua Chen, Ravallion M.* How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980s? Development Research Group. Washington, D.C.: World Bank, 2004. P. 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e870/90db178cbf7f3787d2ffb165b1c3a024d380.pdf> (дата обращения 11.03.2018).
11. *Родрик Д.* Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 576 с.
12. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макерю Э., Пerratон Дж.* Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практикс, 2004. 576 с.
13. *Laidi Z.* Mondialisation et démocratie // Politique étrangère. 2001. 3(66). P. 603–618. [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_2001_num_66_3_5101 (дата обращения 25.03.2018).
14. *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.

15. Eichengreen B. Democratie et mondialisation: la poule et l'oeuf // Telos. Sept. 15, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telos-eu.com/fr/globalisation/politique-internationale/democratie-et-mondialisation-la-poule-et-luf.html> (дата обращения 25.03.2018).
16. World Investment Report 1997. Transnational corporations, market structure and competition policy [Электронный ресурс]. P. 28, 34. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1997_en.pdf (дата обращения 04.03. 2018).
17. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
18. О'Доннелл Г. Следует ли слушаться экономистов? // Русский журнал. 11.11.1997. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm (дата обращения 14.05.2018).

References

1. Freedom in the World. Country Ratings – Freedom House [Internet]. [data obrashcheniya 25 Feb. 2018]. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2015/table-country-ratings>
2. Gwartney J., Lawson R., Block W. Economic Freedom of the World: 1975–1995 [Internet]. P. 82. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1995_en.pdf
3. World Investment Report 1995. Transnational corporations and competitiveness [Internet]. P. 14. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1995_en.pdf
4. Giddens A. Runaway world. How globalization is reshaping our lives. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 116 p. (In Russ.)
5. Schmitter Ph. More Liberal. Preliberal or Postliberal? [data obrashcheniya 18 Mar. 2018]. URL: <http://www.russ.ru/journal/predely/97-10-28/shmitter.htm>
6. Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, cultural change and democracy. The human development sequence. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.; 2011. 464 p. (In Russ.)
7. Lipset S. Political man. The social bases of political life. V: Dal' RA., Shapiro I., Cheibub JA., comp. *Theory and practice of democracy. Selected texts*. Moscow: Ladomir Publ.; 2006. p. 46-53. (In Russ.)
8. Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation. Southern Europe, South America, and post-communist Europe. London: The Johns Hopkins Press Ltd., 1996. 479 p.
9. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub JA., Limongi F. Economic development and political regimes. V: Dal' RA., Shapiro I., Cheibub JA., comp. *Theory and practice of democracy. Selected texts*. Moscow: Ladomir Publ.; 2006. 496 p. (In Russ.)
10. Shaohua Chen, Ravallion M. How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980s? Development Research Group. Washington, D.C.: World Bank, 2004. P. 28

- [Internet]. [data obrashcheniya 11 Mar. 2018] URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e870/90db178cbf7f3787d2ffb165b1c3a024d380.pdf>
11. Rodrik D. The globalization paradox. Democracy and the future of the world economy. Moscow: Institut Gaidara Publ.; 2014. 576 p. (In Russ.)
 12. Held D., Goldblatt D., McGrew A., Perraton J. Global transformations. Politics, economics and culture. Moscow: Praxis Publ.; 2004. 576 p. (In Russ.)
 13. Laidi Z. Mondialisation et démocratie. *Politique étrangère*. [Internet]. 2001. [data obrashcheniya 25 Mar. 2018]; 3. p. 603-18. URL: https://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_2001_num_66_3_5101
 14. Huntington S. The third wave. Democratization in the late twentieth century. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN) Publ.; 1991. 368 p. (In Russ.)
 15. Eichengreen B. Démocratie et mondialisation: la poule et l'oeuf. *Telos*. [Internet]. 2006 [data obrashcheniya 25 Mar. 2018]; Sept. 15. URL: <https://www.telos-eu.com/fr/globalisation/politique-internationale/democratie-et-mondialisation-la-poule-et-luf.html>
 16. World Investment Report 1997. Transnational corporations, market structure and competition policy [Internet]. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018];28,34. URL: www.unctad.org/en/Docs/wir1997_en.pdf
 17. Beck U. What is globalization? Moscow: Progress-Traditsiya Publ.; 2001. 304 p. (In Russ.)
 18. O'Donnell G. Do economists know best? *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [data obrashcheniya 18 Mar. 2018];1. URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm

Информация об авторе

Сергей Л. Чепель, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; Россия, г. Москва 125993, Ленинградский проспект, д. 49; ChepelSL@mpei.ru

Information about the author

Sergey L. Chepel, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Finance University, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradsky av., Moscow, 125993, Russia; ChepelSL@mpei.ru

Взаимодействие государства и общества: исторические аспекты

УДК 001.32(091)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52

Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг.

Евгения А. Долгова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dolgova-evg@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию границ и потенциальных возможностей государственного регулирования такого специфического социального института, как наука. На примере истории Института красной профессуры – учебного заведения, созданного после революции 1917 г. для подготовки обновленного состава преподавательских и научных кадров по общественно-экономическим дисциплинам в высших учебных заведениях, изучается пример практической реализации одного из государственных проектов в 1920–1930-е гг. Исследуя широкий комплекс неопубликованной делопроизводственной документации, автор обращается к анализу кадрового состава Института красной профессуры, уточняет состав и специфику слушателей, характеризует финансовое и инфраструктурное сопровождение его работы. В основу исследования положены методы социальной статистики – проведенный однолинейный статический анализ профессорско-преподавательского состава Института красной профессуры в 1937 г., реализованный с помощью пакета «Statistical Package for the Social Sciences»; динамический анализ академического движения слушателей Института красной профессуры истории за 1931–1937 гг. Автор приходит к выводу о том, что регулятивные функции государства вошли в противоречие с бытовыми реалиями 1920–1930-х гг. В связи с этим Институт красной профессуры так и не стал успешно реализованным государственным проектом.

Ключевые слова: история науки, Институт красной профессуры, государственное регулирование, кадровый состав, слушатели, финансирование, инфраструктура

© Долгова Е.А., 2018

Для цитирования: Долгова Е.А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2(12). С. 39–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52

Institute of Red Professors as a “state” project (1921–1938)

Evgeniya A. Dolgova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dolgova-evg@rambler.ru*

Abstract. The article describes the scope and potentialities of state regulation of such a specific social institution as a science. Through materials of the history of the Institute of the Red Professors (an educational institution founded after the Revolution of 1917 to prepare teaching and scientific personnel in social and economic disciplines for higher educational institutions) an example of the practical realization of one of the state projects in the 1920–1930s is explored. Investigating a wide range of unpublished documents, the author turns to the analysis of the staff of the Institute of Red Professors, clarifies the composition and specifics of the students and characterizes the financial and infrastructural support of its work. The research is based on the methods of social statistics, such as a unilinear statistic analysis of the teaching personnel of the Institute of Red Professors in 1937, using the «Statistical Package for the Social Sciences»; dynamic analysis of the academic movement of students of the Institute of the Red Professors in History for 1931–1937. The author comes to a conclusion that the state’s regulatory functions came into conflict with the everyday realities of the 1920s–1930s. So, the Institute of Red Professors did not become a successfully implemented state project.

Keywords: history of science, Institute of Red Professors, state regulation, personnel, students, financing, infrastructure

For citation: Dolgova EA. Institute of Red Professors as a “state” project (1921–1938). *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:39-52. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52

Введение

Вопрос о роли государства в динамике общественных трансформаций соотносится с проблемой определения характера, значения и границ регулирования отдельных социальных институтов в указанный период. При этом одним из дискуссионных является вопрос о границах и потенциальных возможностях государственного регулирования такого специфического социального института, как наука. В какой степени государство могло влиять на направление научных исследований, специфику произведенной научной продукции и, наконец, характеристики научных кадров? Попробуем ответить на данный вопрос, обратившись к истории Института красной профессуры (далее ИКП, Институт) – учебного заведения, созданного после революции 1917 г. для подготовки обновленного состава преподавательских и научных кадров по общественно-экономическим дисциплинам в высших учебных заведениях, институтах и курсах марксизма-ленинизма, школах пропагандистов и научно-исследовательских институтах.

Институт красной профессуры, созданный по инициативе власти в 1921 г., с первых дней своего существования позиционировался как флагманский проект, «кузница кадров» советской высшей школы. Поставленная большевиками задача создания «нового общества» требовала подготовки нового поколения преподавателей, которые проводили бы линию партии в науке и образовании. «Буржуазные» профессора с дореволюционным стажем не годились для такой миссии – поэтому власть пыталась в кратчайший срок выковать новые ангажированные кадры, «красных профессоров» [1]. Вследствие важности этой задачи вновь образованный институт оказался в исключительном положении среди других научно-образовательных учреждений. Среди прочего, это нашло отражение в финансировании и инфраструктурном обеспечении ИКП, предоставлении определенных льгот и привилегий социально-экономического характера не только работникам, но и слушателям; мобилизации слушателей на обучение в институте и вследствие этого – созданной системы постоянной генерации выпускников, государственной заинтересованности в их последующем трудоустройстве и перемещении в системе административных назначений 1930-х гг. Динамика отношений ИКП с государством развивалась от периода исключительного внимания к нему в 1920-е гг. до закрытия 1 января 1938 г. За эти годы институт стал учреждением союзного значения, вошел в узкий перечень учреждений ведения ЦИК СССР и разделился

на несколько отраслевых, специализированных учреждений. Его развитие в постреволюционное двадцатилетие, на первый взгляд, поступательно и экстенсивно: оно иллюстрирует успешность реализации задуманного в период «общественных трансформаций» государственного проекта по обновлению научно-образовательной сферы.

Почему же Институт красной профессуры был закрыт 1 января 1938 г.? В историографии традиционно отмечается, что к этому времени он выполнил стоявшие перед ним задачи и одновременно исчерпал себя как учреждение переходного типа по подготовке партийных научных кадров, более того, его функции уже дублировались другими вузами [2 с. 7]. Прагматически же этот вопрос был переосмыслен Л.А. Козловой, справедливо отметившей, что для ликвидации образовательного учреждения посреди учебного года, «задним числом» (приказ был подписан 8 января) и «с изрядной спешкой» – незакрытыми хозяйственными счетами, с выплатой стипендии на день отчисления, выходного месячного пособия слушателям и расчетом с преподавателями из средств кредитов, отпущенных на 1938 г. – должны были быть веские основания, кроме выявленного дублирования функций [3, 4]. Это наблюдение подтверждает комплексный анализ делопроизводства последних лет работы Института красной профессуры, свидетельствующей о том, что на деле его функционирование не вполне оправдало государственные ожидания. Несмотря на то что в процессе ликвидации института по описи был уничтожен значительный комплекс документации, сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ), Архиве Российской академии наук (Архив РАН) и Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге (ЦГАИПД) источники многочисленны и репрезентативны: они позволяют судить о тенденциях работы ИКП и о тех ограничивающих обстоятельствах, с которыми на практике столкнулась реализация одного из «приоритетных» государственных проектов в 1920–1930-е гг.

Как «буржуазные профессора» учили «красных профессоров»

Первым ограничивающим идеологическую роль ИКП обстоятельством стал его профессорско-преподавательский состав. По отзывам первого ректора М.Н. Покровского, он с момента

открытия был одним из «слабых» мест в работе института. Сначала руководство старалось приглашать крупных партийных работников, однако столкнулось с тем, что «большая часть откровенно и честно отказалась, очень немногие, хоть и приходили, посещали обыкновенно организационные заседания, производили там более или менее красноречивое вступительное слово <...> и об этих товарищах никто больше никогда не слышал, они исчезали. Кажется, один из таких работников случайно провел четыре занятия. Об этом долго говорили» [5 с. 62]. По этой причине руководству пришлось обратиться к преподавателям, чья политическая позиция далеко не всегда ассоциировалась с преданностью партии ВКП(б) – беспартийным и даже представителям альтернативных большевизму течений. Однако эта тенденция характеризовала не только ранний период развития ИКП: мы отмечаем ее и на конец работы институции.

Проведенный с помощью пакета SPSS однолинейный анализ 240 анкет, выявленных в комплексе синхронной делопроизводительной документации восьми Институтов красной профессуры – Аграрного ИКП, ИКП истории, ИКП литературы, ИКП советского строительства и права, ИКП мирового хозяйства и мировой политики, ИКП философии, ИКП экономики, Ленинградского объединенного ИКП [6] – позволил охарактеризовать преподавательское сообщество в поздний период его работы, когда, казалось бы, совершилась «советизация» и поколение «красных профессоров» победило. Результаты статистического анализа показали, что на май 1937 г. в партии ВКП(б) состояло всего 45,1% преподавательского состава ИКП, несколько преподавателей были членами иностранных компартий, остальные 51,5% преподавателей были беспартийными. Говоря о партийном стаже, стоит отметить, что у большинства преподавателей он не превышал 20 лет. Зато в числе преподавателей были те, кто до 1917 г. состояли в Бунд, в Еврейской демократической рабочей партии «Поалей Цион», в РСДРП меньшевиков (профессор ИКП литературы В.Я. Кирпотин), партии левых эсеров (преподаватель Ленинградского объединенного ИКП К.К. Величко) и даже кадетской партии (профессор ИКП литературы А.К. Дживелегов). Похожую картину дает и анализ таких индикаторов, как происхождение и образование преподавателей ИКП. Те, кто учил «красных профессоров», происходили из дворян, из духовного звания, из служащих, очень редко – из рабочих и крестьян. В 1937 г. в ИКП работал «Мика» Морозов, известный по его детскому портрету кисти В. Серова, дочь морского офицера, имевшего личное дворянство, Л.П. Винокурова, сын генерального

консула в Китае В.С. Колоколов и др. Таким образом, в делопроизводственной документации ИКП предстает не идеологическим центром, а всего лишь одним из возможных мест работы интеллигенции, в том числе и «старой профессуры» в 1920–1930-е гг.

Почему «красных профессоров» обучали столь неблагонадежные в политическом отношении кадры? Причина была прагматична: именно они были наиболее конкурентоспособны на образовательном рынке, особенно по сравнению с молодыми выпускниками комвузов. Так, французскому, немецкому, испанскому языку «красных профессоров» обучали бывшая владелица самой известной до революции частной гимназии в Москве В.В. Потоцкая и многочисленные «курсистки» (многие из них были дворянками по происхождению); палеографии и церковнославянскому языку – сын священника, выпускник Духовного училища А.Н. Сперанский и т. д. В нагрузку же выпускникам комвузов предлагались специальные предметы из цикла общественно-политических дисциплин. Была ли возможность у слушателей получить нужный, желанный власти импульс верности партии и коммунистической идеи от преподавателей ИКП, происходивших из «бывших»? На наш взгляд, скорее при желании они могли получить качественное и разностороннее образование, во многом преемственное дореволюционной системе. Косвенным образом, этому способствовали и постоянные перестройки образовательного процесса в ИКП, которые по факту оборачивались ломкой едва сложившихся учебных программ и планов. Так, в сохранившейся в документах Ленинградского объединенного ИКП жалобе слушателя Бойцова (1935 г.) отмечалось: «У нас нет ни тематики, ни программы, ни списка литературы. Нам сказали, что вы, товарищи, читайте пока Покровского и Ключевского» [7 л. 16].

Слушатели Института красной профессуры: коэффициент полезного действия?

Второе ограничение функционирования Института красной профессуры связано с его слушателями – мобилизованными на обучение будущими «красными профессорами». Конечно, в отличие от профессорско-преподавательского состава в отношении их рекрутирования действовали регулирующие принципы: для поступления в ИКП требовался партстаж, характеристики от местных парторганизаций, во внимание принималось социальное происхождение, биография соискателя, с 1932 г. был взят целена-

правленный курс на «орабочивание» студенческого состава – на основании решения ЦК ВКП(б) от 15 октября 1932 г. условия приема предусматривали партийный стаж для рабочих 5 лет, для остальных – 10 лет; также была поставлена и процентная планка – не менее 70% приема рабочих [8 л. 1]. Однако учитывалась ли при этом подготовка поступавших? Несмотря на наличие вступительных испытаний и требований к теоретической (не ниже комвуза) и общеобразовательной базе (не ниже рабфака) слушателей, нам представляется, что не вполне. Так, в письме председателя Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП (1936 г.) отмечалось: «Существующий до сих пор вербовочный метод не обеспечивает необходимую квалификацию принимаемых в ИКП слушателей. Более того, обкомы, как правило, стараются не отпускать способных и талантливых людей, а откомандировывают тех, кто им не нужен» [9 л. 1]. Квалификация вновь поступивших порой была настолько низкой, что некоторые директора ИКП в 1936 г. ставили вопрос об отмене требования партстажа и настаивали на своем праве отчислять неуспевающих «икапистов» из институтов, – все это время подобного рода отчисления были чрезвычайно затруднены и происходили каждый раз с особого разрешения Оргбюро ЦК ВКП(б) [9 л. 2].

Для анализа квалификационных характеристик слушателей обратимся к анализу их академического движения, проследив статистику отчислений, переводов, успешного окончания ИКП. Динамический анализ за несколько последних лет нам дает документация ИКП истории – одного из отраслевых институтов, выделившегося в 1931 г. С 1931 по 1937 г. в Институт были приняты 408 человек. Данные по их социальному составу и академической подготовленности агрегированы в табл. 1 и 2.

В табл. 1 показана академическая подготовленность слушателей, принятых в ИКП по годам.

Приведенные данные показывают, что в первые четыре года существования ИКП истории основная масса принятых состояла из лиц, имеющих либо среднее образование, либо образование в объеме комвуза. Лиц, имеющих среднее образование, было принято 38,4%. Лишь в последние три года число лиц, имеющих образование в объеме вуза, было 27,1% из общего состава принятых.

Таблица 1

Академическая подготовленность слушателей,
принятых в ИКП истории: 1931–1937 гг.

<i>Учебный год</i>	<i>Всего</i>	<i>Высшее (вуз)</i>	<i>Среднее (общее)</i>	<i>Комвуз</i>
1931	86	–	22	64
1931–1932	128	–	67	61
1932–1933	22	–	4	18
1933–1934	6	–	1	5
1934–1935	34	8	4	22
1935–1936	70	15	–	55
1936–1937	62	22	–	40
ИТОГО	408	45	98	265

Источник: Расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 4.

Состав принятых слушателей по отдельным годам по социальному положению показан в табл. 2.

Таблица 2

Социальное происхождение слушателей,
принятых в ИКП истории: 1931–1937 гг.

<i>Учебный год</i>	<i>Всего</i>	<i>Рабочих</i>	<i>Крестьян</i>	<i>Служащих</i>	<i>Прочих</i>
1931	86	27	6	53	
1931–1932	128	77	5	46	
1932–1933	22	11	2	9	
1933–1934	6	2		4	
1934–1935	34	11	15	6	2
1935–1936	68	24	15	29	
1936–1937	64	22	9	33	
ИТОГО	408	174	52	180	2

Источник: Расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 4–5.

Согласно табл. 2, наибольшее число принятых составляли служащие – 44,1%, а наименьшее крестьяне – 12,7%. Рабочих из общего состава всех принятых было 42,4%. В 1931–1932 гг. процент рабочих увеличился до 60,1%. В 1937 г. процент рабочих снизился до 34,4%. Таким образом, основная установка ЦК ВКП(б) в привлечении в ИКП рабочих не менее 70% всего приема выполнена не была. Общий же удельный вес «благонадежных» в социальном отношении кадров слушателей составлял 55,4%

Табл. 3 иллюстрирует академическое движение слушателей, а именно – какое количество слушателей успешно окончили ИКП истории, а какое – были отчислены или переведены. Всего за период 1931 по 1937 г. окончили институт всего 112 человек. По отдельным годам выпуск распределялся следующим образом.

Таблица 3

Распределение закончивших ИКП истории слушателей
по годам: 1931–1937

<i>Учебный год</i>	<i>Окончило (чел.)</i>
1931	28
1931–1932	31
1932–1933	17
1933–1934	11
1934–1935	9
1935–1936	3
1936–1937	13
ИТОГО	112

Источник: Расчеты автора на основе: ГАРФ. Ф. Р-5143. Оп. 4. Д. 2. Л. 6.

Таким образом, в табл. 3 показано крайне малое число слушателей, окончивших институт. Оно составляло 35% к числу принятых, т. е. всего $\frac{1}{3}$ часть всех поступивших оканчивали ИКП. Остальные $\frac{2}{3}$ выбывали из института по разным причинам. Так, за время с 1931 по 1937 г. досрочно выбыли 259 человек, из них за неуспеваемость было исключено 42 (16,2%), столько же было отчислено по другим причинам (из них 16 – по политическим причинам), 52 человека

перевелись в другие ИКП (20%). Большая же часть слушателей – 123 человека (47,5%) – выбыли по досрочной мобилизации ЦК на практическую работу [8 л. 6]. Нельзя не отметить низкий коэффициент полезного действия Института красной профессуры: по факту в количественном отношении он функционировал практически «вхолостую».

Обратимся к еще одному аспекту проблемы – нам показалось интересным установить, как распределялись на работу слушатели, успешно окончившие курс ИКП. К сожалению, статистики за 1931–1937 гг. в нашем распоряжении не оказалось. Однако анализ списков распределения выпускников ИКП истории за 1932 г. показывает, что в основном они направлялись «на практическую работу». Об этом же свидетельствуют и другие документы. В цитируемой выше в письме председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП (1936 г.) отмечалось, что «значительный процент оканчивающих ИКП идет не по прямому назначению, а используется на всяких административного характера должностях» [9 л. 1]. Кадры «красных профессоров» ценились в административных перемещениях 1930-х гг. По воспоминаниям Э.Б. Генкиной, мало кто из них оставался на научной работе: «Очень многие из окончивших ИКП в 20-е годы мечтали не о научной, а о практической работе – хозяйственной или партийной. Экономистов буквально «расхватывали» наркоматы, ВСНХ, Госплан, а аграрников – Наркомзем» [10 с. 270]. Опасение высказывал и М.Н. Покровский: «Когда молодого человека, недоделанного ученого, втянут в организационную обстановку, да еще обставят всяким аппаратом: кабинет, секретарь, автомобиль и т. д., то он часто перестает быть ученым (а он, возможно, мог быть хорошим ученым) и превращается в плохого советского работника» [10 с. 270]. Таким образом, и в этом отношении Институт красной профессуры не вполне выполнял поставленную перед ним цель – в основном выпускники не оставались на научной и педагогической работе.

Исключением было привлечение выпускников к преподавательской работе в самом ИКП: на 1937 г. они составляли 32,5% преподавательского корпуса. При этом их статусные позиции были однозначно высокими – практиковалось назначение выпускников ИКП на руководящие административные посты, из 92 профессоров, работавших в ИКП в 1937 г., 47 были его выпускниками и получили звание «красного» профессора автоматически. Однако восстановление в 1934 г. практики присуждения научных степеней (кандидата и доктора наук) и присвоения ученых званий (действи-

тельный член, старший и младший научный работник в научно-исследовательских организациях; профессор, доцент, ассистент в вузах) фактически обесценило их статус: лишь некоторым из «красных профессоров» удалось добиться присуждения квалификационного звания профессора в 1935 г. «без защиты диссертации». Остальные фактически оказались лишены права преподавания в высшей школе [9 л. 1 об].

Институт красной профессуры: финансовое и инфраструктурное сопровождение

Кроме того, что Институт красной профессуры показывал противоречивые результаты его работы, он однозначно был «дорогим» проектом. Так, его положение в списке учреждений, состоящих в ведении ЦИК, предполагало особое финансирование – в том числе затраты на инфраструктуру (содержание и строительство зданий учебного и жилого назначения, книжное снабжение и оборудование лабораторий и библиотек), зарплаты слушателям и их преподавателям и др. выплаты. В документе 1936 г. отмечалось, что «десять тысяч в год стоит один слушатель ИКП» [9 л. 8]. Можно понять недовольство ревизионной инспекции, учитывая, какая доля из этих слушателей доходила до успешного выпуска.

Ситуацию усугубляли вскрывшиеся нарушения. Лучше всего их иллюстрируют перипетии с так называемым жилищным вопросом, остро стоявшим перед слушателями Института на всем протяжении его функционирования. Мобилизованным на обучение, иногородним слушателям ИКП порой негде было жить: им не хватало койко-мест в разрозненных, приспособленных под общежития зданиях. Постройка комплекса из восьми зданий коммунального типа на Большой Пироговской улице в 1929–1930 гг. проблемы не решила, поскольку общежитие в один момент оказалось занято посторонними лицами, в том числе бывшими выпускниками ИКП. В 1935 г. ситуация оказалась настолько острой, что под угрозу был поставлен учебный набор 1936 г. Результатом стала волна выселений лиц, «утративших связь с ИКП», при помощи милиции и суда. Это административное усилие освободить общежитие от незаконно проживающих вызвало большой резонанс – вплоть до публикаций в газете «Правда» и писем на имя Сталина. Итогом стала серьезная хозяйственная проверка 1937 г., выявившая факт нецелевого использования зданий, построенных «специально для общежития слушателей ИКП», а также «производство ремонтов и продажу

материалов и инвентаря на сторону». Дополнительно также была обнаружена несдача в кассу некоторых сборов с жильцов (в частности, комендантом присваивалась собираемая с жителей квартплата за проживание в двух общежитских бараках на Бережковской, 46 и Малой Пироговской, 20, о которых регулярно рапортовалось: «Дома ветхие. Квартплата с жильцов [не] взимается»). Этот опыт продемонстрировал столкновение с реальностью государства, вложившего немалые средства в инфраструктуру пестуемой образовательной институции и по факту не добившегося этой финансовой инвестицией ничего, – в один момент в условиях остро стоявшего для москвичей жилищного вопроса выстроенное для коммунистической элиты общежитие заполнилось кем угодно, только не теми, для кого оно строилось [11], а финансовые вложения, обеспечивающие расширение Института и рост его контингента в количественном отношении, не могли повлиять на его качество.

Заключение

Итак, говоря о регулятивных возможностях государства, мы должны констатировать, что они вошли в противоречие с бытовой реальностью 1920-х гг. Преподавательский состав ИКП в большинстве своем сложился все-таки до 1917 г. и едва ли мог дать слушателям желанный власти импульс верности коммунистической идее. Академическое движение слушателей, которые были относительно однородны в политическом и в меньшей степени социальном отношении, демонстрировало резкую «вилку» между поступлением и выпуском. В силу частых мобилизаций, переводов, академической неуспеваемости до выпуска доходила $\frac{1}{3}$ зачисленных, но и те по итогам распределения рассеивались в частых административных перемещениях 1930-х гг., а с 1934 г. – часть из них и вовсе оказались лишены права на преподавание в высшей школе. Одновременно ИКП требовал постоянных финансовых и инфраструктурных вложений, при этом эти вложения часто не оправдывали себя. Таким образом, Институт красной профессуры начинался с революционной идеи, какое-то время существовал как витринный проект, однако его содержание обходилось государству слишком дорого и в конечном счете оказалось нецелесообразно.

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, а2 № 16-31-01079.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. a2 № 16-31-01079.

Литература

1. *Шевелева П.А.* Образ «красного профессора» (по материалам журнала «Историк-марксист») // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 21 (99). История. Вып. 22. С. 147–163.
2. *Соловей В.Д.* Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 87–98.
3. *Козлова Л.А.* Институт красной профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1999. № 1. С. 96–112.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 1946: Проект постановления Президиума ЦИК СССР о ликвидации Институтов красной профессуры. 1938 г.
5. *Покровский М.Н.* Речь на десятилетии Института красной профессуры // Памяти Михаила Николаевича Покровского. М.: Партиздат, 1932. С. 53–77.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2401: Списки руководящего, научного и профессорско-преподавательского состава Институтов красной профессуры по состоянию на май 1937 г.
7. Центральный государственный архив историко-политических документов. г. Санкт-Петербург. Ф. 566. Оп. 1. Д. 2709: Заседание исторического отделения по подготовке к московскому совещанию по вопросам преподавания в ИКП, 21 октября 1935 г.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5143. Оп. 4. Д. 2: Докладная записка директора ИКП истории о работе института с 1931 по 1937 г. с приложением списка преподавателей.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1799: Письмо председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями об улучшении работы ИКП и заключении по вопросу слияния ИКП с аспирантурой социально-экономических вузов. Июль–август 1936 г.
10. *Генкина Э.Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки: Историографический ежегодник. 1981. М.: Наука, 1985. С. 258–273.
11. *Долгова Е.А.* Квартирный вопрос для красной профессуры // Родина. 2017. № 8. С. 122–125.

References

1. Sheveleva P.A. The image of the “red professor” (based on the materials of the magazine “The Historian-Marxist”). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;21:147-63. (Istoriya. Issue 22.) (In Russ.)
2. Solovej V.D. Institute of Red Professors: training of historians of the party in the 20s-30s // *Voprosy istorii KPSS*;1990:2:87-98. (In Russ.)
3. Kozlova L.A. Institute of Red Professors (1921–1938): historiographical essay. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1999;1:96-112. (In Russ.)

4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond R-7668. Opis' 1. Delo 1946. Fond P-7668. Opis' 1. Delo 1946: Draft Resolution of the Presidium of the CEC of the USSR on the liquidation of the Institutes of the Red Professors. 1938. (In Russ.)
5. Pokrovskij MN. A Speech Honouring the Decade of the Institute of Red Professors. V: *In memory of Mikhail Nikolaevich Pokrovsky*. Moscow: Partizdat Publ.; 1932. C. 53-77. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond R-7668. Opis' 1. Delo 2401. Fond P-7668. Opis' 1. Delo 2401: Lists of administrative, scientific and academic staff in the Institutes of the Red Professors as of May 1937. (In Russ.)
7. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov g. Sankt-Peterburg. Fond 566. Opis' 1. Delo 2709. Fond 566. Opis' 1. Delo 2709: The meeting of the historical department on the preparation for the Moscow meeting on teaching issues in the IRP, October 21, 1935. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 5143. Opis' 4. Delo 2. Fond 5143. Opis' 4. Delo 2: Report of the Director of the IRP in History on the work of the Institute from 1931 to 1937 with a list of lecturers. (In Russ.)
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 3316. Opis' 64. Delo 1799. Fond 3316. Opis' 64. Delo 1799: A letter from the Chairman of the Committee on the Administration of Scientists and Educational Institutions on the improvement in the IRP work and the conclusion on the merger of the IRP with the postgraduate course of socio-economic universities. July–August 1936. (In Russ.)
10. Genkina EB. Memories of the institute of Red Professors. V: History and historians. *Historiographic Yearbook*, 1981. Moscow: Nauka Publ.; 1985. p. 258-73. (In Russ.)
11. Dolgova EA. Housing problem for the red professors. *Rodina*. 2017;8:122-25. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгения А. Долгова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; dolgova-evg@rambler.ru

Information about the author

Evgeniya A. Dolgova, Ph.D. in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Finance University, Moscow, Russia; dolgova-evg@rambler.ru

УДК 321(72)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-53-62

Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг.

Иван Н. Косиченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ivan.kosichenko@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проектов государственного устройства на территориях, занятых восставшими индейцами майя во время Войны каст 1847–1901 гг. Эта война стала крупнейшим этносоциальным конфликтом в Латинской Америке XIX в. и оказала большое влияние на развитие мексиканской государственности и межэтнических отношений. Особое внимание в статье уделяется уникальному синкретическому культу – культу говорящих крестов, который стал основой военно-теократической системы государственных образований повстанцев. Основанный на смеси элементов традиционных верований, христианских обрядов, а также политических и социальных практик индейцев майя доколумбового и колониального периода, этот феномен государственного строительства представляет интерес в качестве примера взаимного проникновения и восприятия религиозных, культурных и политических практик белого и коренного населения в постколониальной Мексике.

Ключевые слова: Мексика, война каст, религиозный синкретизм, политическая антропология, военная история, майя

Для цитирования: Косиченко И.Н. Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847–1901 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 53–63. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-53-62

State projects of the Maya in Caste War of Yucatán (1847–1901)

Ivan N. Kosichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ivan.kosichenko@gmail.com*

Abstract. The article reviews of state structure projects on territories, occupied by rebel Maya people during the Caste War of Yucatan. That war was the most eminent ethno-social conflict in Latin America of the 19th century and exerted a considerable influence on the development of Mexican state formation and interethnic relations inside the country. The author highlights the unique syncretic cult, that is, the Talking Crosses cult, which became a foundation for the military-theocratic political system of rebels. Based on the mixture of elements of indigenous beliefs, Christian rituals, and political and social practices of Maya people in the pre-Columbian and colonial eras, this phenomenon of state building makes much from an example of the mutual diffusion and perception of religious, cultural and political practices among the white and indigenous population in postcolonial Mexico.

Keywords: Mexico, Caste War, religious syncretism, political anthropology, military history, the Maya

For citation: Kosichenko IN. State projects of the Maya in Caste War of Yucatán: 1847–1901. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:53-63. DOI:10.28995/2073-6339-2018-2-53-62

Введение

Война каст на полуострове Юкатан, продолжавшаяся с 1847 по 1901 г., стала одним из самых длительных и кровопролитных этносоциальных конфликтов в Латинской Америке XIX в. Война, начавшаяся как крестьянское восстание коренного населения, вылилась в продолжительный конфликт, в ходе которого появился уникальный синкретический культ, ставший основой идеологии восставших и социально-политического устройства на подконтрольных им территориях.

В отечественной историографии специальных исследований данного конфликта нет. В общих работах Война каст оценивается в контексте борьбы коренного населения против этнического и социального угнетения. Однако этот конфликт достоин изучения не только потому, что породил оригинальные проекты политического устройства, но также определил развитие Мексики как федеративного государства.

Изначальными причинами восстания было обезземеливание крестьян, связанное с процессом приватизации земель индейских общин, усиление налогового давления на коренное население и невыполнение правительством штата своих обязательств по отношению к ветеранам многочисленных внутренних и внешних конфликтов, связанных опять же с отменой налогов [1, 2, 3]. Во главе восставших встали члены майяской элиты, кровно заинтересованные в сохранении общинного землевладения, а вместе с тем и своего социального положения.

С самого начала этот этносоциальный конфликт отличался крайней жестокостью. Резня белых и метисов в Тепиче 30 июля 1847 г. спровоцировала жестокость ответных мер против повстанцев [4 р. 15]. В свою очередь, это привело к появлению еще двух факторов, определявших идейные основания борьбы индейцев: месть за массовые убийства мирного населения (впрочем, этим в той войне отличились обе стороны) и борьба за создание автономного государства майя. Надо отметить, что попытки добиться международного признания начались практически сразу. Уже в 1849 г. лидеры восстания обращаются к суперинтенданту Британского Гондураса (современный Белиз) Джону Фанкортю с просьбой о помощи и признании майяской автономии [3 р. 54].

Что касается мотива мести, складывающегося в самом начале конфликта, идея «освободить Юкатан от белых» (физически) красной линией проходит через всю историю восстания. Один из ведущих командиров начального этапа восстания, Хасинто Пат, писал коррехидору Петена (Гватемала) в оправдание жестокости индейцев:

...здесь, на Юкатане, мы страдаем от многочисленных зол и бедствий, что причиняют нам испанцы. Они убивают несчастных индейцев так, как они убивают животных [2 р. 55].

Не выдержав открытого столкновения с правительственными войсками, к 1850 г. повстанцы откатились на слабозаселенные и практически девственные территории юго-восточной части Юка-

тана – на территорию современного штата Кинтана-Роо. К тому же году относится событие, положившее начало формированию на захваченных майя территория автономных политических образований военно-теократического характера.

*Крестом и мачете:
военно-теократические государства майя*

В конце 1850 г. неким Хосе Мария Баррера, метисом из селения Пето, дезертировавшим из правительственного гарнизона, был якобы обнаружен возле родника маленький крест, наделенный даром речи. Крест заявил, что он суть святая Троица, ниспосланная на землю Богом для того, чтобы вести и защищать «христианские народы» в их борьбе с белыми [5 р. 294]. Для большего эффекта своей находки Баррера пользовался услугами индейца-чревовещателя по имени Мануэль Науат. Весть о новоявленном чуде разнеслась по окрестным индейским поселениям, вокруг креста начал разрастаться синкретический культ. Центром культа стал основанный его последователями город Чан-Санта-Крус («Маленький Святой крест»), ныне известный как Фелипе Карильо Пуерто.

Надо отметить, что идея обладающих даром речи священных объектов являлась широко распространенной в традиционных верованиях майя, в том числе уже колониальной эпохи. В XVI в. среди индейцев был известен «идол» с острова Косумель, бывший центром притяжения для паломников. Идол представлял собой полую глиняную статую, достаточно большую, чтобы вместить служителя, говорившего от лица божества. Представители испанских церковных властей настаивали на том, что говорящие идолы используются «идолопоклонниками» для обмана индейцев. Вскоре после окончательного покорения Юкатана, в 1597 г., до испанцев дошли вести о возродившемся оракуле Косумеля, возникшем в селении Сотута. В доме некоего Андреса Чи по ночам вещал таинственный голос, представляющийся Святым духом. На самом деле вещал подобранный Чи ловкий мальчик, сидевший в темном углу под крышей [6 р. 99]. Таким образом, быстрый рост популярности нового культа среди восставших можно объяснить его близостью к традиционным ритуальным практикам индейцев майя.

Вскоре после основания селения Чан-Санта-Круса мексиканское правительство послало войска для его уничтожения. На рассвете 23 марта 1851 г. правительственные войска внезапно атаковали и разрушили город. Чревовещатель Науат был убит, святилище

предано огню, однако Хосе Баррере удалось бежать. Опасаясь оставаться длительное время в глубоком тылу повстанцев, правительственные войска ретировались, а индейцы вернулись в разоренное селение. Баррера же немедленно воссоздал культ.

Теперь он приобрел еще больше мистических черт: индейцы построили новую церковь, в которой было уже три креста, которые были провозглашены детьми первого. Также кресты начали одевать и украшать ювелирными изделиями, как будто это изображения божеств. Изменилась и технология «вещания»: в помещении, уже куда больше напоминающем католическую церковь, на алтарь были установлены кресты, а за ним в землю была врыта бочка, в которой и находился жрец.

Когда в феврале 1852 г. войска генерала де ла Вега снова вошли в Чан-Санта-Крус, один из офицеров описал почитаемые индейцами объекты следующим образом: «три креста, стоящие в ряд, и одетые в уипиль и фустан», т. е. в традиционное майяское женское одеяние: блузу и юбку [5 р. 295]. Описываются и подношения, приносившиеся идолам в качестве платы за пророчества или наставления: маис, курицы, поросята, воск и деньги [6 р. 101].

С приходом к власти Венансио Пука в 1857 г. иерархия культа была скорректирована. Правитель Чан-Санта-Круса одновременно занимал должность защитника крестов (*tatich*). Помимо него служителями культа были еще 2 человека: *Tata Naz*, исполнявший функции священника, и его сын, бывший голосом крестов [5 р. 297].

Tata Naz был ответственен за чтение проповедей, возглавлял ежедневные молитвы, возносившиеся кресту, крестил детей и совершал обряд венчания. Последний был прост: священник окроплял освещенной водой головы жениха и невесты и произносил «венчаю вас во имя Святого Креста» [7 р. 75]. Все молитвы также возносились к имени крестов.

Обращения крестов к пастве занимали отдельное место в жизни Чан-Санта-Круса. Этот ритуал, проходивший в отстроеном в 1860 г. впечатляющем каменном соборе, всегда начинался в полночь, и присутствовать на нем могли только высшие иерархи повстанцев, а также высокие гости, не считая нескольких солдат, которые всегда несли у крестов почетный караул. Прочие солдаты и простые жители ждали божественных распоряжений на площади перед храмом. По описанию Хосе Мария Росадо, который был пленен в форте Бакалар на границе с Белизом и прожил несколько лет в повстанческой столице, ритуал имел много мистических черт. Так, после того как собирались все «офицеры» и «генералы» повстанцев и учитывались отсутствующие, в храме полностью гас

свет. Далее, по его описанию, звучали звуки «приближающейся бури» или «хлопанья крыльев огромной птицы», затем раздавался громкий, отражающийся от стен шепот, который был голосом креста [7 р. 74].

На основе этого синкретического культа сложилась военно-теократическая структура, которую в испаноязычной историографии принято называть термином “cacicazgo”. Культ говорящих крестов был центром всей политической и общественной жизни: кресты Чан-Санта-Крус отдавали приказы верхушке повстанцев и определяли политический курс индейской автономии, назначали размеры податей, определяли судьбу пленных, объявляли вооруженные вылазки на территорию под контролем правительства и определяли нормы общественного поведения [8 р. 323].

Второй осью жизни повстанческих вождей была война, и условиям военного времени была подчинена общественно-политическая иерархия. Лидер общины одновременно являлся верховным иерархом культа, так называемым «министром Крестов». Ему подчинялась «Святая гвардия», подразделение в 150 человек, являвшееся гарнизоном поселения. Дежурные гвардейцы сменялись каждые 15 дней. Также в подчинении верховного иерарха находились так называемые роты (compañías), к одной из которых был обязан принадлежать каждый мужчина старше 16 лет или состоящий в браке. В каждой роте был свой командный состав, начиная с сержантов (cabos) и заканчивая командиром (comandante) [6 р. 105]. Верховный иерарх, стоящий над всеми, обладал практически неограниченными полномочиями.

Еще одним нововведением в управленческих практиках майя, возникшим в 1850-х гг., стало появление «божественных писем». Впервые они были использованы неким Хуаном де ла Крус Пук, который начал писать приказы лидерам других повстанческих поселений от имени крестов. Пук был провозглашен министром крестов, с полномочиями консультироваться на небесах с Богом, и со временем к его пышной титулатуре добавлялись имена «сына господня», «прародителя христиан», «Иисуса Христа» и т. п. [9 р. 497].

Чан-Санта-Крус и его лидеры хотя и являлись всеми признанной ведущей силой индейского восстания, довольно быстро потеряли религиозную монополию. Обнаруживались и другие кресты, находившиеся в центрах повстанческого движения на территории северо-восточного, восточного и южного Юкатана. Каждое мелкое селение имело свою «часовню», в которой также находились кресты. Помимо крестов, устанавливаемых в культовых сооружениях,

повстанцы часто носили свои персональные нательные кресты [5 р. 295].

Главным крестом считался крест Чан-Санта-Круса, ниже его в иерархии «могущества» стояли кресты крупных повстанческих центров, таких как Чанка, Чунпом, Сан Антонио Муиль и Тулум. Последний отличился тем, что во главе культа и общины там стояла женщина, известная как Мария Уикаб, носившая титул святой заступницы [6 р. 106]. Затем шли еще менее могущественные кресты отдельных селений, фамильные кресты, передававшиеся по наследству и, наконец, личные нательные кресты. Как правило, магические свойства начинали приписываться крестам начиная с фамильных. Крестам регионального значения уже приносились подношения. Помимо этого, для охраны почитаемых региональных крестов также создавались подразделения «Святой гвардии», по образцу Чан-Санта-Круса [5 р. 295].

Необходимо отметить, что к христианским миссионерам индейцы относились достаточно терпимо, не изгоняли их немедленно и не учиняли над ними насилия. Во всяком случае, сразу. В отчете о допросе сбежавшего из плена Хосе Марии Эчеверрия [10 р. 64] содержится упоминание того, как в Чан-Санта-Крус, где он находился в качестве секретаря Захарии Мая, прибыли два английских священника. Они задержались в городе на 8 дней. Им было предоставлено жилье в одной из пристроек храма и еда. Также они провели две мессы на английском языке. Через 8 дней они были изгнаны из города по приказу тогдашнего командира Кресенсио Пута как личности, «смущающие разум индейцев своими проповедями». Однако они не были ограблены или избиты индейцами.

В дальнейшем терпимость поклонников креста к христианской религии была подтверждена событиями на севере и юге Юкатана, в областях, где повстанцы заключили мир с правительством. Они довольно быстро возвращались в лоно католической церкви, не испытывая при этом каких-либо неудобств и не оказывая сопротивления [5 р. 297]. Английский путешественник Джон Кармайл в своем отчете суперинтенданту Белиза от 1867 г. [11 р. 86] и вовсе утверждает, что религия индейцев ничем не отличается от римско-католической, кроме отсутствия постоянных священников и излишне рьяного почитания святых.

Помимо поклонения говорящим крестам индейцы также совершали некоторые обряды, традиционные для доколумбовой культуры и остающиеся в обиходе до сегодняшнего дня. Одним из важнейших был обряд подношения предкам. Так его описывает уже упоминавшийся Х.М. Росадо [7 р. 75]:

Индейцы сохраняли обряд кормления душ (*janal pixam*). Они клали пищу на могилы своих недавно умерших родственников. Затем они ели, пили и танцевали вокруг могилы.

Заключение

Однако, несмотря на то что поначалу культ говорящих крестов дал восставшим майя новый стимул к продолжению борьбы и сформировал военно-теократическую структуру их автономий, центробежные стремления в практически автономных общинах повстанцев довольно быстро дали о себе знать. К 1880-м гг. крупные рейды на территорию, подконтрольную правительству, прекратились. Ставка на знакомые индейцам социальные и религиозные практики не могла привести к построению единого государственного образования майя, потому что практики эти базировались на опыте автономных крестьянских общин и, глубже, в доиспанские времена – на опыте городов-государств.

Тем не менее эти практики оказались весьма живучи в том виде, в котором они существовали во время Войны каст. Крестьянские общины Федеральной территории и позднее – штата Кинтана Роо и в XX в. продолжали жить замкнутыми сообществами, в которых социальная система сохранялась с эпохи говорящих крестов.

Литература

1. Jacinto Pat's Letter on the Origins of Caste War // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 51–52.
2. Jacinto Pat's Letter to Modesto Méndez // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 55–56.
3. Cecilio Chi's Letter to John Fancourt // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 53–54.
4. *Pinto R.B.* La Guerra Social en Yucatán. Mexico: B. Costa-Amic, editor, 1965. 207 p.
5. *Dumond D.E.* The Talking Crosses of Yucatan: A New Look at Their History // *Ethnohistory*. 1985. Vol. 32, № 4. P. 291–308.
6. *Villa Rojas A.* Los Elegidos de Dios. Etnografía de los mayas de Quintana Roo. Mexico: Editorial Libros de México, S.A., 1978. 574 p.

7. The Captivity Narrative of José María Rosado // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 68–78.
8. *Dumond D.E.* El machete y la Cruz: la sublevación de campesinos en Yucatán. Mexico: Departamento de publicaciones de IIFL, 2005. 681 p.
9. *Reed N.A.* Juan de la Cruz, Venancio Puc, and the Speaking Cross // *The Americas*. 1997. Vol. 53. № 4. P. 497–523.
10. The Captivity Narrative of José María Echeverría // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 62–64.
11. John Carmichael's Visit to Chan Santa Cruz // *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan* / Ed. by T. Rugeley. Norman: Univ. of Oklahoma Press, 2001. P. 82–87.

References

1. Jacinto Pat's Letter on the Origins of Caste War. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 51-2.
2. Jacinto Pat's Letter to Modesto Méndez. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 55-56.
3. Cecilio Chi's Letter to John Fancourt. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 53-4.
4. Pinto RB. La Guerra Social en Yucatán. Mexico: B. Costa-Amic, editor Publ.; 1965. 207 p.
5. Dumond DE. The Talking Crosses of Yucatan: A New Look at Their History. *Ethnohistory*. 1985;4:291-308.
6. Villa Rojas A. Los Elegidos de Dios. Etnografía de los mayas de Quintana Roo. Mexico: Editorial Libros de México, S.A. Publ.; 1978. 574 p.
7. The Captivity Narrative of José María Rosado. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 68-78.
8. Dumond DE. El machete y la Cruz: la sublevación de campesinos en Yucatán. Mexico: Departamento de publicaciones de IIFL Publ.; 2005. 681 p.
9. Reed NA. Juan de la Cruz, Venancio Puc, and the Speaking Cross. *The Americas*. 1997;4:497-523.
10. The Captivity Narrative of José María Echeverría. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 62-4.

11. John Carmichael's Visit to Chan Santa Cruz. V: Rugeley T., ed. *Maya wars: ethnographic accounts nineteenth century Yucatan*. Norman: University of Oklahoma Press, 2001. p. 82-7.

Информация об авторе

Иван Н. Косиченко, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; ivan.kosichenko@gmail.com

Information about the author

Ivan N. Kosichenko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russia; ivan.kosichenko@gmail.com

Государство в системе международных отношений и международного сотрудничества

УДК 327(520)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-63-78

Японо-американский Договор безопасности 1960 г. и внешнеполитический процесс в послевоенной Японии

Владимир В. Нелидов

*МГИМО МИД России, Москва, Россия;
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
nelidov.v.v@my.mgimo.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению внутривнутриполитических процессов в Японии, сопровождавших подготовку, подписание и ратификацию японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. На примере данного кейса показываются следующие черты внешнеполитического процесса в послевоенной Японии. Во-первых, ключевые решения принимались ограниченным кругом лиц, среди которых ведущую роль играли премьер-министр Киси Нобусукэ и министр иностранных дел Фудзияма Айитиро, а также помогавшие им сотрудники МИД Японии. Во-вторых, попытки влиятельных политиков из правящей Либерально-демократической партии и возглавляемых ими фракций оказать определяющее влияние на внешнеполитический курс правительства не имели результата и мотивировались в значительной степени стремлением этих политиков к укреплению своего престижа и влияния на внутривнутриполитической арене, нежели принципиальной позицией по внешнеполитическим проблемам. В-третьих, движение протеста против заключения договора, инициированное оппозиционными силами и различными общественными организациями, хотя и смогло мобилизовать значительное количество сторонников, но страдало от противоречий между входившими в его состав силами. В конечном счете оно также потерпело неудачу, не сумев предотвратить подписание и ратификации документа, хотя и смогло добиться того, что в результате политического кризиса, вызванного протестами, правительство Киси ушло в отставку.

Ключевые слова: современная история, Япония, внешнеполитический процесс, принятие решений, японо-американские отношения, Договор безопасности 1960 г.

Для цитирования: Нелидов В.В. Японо-американский Договор безопасности 1960 г. и внешнеполитический процесс в послевоенной Японии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 64–78. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-63-78

Japan-U.S. Security Treaty of 1960 and Foreign Policy Process in Postwar Japan

Vladimir V. Nelidov

MGIMO University, Moscow, Russia; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Abstract. The article focuses on the processes in Japan's domestic politics that accompanied the preparation, signing, and ratification of the 1960 Japan–U.S. Treaty of Mutual Cooperation and Security. Using this case as an example, the following features of the foreign policy process in postwar Japan are demonstrated. First, key decisions were taken by a limited number of people, among whom the key role was played by Prime Minister Kishi Nobusuke and Foreign Minister Fujiyama Aiichiro, as well as the Foreign Ministry officials who assisted them. Second, the attempts of influential politicians from the ruling Liberal Democratic Party and factions led by them to exert a decisive influence upon the Government's foreign policy course had no result and were motivated mainly by these politicians' striving to enhance their prestige and influence in the domestic political arena, rather than by their principled position regarding foreign policy issues. Third, the anti-Treaty protest movement initiated by opposition forces and various civil society organizations, while managing to mobilize a significant number of supporters, was still affected by contradictions amongst the forces that joined it. Ultimately, this movement also failed, not being able to prevent the signing and ratification of the Treaty, though it succeeded in bringing down the Kishi government that resigned due to the political crisis into which the protests escalated.

Keywords: contemporary history, Japan, foreign policy process, decision making, Japan-U.S. relations, 1960 Security Treaty

For citation: Nelidov VV. Japan-U.S. Security Treaty of 1960 and Foreign Policy Process in Postwar Japan. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:64-78. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-63-78

Введение

Изучение внешнеполитического процесса, т. е. процесса принятия решений в сфере внешней политики – тема относительно новая в отечественном японоведении в частности и востоковедении вообще. Среди авторов, подробно рассматривавших именно эту проблематику на примере Японии, можно назвать Д.В. Стрельцова [1, 2] и А.Н. Панова [3, 4], а среди западных и японских ученых, в разное время занимавшихся этим или близкими вопросами – Х. Фукуи [5, 6], Т. Пемпеля [7], М. Майнора [8] и др. И хотя с момента публикации многих посвященных этой проблеме работ прошло уже значительное время, изучение внешнеполитического процесса не теряет своей актуальности – главным образом, в свете неослабевающего интереса к послевоенному периоду, когда произошли коренные трансформации политики, экономики и общества Японии. В частности, это выражается в интересе к периоду господства в японской политике Либерально-демократической партии в 1955–1993 гг., получившему в историографии название «системы 1955 года», а также к системе государственного управления, сложившегося в тот период [9, 10, 11, 12, 13]. Именно тогда сформировались ключевые черты современной политической системы Японии, и потому изучение политики данного периода – в том числе и процесса принятия внешнеполитических решений – имеет непосредственную ценность для понимания логики современной японской политики.

В настоящей работе специфические черты внешнеполитического процесса в Японии начального периода существования «системы 1955 года» будут рассмотрены на примере одного из ключевых внешнеполитических шагов, предпринятых японским государством за весь послевоенный период – подготовки, подписания и ратификации японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. [14]. Этот документ, пришедший на смену Договору безопасности 1951 г.¹, подписанному

¹ В существующей литературе и Договор безопасности 1951 г., и Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г. часто называются

8 сентября 1951 г., в один день с Сан-Францисским мирным договором, обеспечил сохранение и дальнейшее развитие японо-американского союза, тем самым надежно закрепив позицию Японии как важнейшего союзника США в Восточной Азии – место, которое эта страна занимает и по сей день.

О том, что Договор безопасности 1951 г. имеет временный характер, американская сторона говорила уже до его принятия. Так, во время своего визита в Японию в начале 1951 г. занимавший тогда должность специального представителя президента США Джон Фостер Даллес подчеркивал, что готовившийся документ будет заменен полноценной системой коллективной безопасности, когда Япония обретет необходимый для самообороны военный потенциал. Попытки японского правительства внести в текст готовившегося тогда первого Договора безопасности положение о десятилетнем сроке его действия закончились неудачей: американская сторона отклонила это предложение Токио, ссылаясь опять-таки на временный характер документа.

К обновлению Договора безопасности 1951 г. уже после того, как он был подписан, японскую сторону толкало то, что ряд его положений вызывал недовольство самых разных политических сил, не исключая и части консервативного лагеря. В особенности это касалось противников представлявшего Демократическую партию премьер-министра Ёсида Сигэру, возглавлявшего правительство Японии в 1946–1947 и 1948–1954 гг. В отличие от проамерикански настроенного Ёсида, считавшего, что Японии следует полагаться на американские гарантии безопасности и сосредоточить все ресурсы на экономическом развитии (так называемая «доктрина Ёсида»), его оппоненты ратовали за перевооружение Японии, пересмотр «мирной» конституции и более независимую внешнюю политику. Центральной фигурой среди консерваторов подобного толка был Хатояма Итиро, принадлежавший к Либеральной партии и сменивший Ёсида на посту премьер-министра в декабре 1954 г. [15 с. 37–40]. Впрочем, разногласия между двумя крупнейшими консервативными партиями не стоит переоценивать: именно в период премьерского срока Хатояма в ноябре 1955 г. произошло слияние этих двух политических сил в Либерально-демократическую партию (ЛДП), остававшуюся у власти до 1993 г. Разногласия между группировками японских консерваторов по вопросам внешней и внутренней

просто «Договор безопасности». Далее там, где иное не будет оговорено особо, под этим словосочетанием будет пониматься именно подписанный 19 января 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности.

политики сохранялись и после образования ЛДП, но теперь они проявляли себя как дискуссии между внутривнутрипартийными фракциями.

Несмотря на стремление и правящих кругов, и оппозиции, и широкой общественности добиться пересмотра договора 1951 г., предпринятые в середине 1950-х гг. первые попытки Японии получить согласие на это американской стороны успехом не увенчались. Приоритетной и реалистичной задачей японского правительства пересмотр Договора безопасности 1951 г. стал только после того, как в феврале 1957 г. кабинет министров возглавил Киси Нобусукэ. С декабря 1956 г. он был министром иностранных дел в правительстве Исибаси, и первое время после занятия поста премьера оставил этот портфель у себя, пока в июле 1957 г. министром иностранных дел не был назначен Фудзияма Айтиро – крупный промышленник, близкий соратник и политический спонсор Киси.

Активизации вопроса о пересмотре юридической основы сотрудничества Токио и Вашингтона в конце 1950-х гг. способствовал ряд факторов. Изменилось международное положение Японии: благодаря подписанию советско-японской Совместной декларации в октябре 1956 г. были нормализованы отношения с СССР, и Япония смогла вступить в ООН. Официальный Токио занял более активную позицию по вопросу наращивания оборонительного потенциала, и требования США об укреплении военной мощи могли быть выполнены хотя бы отчасти. Играл свою роль и личный фактор: Вашингтон доверял Киси гораздо больше, чем двум его предшественникам на посту премьера, Хатояма и Исибаси, и был готов на уступки ради сохранения его у власти.

Когда в июне 1957 г. Киси прибыл с визитом в США, американская сторона отнеслась к его предложениям о пересмотре договора безопасности с пониманием [15 с. 43–44]. Активное обсуждение вопроса о пересмотре Договора безопасности началось в следующем 1958 году, после прошедших в мае того года выборов в нижнюю палату японского парламента. При этом для Киси пересмотр Договора безопасности был частью спланированной им политической комбинации: решить эту значимую для Японии проблему, добиться визита в Японию президента Эйзенхауэра и использовать этот дипломатический успех, чтобы гарантировать себе длительное пребывание на посту премьер-министра [16 с. 61].

Летом 1958 г. было принято решение о визите министра иностранных дел Фудзияма в США, и в преддверии этого сам министр проводил неформальные консультации с послом США Дугласом Макартуром II (племянником знаменитого военачальника) относительно пересмотра Договора безопасности. Первоначально рас-

сматривались три варианта: заключение нового договора, внесение изменений в существующий договор, сохранение существующего договора при унификации его толкования путем обмена нотами, обнародования совместных заявлений и т. п. [17 с. 941]. В МИД Японии склонялись скорее ко второму варианту, поскольку заключение нового договора оказалось бы более сложной задачей: для этого потребовалось бы и пересмотреть значительное по объему Административное соглашение, и пройти ратификацию нового договора в парламенте. Однако Киси выступал за первый вариант, и именно его мнение оказалось решающим. Когда 1 августа 1958 г. состоялась встреча Киси, Фудзияма и Макартура, в ответ на вопрос американского посла, какой из трех вариантов предпочла бы японская сторона, Киси уверенно ответил, что желаемым для Токио является именно заключение нового договора [16 с. 61–62]. Таким образом, решение по этому вопросу было принято премьер-министром практически единолично.

Визит Фудзияма в США состоялся в сентябре 1958 г. В ходе переговоров госсекретарь Даллес выразил удовлетворение устойчивостью японо-американских связей в сфере безопасности и высказал принципиальное согласие с предложением японской стороны начать подготовку нового договора [18]. Официальные переговоры начались в Токио 4 октября 1958 г. и первоначально проводились с периодичностью примерно раз в месяц. Японскую делегацию на первой встрече возглавлял сам Киси, впоследствии эта обязанность была возложена на Фудзияма. С американской стороны главным переговорщиком был посол Макартур [17 с. 943]. Хотя инициатива начала переговоров и определения общей формы нового документа и принадлежала лично Киси, техническую работу по определению деталей будущего соглашения выполняли кадровые сотрудники Министерства иностранных дел. Еще перед началом переговоров в МИД Японии была создана соответствующая рабочая группа, главным образом с участием специалистов из американского департамента и департамента международных договоров [16 с. 75]. При этом, как это часто бывает в японской политике, где наиболее важные вопросы решаются не на официальных переговорах, а на закулисных совещаниях, имели место и неформальные встречи, которые для сохранения секретности и недопущения утечек в прессу проводились в токийском отеле «Тэйкоку» [16 с. 77].

В целом же претензии официального Токио к Договору безопасности 1951 г. и, соответственно, цели на переговорах по заключению нового соглашения заключались в следующем. Во-первых, несмотря на право США размещать свои войска в Японии, на

американскую сторону не возлагалось однозначное обязательство защищать Японию от внешнего нападения. Во-вторых, в документе 1951 г. не прописывался вопрос о консультациях американской стороны с Японией по вопросам использования размещенных на японской территории сил. В-третьих, старый договор предоставлял США полную свободу в определении вооружения размещенных в Японии войск, что создавало возможность ввоза на японскую территорию ядерного оружия вопреки воле официального Токио. В-четвертых, содержание документа не вполне соответствовало статусу Японии как суверенной страны, что, в частности, выражалось в положениях о возможности использования американских войск для подавления внутренних беспорядков и о запрете Японии размещать у себя военные базы третьих стран без разрешения американской стороны. В-пятых, в статьях договора не оговаривалось соотношение данного соглашения и статьи 51 Устава ООН, дающей членам организации право на индивидуальную и коллективную самооборону. В-шестых, в договоре не были прописаны срок его действия и процедуры выхода из него [19].

То, что ключевые решения относительно формата и содержания будущего Договора безопасности принимались либо лично Киси, либо Фудзияма при содействии узкого круга сотрудников Министерства иностранных дел, вовсе не означало, что иные игроки японского политического мира не проявляли интереса к ходу переговоров. Прежде всего, попытки повлиять на этот процесс предпринимались влиятельными политиками и возглавляемыми ими фракциями внутри правящей ЛДП. При этом, хотя многие внутрипартийные группировки и выражали недовольство договором 1951 г., консенсус по этому вопросу в партии отсутствовал. Если правое крыло считало, что договор мешает возрождению военной мощи Японии, то левое, наоборот, указывало на опасности, которыми сопровождалось сохранение военного союза с США. Подлило масло в огонь и заявление сохранявшего значительное влияние в партии бывшего премьера Ёсида, в сентябре 1958 г. (т. е. практически одновременно с визитом Фудзияма в США) выразившего несогласие с пересмотром Договора безопасности 1951 г. В результате многие соратники Ёсида по бывшей Либеральной партии (в частности, фракции Икэда и Исии) последовали его примеру и первоначально заняли осторожную позицию. Их аргументы сводились к тому, что поскольку США не торопятся с пересмотром старого Договора безопасности, то и Японии не следует спешить, пока можно по-прежнему продолжать пользоваться выгодами статус-кво за счет американской стороны [16 с. 93–94].

Другим существенным поводом для разногласий был вопрос о том, следует ли включать в сферу действия договора острова Окинава и Огасавара (Бонин), в то время находившиеся под управлением США. Близкие к партии Кайсинто («Реформистская партия», существовавшая в 1952–1954 гг. и влившаяся в Демократическую партию, которая еще через год вместе с Либеральной партией образовала ЛДП) Мацумура Кэндзо и Мики Такэо однозначно возражали против такого шага, считая, что включение этих территорий в сферу действия нового договора откроет путь к превращению сотрудничества Японии и США в полноценный военный союз и, соответственно, повысит риск вовлечения Японии в вооруженные конфликты. Однако другие деятели ЛДП, среди которых были Коно Итиро, Икэда Хаято и Сато Эйсаку, наоборот, настаивали на том, что если эти территории не будут включены в сферу действия договора, то и смысла пересматривать документ нет [16 с. 95]. При этом сам Фудзияма был противником расширения сферы действия договора, и в конечном счете возобладала именно его позиция: США согласились с тем, что в новом документе вопросы о включении в сферу его действия Окинавы и Огасавары, а также об отправке сил самообороны за рубеж упоминаться не будут. В итоге, чтобы заручиться поддержкой ЛДП, Фудзияме пришлось приложить немалые усилия. Добиться одобрения со стороны всех ключевых игроков в ЛДП ему удалось только к апрелю 1959 г., причем критика со стороны отдельных деятелей правящей партии (в особенности Коно Итиро, фракция которого примкнула к «антиосновному течению», став тем самым в оппозицию премьеру Киси) продолжала звучать и после этого [16 с. 80–82].

То, что в конечном счете лидеры большинства фракций согласились поддержать позицию правительства, демонстрирует, что их возражения, скорее, имели не внешне-, а внутривнутриполитическую мотивацию. Критикуя проект договора, предложенный Киси и Фудзияма, они стремились не допустить излишнего усиления их позиций внутри партии, а попытки продать собственные идеи относительно текста документа призваны были подчеркнуть влияние их авторов в японском политическом мире.

Еще большее сопротивление процессу выработки нового договора, нежели фракции внутри ЛДП, оказывала левая оппозиция – Социалистическая партия Японии (СПЯ) и Коммунистическая партия Японии (КПЯ). Они призывали к отказу от военного сотрудничества с США, либо требуя превращения Японии в нейтральное государство (на этом настаивала СПЯ), либо даже склоняясь к переходу ее на сторону социалистического блока (позиция КПЯ).

Ситуацию для правительства усугубляло то, что протест против планов заключить новый японо-американский договор переплетался с выступлениями парламентской оппозиции и общественности против еще одной меры кабинета Киси – попытки принятия поправок в закон о полицейской службе, существенно расширявших полномочия правоохранительных органов. По мнению оппонентов правительства, реализация этого плана привела бы к настолько существенному ущемлению прав и свобод граждан, что, как говорилось в прессе, это стало бы «законом, который будет мешать даже ходить на свидания». Соответствующий законопроект был внесен в парламент 9 октября 1959 г., т. е. практически одновременно с началом официальных японо-американских переговоров по новому Договору безопасности. И хотя в следующем месяце ЛДП продавала решение о продлении парламентской сессии на месяц, в условиях разразившегося политического кризиса, вызванного массовыми протестами против закона о полицейской службе, продолжать активную работу и над Договором безопасности было проблематично. В результате после проведенной 16 декабря 1958 г. третьей японо-американской встречи официальные переговоры по заключению нового двустороннего договора были фактически заморожены [17 с. 944].

В конечном счете правительство вынуждено было снять с обсуждения вызвавшие столь жесткую реакцию общественного мнения поправки в закон о полицейской службе. Министр иностранных дел Фудзияма тем временем смог вплотную заняться работой по согласованию основных положений будущего Договора безопасности с ключевыми силами внутри правящей ЛДП. В начале февраля 1959 г. министр иностранных дел представил на рассмотрение партии свой проект договора, получивший название «плана Фудзияма» и, по сути, по всем основным моментам соответствовавший тому тексту, который был подписан в итоге [17 с. 945].

После того как ключевые положения будущего договора, а также сопровождавшего его административного соглашения были согласованы на внутривластном уровне, 13 апреля 1959 г. официальные переговоры были возобновлены. С апреля 1959 г. по январь 1960 г. было проведено 22 встречи. Уже на пятой из них, прошедшей 25 мая 1959 г., сторонами был достигнут консенсус относительно положений самого договора, и на дальнейших встречах обсуждалось только административное соглашение [17 с. 948–950].

Пока официальные делегации США и Японии обсуждали детали нового соглашения, в японском обществе нарастало движение «борьбы против Договора безопасности» (ампо то:со:), ставшее

крупнейшим проявлением общественного протеста за всю послевоенную историю Японии. Организация этого протеста, однако, осложнялась конкуренцией между участвовавшими в нем СПЯ и КПЯ, из-за чего создание структуры, призванной координировать и направлять протест, взяла на себя не одна из этих двух партий, а Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё). Созданная по инициативе Сохё организация, включавшая в себя СПЯ, КПЯ, а также различные студенческие, рабочие и иные объединения (всего 134 организации), получила название «Народная конференция против пересмотра Договора безопасности» (Ампо дзё:яку кайтэй соси кокумин кайги). С апреля 1959 г. и вплоть до ратификации нового договора она провела 11 совместных выступлений, некоторые из которых насчитывали сотни тысяч участников [17 с. 953;15 с. 53].

Своего пика движение протеста достигло в период с января по июнь 1960 г., от подписания до ратификации нового японо-американского договора. После того как 9 января на последней встрече в Токио японские и американские представители пришли к окончательному согласию относительно условий договора и административного соглашения, началась подготовка японской официальной делегации, которая должна была отбыть в США, чтобы там принять участие в церемонии подписания этих документов. Членами полномочной делегации, отправившейся в США 16 января 1960 г., стали премьер-министр Киси, министр иностранных дел Фудзияма, председатель совета по общим вопросам ЛДП Исии Мицудзиро, глава торгово-промышленной палаты Японии Адати Тадаси, а также посол Японии в США Асакаи Коитиро. При этом радикалы из студенческой организации Дзэнгакурэн пытались помешать их вылету из аэропорта Ханэда, что привело к жестокому столкновению с полицией и задержанию 79 человек [17 с. 955–956].

19 января 1960 г. премьер Киси и госсекретарь Кристиан Гертер подписали новый японо-американский Договор безопасности и ряд связанных с ним документов. Непосредственно перед подписанием была проведена встреча Киси и Эйзенхауэра, в подписанном по итогам которой коммюнике было помимо прочего, сказано, что США не собираются действовать вопреки желаниям японской стороны в отношении вопросов, подпадающих под содержащееся в договоре положение о предварительных консультациях [20].

Впереди, однако, лежала ратификация договора. В палате представителей была создана специальная комиссия по Договору безопасности, и практически сразу же предметом дискуссий стал вопрос о том, имеет ли парламент право вносить изменения в уже

подписанный договор. Оппозиционные партии также многократно поднимали вопрос о том, как правительство определяет рамки упомянутого в тексте понятия «Дальнего Востока». Это, по их мнению, было принципиальным моментом, поскольку включение советского Приморья и прибрежных районов Китая в определение «Дальнего Востока» означало бы, что в случае войны американские войска в Японии смогли бы наносить удары или вторгаться на территорию Советского Союза или Китая, что создавало прямую опасность вовлечения в эти потенциальные конфликты и самой Японии [16 с. 99–104].

Правительство было вынуждено добиваться ратификации договора в условиях жесткого цейтнота. Парламентская сессия должна была завершиться 25 мая, и потому ЛДП добились продления сессии на 50 дней, решение о чем было принято 19 мая. В тот же день, вечером 19 мая, специальная комиссия по Договору безопасности завершила обсуждения. Оппозиция пыталась сорвать пленарное заседание, но вызванные силы парламентской полиции силой вывели протестующих депутатов из зала. В итоге в ночь с 19 на 20 мая договор и связанные с ним документы были ратифицированы без обсуждения и единогласно, причем участия в голосовании не приняли не только депутаты от оппозиции, но и часть членов правящей партии.

К недовольству самим договором добавилось возмущение и оппозиции, и СМИ, и широкой общественности теми методами, какими правительство добилось его одобрения в палате представителей. На демонстрациях протеста все чаще звучали требования отставки премьера Киси и роспуска парламента. 10 июня прилетевший для подготовки визита Эйзенхауэра пресс-секретарь президента США Джеймс Хэгерти уже в аэропорту был блокирован толпой протестующих, и его пришлось эвакуировать на американском военном вертолете. Ночью 14 июня 1960 г. демонстранты ворвались во двор здания парламента, и в последовавшем столкновении с полицией одна участница демонстрации погибла. Правительство обсуждало возможность задействования военнослужащих сил самообороны для обеспечения порядка во время визита американского президента, но, натолкнувшись на несогласие директора Управления национальной обороны Акаги Мунэнори, премьер Киси был вынужден оставить эту идею. 15 июня, после того как стало ясно, что в сложившихся условиях обеспечить безопасность визита Эйзенхауэра не представляется возможным, кабинет министров принял решение просить американского президента отложить свой визит в Японию [15 с. 57–58].

Не рискуя представить Договор безопасности на обсуждение в верхней палате, правительство прибегло к тактике автоматической ратификации, опирающейся на статью 61 конституции Японии [21], согласно которой одобренный палатой представителей международный договор, по которому в течение 30 дней не вынесено решение палаты советников, считается ратифицированным. 20 июня японо-американский Договор безопасности был ратифицирован. На следующий день правительство завершило все необходимые процедуры, 22 июня договор был ратифицирован Сенатом США, а 23 июня стороны обменялись ратификационными грамотами. Новый Договор безопасности вступил в силу [15 с. 58–59].

Подвергаясь жесткой критике за то, какими методами он провел ратификацию, не сумев добиться визита американского президента и сдержать беспрецедентную волну общественного протеста, Киси был вынужден уйти в отставку вместе со своим кабинетом 15 июля 1960 г. Премьер-министром стал Икэда Хаято, постаравшийся дистанцироваться от наследия своего предшественника, что ему в значительной степени удалось: несмотря на бушевавшие еще несколько месяцев назад протесты, на проведенных в ноябре 1960 г. выборах в палату представителей ЛДП одержала убедительную победу, не только сохранив свои позиции, но и завоевав два дополнительных мандата.

Заключение

Рассмотрение процесса подготовки и ратификации японо-американского Договора о сотрудничестве и безопасности позволяет сделать следующие выводы относительно специфики внешнеполитического процесса в послевоенной Японии.

Прежде всего, находит свое подтверждение тезис о том, что, несмотря на распространенность в японской политике различных механизмов горизонтальных согласований и коллективного принятия решений, японская внешняя политика в этом плане являет собой скорее исключение, и здесь готовое решение принимается на самом верху [9 с. 141]. Так, премьер Киси принял решение о форме будущего договора фактически единолично, а основным автором предложений японской стороны выступил министр иностранных дел Фудзияма. Естественно, что кадровые сотрудники МИД Японии оказывали им необходимую поддержку, но их роль была скорее вспомогательной.

Попытки ключевых фигур внутри правящей ЛДП повлиять на положения будущего договора не имели успеха. То, что их предложения носили весьма частный характер и что в конечном счете они сочли возможным отказаться от них, наводит на мысль, что партийные тяжеловесы не были особенно искренними в отстаивании своих идей относительно будущего договора с США. Скорее, их инициативы были средством оказать давление на Киси и его сторонников, выбить дополнительные выгоды для себя в политическом торге и подчеркнуть свою значимость на японской политической арене.

Инициированное оппозицией движение протеста, не отличавшееся, впрочем, особенной сплоченностью, также не смогло сорвать подписание и ратификацию Договора безопасности, хотя ему и удалось добиться отставки правительства Киси. Общественное мнение же в целом если и имело влияние на внешнеполитический процесс, то только в том смысле, что оно задавало ту повестку дня, на которую было вынуждено реагировать высшее политическое руководство.

Литература

1. *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1. С. 245–256.
2. Внешнеполитический процесс в странах Востока / Под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс, 2011. 336 с.
3. *Панов А.Н.* Японская дипломатическая служба. М.: Международные отношения, 1988. 184 с.
4. *Панов А.Н.* Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-советских и японо-российских отношений в послевоенный период (1945–1995 гг.). М.: МГИМО, 1994. 94 с.
5. *Fukui H.* Policy-Making in the Japanese Foreign Ministry // The Foreign Policy of Modern Japan / Ed. by R. Scalapino. Berkeley: Univ. of California Press, 1977. P. 3–36.
6. *Fukui H.* Foreign-Policy Making by Improvisation: The Japanese Experience // International Journal. 1977. Vol. 32, No. 4, Autumn. P. 791–812. DOI: 10.1177/002070207703200405
7. Policymaking in Contemporary Japan / Ed. by T. Pempel. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1977. 345 p.
8. *Minor M.* Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making // Asian Survey. 1985. Vol. 25, No. 12, December. P. 1229–1241. DOI: 10.2307/2644283
9. *Стрельцов Д.В.* Система государственного управления Японии в послевоенный период. М.: МАКС Пресс, 2002. 304 с.

10. Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2010. 284 с.
11. *Стрельцов Д.В.* Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. 2016. № 3. С. 70–85.
12. *Wolfereen K., van.* The Enigma of Japanese Power. New York: A.A. Knopf, 1989. 496 p.
13. *Campbell J.C., Scheiner E.* Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System // Japanese Journal of Political Science. 2008. Vol. 9, Is. 01, April. P. 89–113. DOI: 10.1017/S1468109907002836
14. Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America. 19 January, 1960 // Ministry of Foreign Affairs of Japan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html> (дата обращения 2 янв. 2018).
15. *Aruga T.* The Problem of Security Treaty Revision in Japan's Relations with the United States: 1951–1960 // Hitotsubashi Journal of Law and Politics. 1985. Vol. 13, Feb. P. 31–60.
16. *Фудзияма А.* Сэйдзи вага мити. Фудзияма Айитиро кайсороку. [Мой путь в политике. Мемуары Фудзияма Айитиро]. Токио: Асахи симбунся, 1976. 315 с.
17. Гаймусё-но хяку нэн. Гаймусё хяку нэн си хэнсан иннкай хэн [Сто лет Министерства иностранных дел. Под редакцией Комитета по составлению столетней истории Министерства иностранных дел]. Т. 2. Токио: Хара сёбо;, 1969. 1669 с.
18. US Department of State. Memorandum of Conversation. Washington, September 11, 1958, 2-4:20 p.m. // Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. United States Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v18/d26> (дата обращения 7 янв. 2018).
19. Вага гайко но кинкё (дай 3 го). Сёва 34 нэн 3 гацу. [Нынешнее состояние дипломатии Японии (выпуск 3). Март 1959 г.] // Гаймусё [МИД Японии] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1959/s34-1-2.htm#с> (дата обращения 6 янв. 2018).
20. Joint Communiqué of Japanese Prime Minister Kishi and U.S. President Eisenhower Issued on January 19, 1960 // “The World and Japan” Database [Электронный ресурс]. URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPUS/19600119.D1E.html> (дата обращения 20 янв. 2018).
21. The Constitution of Japan. Promulgated on November 3, 1946 // Prime Minister of Japan and His Cabinet [Электронный ресурс]. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения 20 янв. 2018).

References

1. Streltsov DV. Foreign Policy Process in Contemporary Japan. *Vestnik MGIMO-University*. 2010;1:245-56. (In Russ.)
2. Streltsov DV., ed. Foreign Policy Process in the East. Moscow: Aspekt Press, 2011. 336 p. (In Russ.)
3. Panov AN. Japanese diplomatic service. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 184 p. (In Russ.)
4. Panov AN. Japan's diplomatic service and the evolution of Japan-Soviet and Japan-Russian relations in the postwar period (1945-1995). Moscow: MGIMO, 1994. 94 p. (In Russ.)
5. Fukui H. Policy-Making in the Japanese Foreign Ministry. V: Scalapino R. *The Foreign Policy of Modern Japan*. Berkeley: University of California Press, 1977. p. 3-36.
6. Fukui H. Foreign-Policy Making by Improvisation: The Japanese Experience. *International Journal*. 1977;4:791-812. DOI: 10.1177/002070207703200405
7. Pempel T., ed. Policymaking in Contemporary Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1977. 345 p.
8. Minor M. Decision Models and Japanese Foreign Policy Decision Making. *Asian Survey*. 1985;12:1229-41. DOI: 10.2307/2644283
9. Streltsov DV. Public Administration System in Japan in the Postwar Period. Moscow: MAKS Press, 2002. 304 p. (In Russ.)
10. Molodyakova EV., project leader. Japan: Half a Century of the Rule of Liberal Democrats. Moscow: АИПО-XXI, 2010. 284 p. (In Russ.)
11. Streltsov DV. The System of Dominant Party in Japan: Some Lessons from Historical Experience. *Japanese studies in Russia*. 2016;3:70-85. (In Russ.)
12. Wolferen K., van. The Enigma of Japanese Power. New York: A.A. Knopf, 1989. 496 p.
13. Campbell JC., Scheiner E. Fragmentation and Power: Reconceptualizing Policy Making under Japan's 1955 System. *Japanese Journal of Political Science*. 2008;1:89-113. DOI: 10.1017/S1468109907002836
14. Treaty of Mutual Cooperation and Security between Japan and the United States of America. 19th January, 1960. V: *Ministry of Foreign Affairs of Japan* [Internet]. [data obrashcheniya 2 Jan. 2018]. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html>
15. Aruga T. The Problem of Security Treaty Revision in Japan's Relations with the United States: 1951–1960. *Hitotsubashi Journal of Law and Politics*. 1985;13:31-60.
16. Fujiyama A. Seiji waga michi. Fujiyama Aiichiro kaisoroku [My Way in Politics. Memoirs of Fujiyama Aiichiro]. Tokio: Asakhi simbunsha, 1976. 315 p. (In Japanese)
17. Gaimusho-no hyaku nen [One hundred years of the Foreign Ministry]. Vol. 2. Tokio: Khara sebo, 1969. 1669 p. (In Japanese)

18. US Department of State. Memorandum of Conversation. Washington, September 11, 1958, 2-4:20 p.m. *Office of the Historian, Bureau of Public Affairs. United States Department of State* [Internet]. [data obrashcheniya 7 Jan. 2018]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v18/d26>
19. Waga gaiko no kinkyō (dai 3 go). Showa 34 nen 3 gatsu [Current State of Japan's Diplomacy (Issue 3). March 1959]. *Gaimusho [Ministry of Foreign Affairs of Japan]* [Internet]. [data obrashcheniya 6 Jan. 2018]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/1959/s34-1-2.htm#c> (In Japanese)
20. Joint Communique of Japanese Prime Minister Kishi and U.S. President Eisenhower Issued on January 19, 1960. *"The World and Japan" Database* [Internet]. [data obrashcheniya 20 Jan. 2018]. URL: <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPUS/19600119.D1E.html>
21. The Constitution of Japan. Promulgated on November 3, 1946. *Prime Minister of Japan and His Cabinet* [Internet]. [data obrashcheniya 20 Jan. 2018]. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html

Информация об авторе

Владимир В. Нелидов, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76; Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; nelidov.v.v@my.mgimo.ru

Information about the author

Vladimir V. Nelidov, lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskogo av., Moscow, 119454, Russia; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russia; nelidov.v.v@my.mgimo.ru

УДК 322(477)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-79-91

Религиозно-политический конфликт на Украине в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг.

Сергей П. Донцев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dontsev@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть религиозно-политический конфликт на Украине в контексте применения российской «мягкой силы» в период 1990–2017 гг. Автор анализирует форматы и стратегии российской «мягкой силы» на Украине с использованием ресурсов и возможностей религиозных организаций – Русской православной церкви (РПЦ) и Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП). Элементы российской мягкой силы с использованием религиозного фактора фиксируются в рамках избирательных компаний президента Украины. Также проанализировано влияние религиозного фактора в процессе формирования и последующей артикуляции концепции «Русского мира» как инструмента российской мягкой силы. Показана эволюция продуцируемого РПЦ и РПЦ МП дискурса «Русского мира» от «интеграционного», направленного на преобразование политической реальности, к «охранительному», направленному на сохранение духовной традиции. Автором выделяется четыре этапа эволюции российской «мягкой силы» на Украине с использованием религиозного фактора. Делается вывод об отсутствии глобального проекта по реализации российской мягкой силы на территории Украины с использованием религиозного фактора и наличии локальных, ситуативных проектов, представляющих собой реакцию на конкретный политический вызов.

Ключевые слова: мягкая сила, государственно-конфессиональные отношения, религиозно-политический конфликт, Русская православная церковь, Украинская православная церковь, Русский мир

Для цитирования: Донцев С.П. Религиозно-политический конфликт на Украине в контексте российских проектов «мягкой силы» в 1990–2017 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2(12). С. 71–91. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-79-91

© Донцев С.П., 2018

Religious and political conflict in Ukraine in the context of Russian projects of “soft power” in 1990–2017

Sergei P. Dontsev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dontsev@gmail.com*

Abstract. The article attempts to consider the religious and political conflict in Ukraine in the context of exercising the Russian “soft power” having been applied in the period of 1990–2017. The author analyzes the formats and strategies of the Russian “soft power” in Ukraine using means and potentialities of the Russian Orthodox Church (ROC) and the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate (UOC MP). The elements of Russian soft power with the use of the religious factor are fixed within the election companies of the Ukrainian President. The author also analyzes the influence of the religious factor while forming and later articulating the “Russian world” conception as a tool of Russian soft power. He demonstrates an evolution of the “Russian world” discourse produced by the ROC and UOC MP from “integration” aimed at transforming the political reality to “protective” aimed at preserving the spiritual tradition and identifies four stages of the evolution of the Russian soft power in Ukraine with the use of the religious factor. The author concludes that there is no global project to implement the Russian soft power in Ukraine using the religious factor but there are some local situational projects that represent a response to a specific political challenge.

Keywords: soft-power, the state and confessional relations, religious and political conflict, Russian Orthodox Church, Ukrainian Orthodox Church, Russian World

For citation: Dontsev SP. Religious and political conflict in Ukraine in the context of Russian projects of “soft power” in 1990-2017. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:79-91. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-79-91

Введение

Религиозно-политический конфликт на Украине, исторические корни которого уходят в далекое прошлое (его истоки можно найти и в разделении Киевской митрополии в 1458 г., и в Брестской унии

1596 г., и в движении за независимую украинскую церковь после Февральской революции 1917 г.), получил новый импульс своего развития с распадом Советского Союза и вплоть до сегодняшнего дня определяет общественно-политический ландшафт украинского государства. Составными элементами этого конфликта является раскол украинского православия. Помимо Украинской православной церкви Московского патриархата, являющейся самоуправляемой частью Русской православной церкви (РПЦ) и единственной из украинских церквей, находящейся в каноническом общении с иными автокефальными православными церквями, на роль системообразующей структуры украинской православной традиции с переменным успехом претендуют Украинская православная церковь Киевского патриархата (выделившаяся из состава РПЦ в результате раскола 1991–1992 гг.), Украинская автокефальная православная церковь (ведущая свою историю от послереволюционных автокефалистских движений) и ряд других менее значимых церковных юрисдикций. Ситуация усугубляется и активной позицией греко-католической церкви, которая также выступает одной из сторон конфликта.

Политическая составляющая межконфессионального конфликта проявляется в поддержке политическим руководством Украины попыток создания единой и независимой от Москвы поместной православной церкви, противодействии этому процессу со стороны РПЦ при поддержке российских государственных институтов, использовании религиозного фактора в борьбе за власть самыми разными политическими силами на Украине, а также попытках России влиять на политический процесс у соседа с помощью инструментов так называемой мягкой силы с использованием конфессионального фактора.

В настоящее время наблюдается фрагментарность изучения проблематики, вынесенной в название настоящей статьи. С одной стороны, отдельные аспекты религиозного конфликта на Украине получили уже достаточно полное рассмотрение в научной литературе – это касается в первую очередь эволюции попыток создания независимой Украинской православной церкви в исторической перспективе (см., например, [1]), затрагивались – в том числе и автором – вопросы участия государственных институтов в этих процессах [2 с. 118–124]. В последние годы появилось значительное количество публикаций, посвященных изучению российской «мягкой силы» в контексте деятельности различных внешнеполитических акторов, причем украинский случай рассматривается как самостоятельное направление «мягкой силы» [3, 4], так и в контексте проектов, в том числе и так называемого Русского мира [5, 6].

Однако роль религиозного фактора в российских проектах «мягкой силы» в условиях религиозно-политического конфликта на Украине в 1990–2017 гг. остается недостаточно изученной. Как и в каком формате российская «мягкая сила» на Украине задействует ресурсы и возможности религиозных организаций? В чем проявляется специфика этого процесса и каковы его этапы? Возможно ли выявить проектную составляющую применения «мягкой силы» на Украине с использованием ресурсов религиозных организаций? Настоящая статья представляет собой попытку дать ответы на указанные вопросы.

Религиозный фактор в украинской политике и «мягкая сила» России

Формирование российской модели «мягкой силы» и ее концептуализация началось в 2008–2009 гг. [7 с. 8], когда этот термин все чаще стал появляться в публичных выступлениях первых лиц государства, стала создаваться система институтов его применения (например, «Россотрудничество»), появились информационные каналы воздействия на целевую аудиторию за рубежом. В 2013 г. понятие «мягкая сила» уже вошло в Концепцию внешней политики России [8]. Однако элементы мягкой силы, вне какого-либо устойчивого проекта по ее реализации, как будет показано ниже, могут фиксироваться начиная с самых ранних этапов взаимодействия РПЦ и государства по украинской проблематике в начале 1990-х гг.

Обострение межконфессиональной обстановки на Украине в конце 1980 – начале 1990-х гг. изначально началось по поводу юрисдикции приходов РПЦ, оказавшихся в условиях давления со стороны как возрождающихся религиозных организаций, претендующих на ее имущество (Греко-католической церкви, Украинской автономной православной церкви), так и раскольнических групп внутри самой РПЦ, ориентированных на разрыв с Московской патриархией и пользующихся поддержкой местной власти. РПЦ в противодействие этому давлению могла действовать как самостоятельно, так и через Украинскую православную церковь Московского патриархата (УПЦ МП), которая в 1990 г. получила от РПЦ автономию в вопросах внутреннего управления. Однако эта автономия позволяла и позволяет УПЦ МП предпринимать и самостоятельные шаги, в том числе и по дистанцированию от инструментов российской «мягкой силы».

В 1992 г. глава входящей в РПЦ Украинской православной церкви митрополит Киевский Филарет (Денисенко) пошел на разрыв отношений с Московской патриархией и при поддержке лояльного духовенства объявил о создании Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП). Буквально с первых же дней после своего создания УПЦ КП стала позиционировать себя как основной институт противодействия российской экспансии в духовной сфере, и наиболее жестко обвинять УПЦ МП в том, что она является проводником российских интересов и представляет угрозу национальным интересам Украины. Этот дискурс сохраняется практически без изменений вплоть до сегодняшнего дня. РПЦ в его рамках предстает классическим инструментом «мягкой силы», которому стремится противодействовать «независимая» украинская церковь.

Хотя основным предметом спора РПЦ и УПЦ МП с другими украинскими религиозными организациями изначально являлась юрисдикция приходов, он очень быстро перерос в вопрос о том, кто же будет официально представлять православие на Украине, и в этом качестве стал задавать контекст российско-украинских отношений. Этому способствовало стремление Филарета, ставшего патриархом новообразованной УПЦ КП, поддерживать конфессиональную политику Президента Украины Л. Кравчука, которая зримо выражалась в провозглашенном им лозунге «Независимому государству – независимую церковь». Патриарх Филарет заявлял, что «Москва любой ценой хочет сохранить рычаги духовного влияния на Киев – в дополнение к политическим и экономическим» [9]. Посещавшего Украину с пастырскими визитами Патриарха Алексия прямо обвиняли в реализации кремлевской политики по ограничению украинской государственности. Получалась парадоксальная ситуация, «руку Москвы» на Украине зачастую видели там, где ее, возможно, и не было. То есть российская «мягкая сила» в лице РПЦ вплоть до начала 2000-х гг., скорее, конструировалась и демонизировалась в медийном пространстве Украины сторонниками автокефалии украинской церкви, чем существовала на самом деле. РПЦ действительно стремилась заручиться поддержкой государственных структур России при противодействии альтернативному украинскому православию. И порой она получала такую поддержку, но говорить, что в 90-е годы она являлась проводником российской политики на Украине или реализовывала инициированный государством проект «мягкой силы», было бы некорректно.

Влияние государственных институтов России при развитии межконфессионального конфликта на Украине претерпело определенные изменения, связанные, в первую очередь, с их интенсивностью. При президенте Б. Ельцине тема раскола в Православной церкви на Украине в рамках межгосударственных отношений практически не поднималась. Более того, при анализе публикаций начала 1990-х гг. складывается впечатление, что российские политики с пониманием относились к возможности предоставления независимости Украинской православной церкви. С избранием президентом В. Путина церковный раскол на Украине более заметно вошел в повестку межгосударственных отношений. Более того, российский президент даже взял на себя функции посредника по урегулированию этого конфликта, поддержав Патриарха Алексия в попытках убедить Л. Кучму «не форсировать события» на торжественном банкете в Кремле в ноябре 2001 г. [10]. Это почти удалось – вплоть до 2004 г. конфликт перешел в вялотекущую стадию. Участие в нем России ограничивалось тем, что МИД РФ эпизодически напоминал об ущемлении прав сторонников УПЦ МП, т. е. опять-таки дискурс о РПЦ как «агенте Москвы» в публичном украинском дискурсе сохраняется, но фактов, выстраивающихся в логическую цепочку, о том, что РПЦ является проводником внешнеполитических интересов России, не обнаруживается. Можно только фиксировать, что взаимодействие РПЦ с МИДом присутствует, а выступления его представителей в контексте ущемления прав верующих рассматривать как косвенную поддержку одной из сторон конфликта.

Ситуация стала меняться в преддверии президентских выборов на Украине в конце 2004 г. Именно с этого момента можно говорить о том, что ресурсы РПЦ стали использоваться в качестве инструмента «мягкой силы» России. Председатель Правительства Украины В.Ф. Янукович в своей предвыборной агитации опирался на УПЦ МП (в прессе широко освещались его пожертвования на восстановление храмов, посещение в сопровождении иерархов УПЦ МП горы Афон, встреча в Москве с Патриархом Алексием II и пр.). Митрополит Киевский и всея Украины Владимир заявил, что он дал свое благословение на участие в выборах В.Ф. Януковичу, в храмах распространялись материалы в его поддержку, служились молебны о даровании ему победы [11]. В данном случае уже можно предположить, что столь активная медийная поддержка пророссийски настроенного кандидата, которая наблюдалась со стороны РПЦ и УПЦ МП, проходила в рамках определенного проекта, направленного на формирование

политических предпочтений избирателей. То, что при его реализации были задействованы и возможности РПЦ по влиянию на общественное мнение на Украине, можно рассматривать как проявление российской «мягкой силы», хотя и неудачное – на выборах победил В. Ющенко. То, что РПЦ в ходе избирательной кампании ассоциировалась на Украине в качестве силы, поддерживающей В. Януковича, осложнило отношения с новой властью и, возможно, стало одной из причин особого внимания нового украинского президента к проблеме межконфессионального противостояния и его стремлению содействовать созданию независимой украинской поместной православной церкви.

После президентских выборов 2004 г. и перед РПЦ, и перед государственным институтам РФ встала задача по налаживанию институциональных взаимодействий с новой украинской властью. Несмотря на то что межконфессиональное напряжение в стране сохранялось, поддержка российским государством УПЦ МП если и происходила, то не была увязана с какой-либо общественно-политической позицией церкви. И РПЦ и УПЦ МП в этот период несколько дистанцировались от внутривнутриполитического противостояния на Украине.

Накануне парламентских выборов на Украине в 2006 г. патриарх Кирилл призвал политиков этой страны не втягивать православных священнослужителей в политическую борьбу [12]. 3 марта 2006 г. по инициативе В. Ющенко была подписана декларация, запрещающая использование авторитета церковью в ходе предвыборной агитации. Тем не менее в предвыборной кампании участвовали представители всех украинских церквей, в том числе и УПЦ МП. Однако в этом эпизоде политической борьбы на Украине УПЦ МП действовала в большей степени как самостоятельный актер с минимальной поддержкой со стороны Московской патриархии и государственных институтов РФ.

В дальнейшем на территории Украины сохранялся статус-кво в государственно-конфессиональных взаимодействиях. Президентская кампания 2010 г., завершившаяся победой В. Януковича, отличалась незначительным (по сравнению с 2004 г.) использованием конфессионального фактора. Да, звучали традиционные обвинения УПЦ МП в промосковской позиции, но «мягкая сила» России проявлялась здесь внеконфессионально – ресурсы религиозных организаций задействовались минимально. В дальнейшем эта тенденция получила продолжение: попыток влияния на электоральные предпочтения со стороны РПЦ и РПЦ МП вплоть до сегодняшнего дня не наблюдалось.

Концепция «Русского мира»

Конфессиональный фактор в качестве составного элемента политического проекта, связанного с использованием российской мягкой силы на Украине, проявил себя в процессе формирования и последующей артикуляции концепции «Русского мира». Эта концепция имела признаки политического проекта [5. с. 134–135] и признавалась политическим руководством России в качестве инструмента российской «мягкой силы» (см, например, [13 с. 1]). Одной из особенностей этой концепции «Русского мира» является ее тесная связь с системой смыслов и ценностей, которыми он наделяется РПЦ. Это проявляется в попытках его дефиниции, определении границ, придания ему проектного потенциала. Для РПЦ принципиальным критерием определения границ и единства «Русского мира» является принадлежность к православию. При этом иные критерии общности – пространство распространения русского языка и российской культуры являются дополняющими. Ключевым же является духовное единство, которое является, как было сказано в 2008 г. на Архиерейском Соборе РПЦ, «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии, которые должны его сохранить [14]. Характерно, что российское государство в лице своих представителей избегает упоминаний о религиозной составляющей единства «Русского мира». Это его составляющая артикулируется преимущественно РПЦ.

Развивая концепцию «Русского мира», РПЦ начиная с 2007–2008 г. все чаще стало использовать образ «Святой Руси». Архиерейский собор РПЦ в 2008 г. дал определение «Святой Руси» как особому цивилизационному пространству, общей родины восточнославянских народов [15]. В дальнейшем этот образ неоднократно появлялся в выступлениях Патриарха Кирилла в контексте необходимости сохранения общей исторической памяти, культуры и духовных ценностей с перспективой более тесной интеграции (в том числе и политической) России, Украины и Беларуси.

Такие программные положения концепции «Русского мира», как воссоединение разделенного русского народа и защита его интересов (в том числе и права на использование русского языка), с высокой интенсивностью транслировались как представителями церкви, так и государства. Можно говорить, что государство и церковь транслировали два взаимодополняющих дискурса, которые в своей совокупности формировали содержательное пространство концепции «Русского мира». Ее прикладной аспект заключался в попытке вовлечения Украины как части «Русского мира» в ин-

теграционные процессы с Россией, и в этом качестве она являлась инструментом «мягкой силы».

Если в период с 2007 по 2013 г. РПЦ в лице своих представителей, в том числе и Патриарха, регулярно акцентировала внимание именно на интеграционном потенциале «Русского мира», превращении России, Украины и Беларуси в цивилизационный полюс современного мира (см., например, [16]), то с присоединением Крыма к России и обострением конфликта на Востоке Украины в 2014 г. тональность высказываний со стороны РПЦ принципиальным образом стала меняться. Интеграционная риторика пошла резко на убыль.

После того как пророссийские сепаратисты в самопровозглашенных Луганской и Донецкой народных республиках стали активно апеллировать к ценностям «Русского мира» и реализовывать логически вытекающий из них проект так называемой Русской весны, на Украине была развернута масштабная информационная кампания по дискредитации любых интеграционных связей с Россией. В ней активно участвовали традиционные соперники РПЦ и УПЦ МП – УПЦ Киевского патриархата, Украинская автокефальная церковь, Греко-католическая церковь с традиционными, но предельно радикализированными в новом политическом контексте обвинениями в содействии реализации российской неоимперской политики. Для УПЦ МП стал остро вопрос не просто сохранения своих позиций, но порой и физического выживания в новых украинских политических реалиях. В этих условиях интеграционная, проектная составляющая «Русского мира» в риторике церковных иерархов стала сменяться на «охранительную», в которой основной упор делался на сохранение духовной традиции, чем на возможное преобразование политической реальности и создание новых геополитических союзов. Официальная позиция РПЦ и УПЦ МП в ходе продолжающегося конфликта между Россией и Украиной предельно сдержанная, с максимально обтекаемыми формулировками, призывами к прекращению кровопролития, избеганием острых оценок и суждений. Так, в выступлениях Патриарха Кирилла практически отсутствуют сюжеты по поводу признания Крыма частью России или осуждения украинского режима. Одновременно УПЦ МП, избегая резких антироссийских высказываний, говорит о Донбассе и Крыме как неотъемлемой части Украины. А те епархии, которые там действуют, сохраняют юрисдикцию УПЦ МП. Именно такая позиция позволяет сохранять единство РПЦ и УПЦ МП, но делает фактически невозможным использование конфессионального фактора в качестве «мягкой силы» России на Украине. Однако

оппоненты Московской патриархии со стороны альтернативного украинского православия вновь, как и в начале 1990-х гг., обвиняют УПЦ МП в предательстве национальных интересов Украины, а РПЦ в поддержке «имперской российской политики». Можно даже сказать, что ими создается образ фантомной «мягкой силы», не имеющей реальных оснований в форме политического проекта.

Выводы

Конфессиональный фактор в процессе формирования российской «мягкой силы» на Украине претерпел следующую эволюцию: 1) поддержка Россией РПЦ в межконфессиональном конфликте и формирование негативного образа РПЦ в медийном пространстве Украины как проводника российских интересов (1990–2003 гг.); 2) активизация конфессионального фактора российской «мягкой силы», неудачная попытка влияния на политический процесс на Украине (2003–2004 гг.); 3) формирование концепции «Русского мира», попытка ценностного обоснования интеграционных процессов России и Украины (2005–2013 гг.); 4) российская «мягкая сила» без использования ресурсов религиозных организаций, РПЦ и УПЦ МП как фантомная «мягкая сила» в медийном пространстве Украины (2014 г. – наст. в.).

Ответ на вопрос о реальности глобального проекта по реализации российской мягкой силы на территории Украины с использованием конфессионального фактора будет скорее отрицательным. Можно говорить только о локальных, ситуативных проектах, представляющих собой реакцию на конкретный политический вызов.

Несмотря на то что сегодня конфессиональный фактор в построении проектов российской «мягкой силы» на Украине предельно минимизирован, его потенциал не исчерпан, вследствие чего нельзя исключать его новой актуализации.

Литература

1. *Петрушко В.И.* О попытках создания Киевского патриархата украинскими униатами и раскольниками-автокефалистами в XX в. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. 407 с.
2. *Донцев С.П.* Русская православная церковь и государство на рубеже XX–XXI вв.: проблемы взаимодействия. М.: РГГУ, 2014. 230 с.

3. *Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122–135.
4. *Филимонов Г.Ю.* Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–107.
5. *Донец С.П.* Конфессиональный фактор в проектировании «Русского мира» // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: материалы XI Международной научной конференции. М.: Мир философии, 2016. С. 134–141.
6. *Бочаров А.В.* Потенциал soft power в политическом концепте «Русский мир»: предпосылки и перспективы исследований // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3. С. 85–91.
7. *Борисова Е.Г.* Мягкая сила – современный инструментарий власти (предисловие составителя) // Мягкая сила. Мягкая власть. Междисциплинарный анализ / Под ред. Е.Г. Борисовой. М.: Флинта, Наука, 2015. 230 с.
8. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // Гарант-ру: информационно-правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 20 февр. 2018).
9. Патриарх Филарет: «Россия толкает Украину на белорусский путь»: Интервью Патриарха Филарета корреспонденту газеты «Новые Известия» Е. Комарову // Новые Известия. 2001. 19 июня. С. 3.
10. Патриарх Алексий и Леонид Кучма обсудили статус Украинской православной церкви [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Русская линия». 30 нояб. 2001 г. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373> (дата обращения 20 февр. 2018).
11. *Кураев А.* Украина делает выбор [Электронный ресурс] // Церковный вестник. 2004. № 24. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=print&div=64> (дата обращения 20 февр. 2018).
12. Митрополит Кирилл призвал украинских политиков не втягивать Православную церковь в политическую борьбу [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 16 нояб. 2005 г. URL: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559 (дата обращения 20 февр. 2018).
13. *Лавров С.В.* Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 1–8.
14. Собор называет единство Святой Руси «величайшим достоянием» народов России, Украины и Белоруссии [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 27 июня 2008 г. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (дата обращения 20 февр. 2018).
15. Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви «О единстве Церкви» [Электронный ресурс] // Официальный

сайт Московской патриархии 27 июня 2008 г. URL: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html (дата обращения 20 февр. 2018).

16. Патриарх Кирилл призывает страны русского мира стать центрами единой мощной цивилизации [Электронный ресурс] // Интерфакс – Религия. 3 ноября 2010 г. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063 (дата обращения 20 февр. 2018).

References

1. Petrushko VI. On attempts of establishing the Kiev Patriarchate of by the Ukrainian Uniates and Schismatics-autocephalists in the twentieth century. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ.; 2008. 407 p. (In Russ.)
2. Dontsev SP. Russian Orthodox Church and the State on the Cusp of the 19th and 20th Centuries. Issues of Intercommunion. Moscow: RGGU Publ.; 2014. 230 p. (In Russ.)
3. Kazantsev AA., Merkushev VN. Russia and post-Soviet space. Prospects for the use of “soft power”. *Polis*. 2008;2:122-35. (In Russ.)
4. Filimonov GY. Topical issues of forming a strategy of “soft power” in the foreign policy of the Russian Federation. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014;1:104-7. (In Russ.)
5. Dontsev SP. Confessional factor in the design of the “Russian World”. Political design in the space of social communications. Proceedings of the XI International Scientific Conference. Moscow: Mir filosofii Publ.; 2016. p. 134-41. (In Russ.)
6. Bocharov AV. Soft power potential in the political concept of “Russian world”. Background and prospects of research. *Diskurs-Pi*. 2014;2-3:85-91. (In Russ.)
7. Borisova EG. Soft power as a modern instrument of power (Preface of the compiler). V: Borisova EG., ed. *Soft power Soft rule. Interdisciplinary analysis*. Moscow: Flinta, Publ.; Nauka Publ.; 2015. 230 p. (In Russ.)
8. Foreign policy concept of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation V. Putin on 12 February 2013. *Garant-ru: legal information portal* [Internet]. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (In Russ.)
9. Patriarch Filaret: “Russia pushes Ukraine onto the Belarusian path.” An interview of Patriarch Filaret to the correspondent of the “Novye Izvestia” newspaper, E. Komarov. *Novye Izvestia*. 2001. June 19:3. (In Russ.)
10. Patriarch Alexiy and Leonid Kuchma discussed the status of the Ukrainian Orthodox Church [Internet]. *Information agency “Russian Line”* Nov. 30. 2001 г. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=373> (In Russ.)

11. Kuraev A. Ukraine makes a choice. *Tserkovnyi vestnik* [Internet]. 2004 [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]; (24). URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=print&div=64> (In Russ.)
12. Metropolitan Kirill urged Ukrainian politicians not to involve the Orthodox Church in the political struggle. *Interfax-Religion* [Internet]. 2005. Nov. 16. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.interfax-religion.ru/?act=news&div=7559 (In Russ.)
13. Lavrov SV. The foreign policy philosophy of Russia. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2013;3:1-8. (In Russ.)
14. The Council calls the unity of the Holy Rus ‘ “greatest asset” of the peoples of Russia, Ukraine and Belarus. *Interfax-Religion* [Internet]. 2008. June 27. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=25181 (In Russ.)
15. Determination of The Consecrated Bishops ‘Council of the Russian Orthodox Church “On unity of the Church”. *Official website of the Moscow Patriarchate* [Internet]. 2008. June 27. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.patriarchia.ru/db/text/428916.html (In Russ.)
16. Patriarch Kirill calls on the countries of the Russian world to become centers of a single powerful civilization. *Interfax-Religion* [Internet]. 2010. Nov. 3. [data obrashcheniya 20 Feb. 2018]. URL: www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=38063 (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Ph.D. in Politics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; dontsev@gmail.com

Социокультурные аспекты государственного строительства в различных регионах мира

УДК 322(536.8)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-92-104

Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия

Елена С. Мелкумян

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия; g.kosach@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются действия кувейтской власти, направленные на борьбу с влиянием радикальных идей на кувейтское общество, которые могли бы продуцировать рост числа экстремистских группировок, применяющих методы террора. Автор анализирует государственную политику, направленную на контроль над деятельностью исламских институтов и использование их для решения государственных задач Кувейта. Все исламские структуры действуют под контролем министерства вакфов и исламских дел. Государство использует как инструмент своего влияния исламскую доктрину «Аль-Васатья», которая была разработана кувейтскими богословами совместно с их зарубежными коллегами, которая основывается на идеях умеренности и толерантности ислама. Создание международного центра «Аль-Васатья», а также его отделений в различных странах стало государственной задачей, направленной на то, чтобы внести свой вклад в общую борьбу против экстремистских исламских организаций.

В статье также рассматривается деятельность исламских банков в Кувейте, которые проявили свою эффективность и стали надежным инструментом стабилизации экономического положения в стране в период экономических кризисов, а также исламские организации, деятельность которых не носит антиправительственного характера.

Ключевые слова: Кувейт, власть, министерство вакфов и исламских дел, исламская доктрина «Аль-Васатья», исламские банки, исламские организации

Для цитирования: Мелкумян Е.С. Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 92–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-92-104

Power and Islam in Kuwait. The field of interaction

Elena S. Melkumyan

*Russian State University for the Humanities, Institute
of Oriental Studies Moscow, Russia; Russian Academy of Science,
Moscow, Russia; g.kosach@mail.ru*

Abstract. The author considers the actions of Kuwaiti authorities aimed at resisting the influence of radical ideas on the Kuwaiti society. They could produce an increase in the number of extremist organizations exercising terrorist methods. The author analyzes the state policy focused at supervising the actions of Islamic institutions and exploiting them to achieve the goals of Kuwaiti state. All Islamic institutions are acting under the guidance of the Ministry of Awkaf and Islamic Affairs. “Al Wasatya”, the Islamic doctrine, which was elaborated by Kuwaiti Ulama together with their foreign colleagues is based on the ideas of moderation and tolerance of Islam, is used by the state as its instrument of influence. The foundation of International Center of “Al Wasatya” and its branches in different countries has become a state task directed at making its contribution in the common struggle against Islamic extremism organizations.

Besides the article describes an activity Islamic banks, that proved their effectiveness and became reliable instrument for stabilizing economic situation in the period of economic crises and also Islamic organizations, which activity has no anti-state character.

Keywords: Kuwait, authority, Ministry of Awkaf and Islamic Affairs, Islamic doctrine “Al Wasatya”, Islamic banks, Islamic organizations

For citation: Melkumyan ES. Power and Islam in Kuwait. The field of interaction. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:92-104. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-92-104

Введение

Терроризм, исламский экстремизм и радикализм становятся главными угрозами безопасности арабских государств. Радикальная исламистская идеология репродуцируется многими организациями, борющимися против существующей власти, за осуществление истинного исламского правления. Террористические организации сменяют друг друга, несмотря на усилия международного сообщества ликвидировать терроризм военным путем.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, каким образом государство может оказывать влияние на исламские круги с тем, чтобы блокировать распространение радикальных идей среди верующих и вместе с тем использовать исламские институты для консолидации общества.

Распространение терроризма по странам Арабского Востока неравномерно. Наряду с государствами, которые не могут окончательно справиться с этим злом, существуют арабские страны, в которых не зафиксировано актов терроризма или же они были единичными, а их исполнители, как правило, не были гражданами этой страны. К таким странам относится и Кувейт, что актуализирует проблему, анализируемую в данной статье.

Теоретические работы, рассматривающие связь между религией и властью, получили большое распространение как в России, так и на Западе. Особое место, которое занимает религия в мусульманском мире, признается большинством исследователей. Хабермас отмечал, что сегодня «западноевропейский путь развития представляется скорее исключением из правил» [1]. Тот факт, что религия меняет свои характеристики и соотношение между ней и государством становится иным, отмечали многие исследователи. «Когда-то религия представлялась единым организмом, который легко идентифицировался и был релевантен политике и общественной жизни, эти представления все больше подвергаются сомнению», – отмечают западные исследователи [2].

Реальное положение, сложившееся в арабских странах, стало предметом исследований западных и российских специалистов. В то же время уникальный опыт Кувейта, который смог полностью включить исламские структуры в государственную систему, не получил освещения ни в работах отечественных исследователей, ни в трудах их зарубежных коллег.

Исламская доктрина «Аль-Васатья»

Кувейт был официально, в соответствии с конституцией страны, провозглашен мусульманским государством. Большинство его граждан исповедуют ислам. Государство играет руководящую роль во всем, что относится к религии, опираясь на министерство вакфов и исламских дел. В стране отсутствует пост верховного муфтия, как и не существует религиозной структуры, которая направляла бы и контролировала деятельность богословов и имамов мечетей. Эти вопросы входят в компетенцию министерства вакфов и исламских дел. Оно издало сборник фетв, превышающий 18 томов, а также «Энциклопедию фикха», состоящую из 46 томов [3]. Эти издания призваны были стать руководством для религиозных деятелей – имамов мечетей, судей шариатских судов. Все имам-хатыбы – духовные лица, наделенные правом читать проповеди, обязаны соблюдать требования министерства и корректировать содержание своих проповедей в соответствии с изданными им образцами. Такой контроль над тем, к чему призывают в мечетях Кувейта, призван блокировать распространение радикальных идей, которые получили большое распространение в мусульманском мире.

Министерство вакфов и исламских дел занимается, кроме того, вопросами организации паломничества (хаджа) к святым местам ислама, исламским образованием, развитием исламской культуры, вопросами исламской информации. Специальный сектор министерства занимается расположенной в Эль-Кувейте главной мечетью страны.

В своей практической деятельности министерство вакфов и исламских дел Кувейта опирается на принципы исламской доктрины «Аль-Васатья». Она разрабатывалась богословами не только Кувейта, но и других мусульманских стран, но организующую роль в этом процессе играл Кувейт. Эта идеология была востребована в силу активизации деятельности радикальных исламистов, воззрениям которых было необходимо противопоставить иное, отличное от джихадистских подходов толкование религиозных норм. Кувейтский богослов Ахмад Хусейн Ахмад Мухаммед писал об этой идеологии следующее: «Аль-Васатья – это не одно из качеств ислама, которое могло бы быть воспринято или не воспринято мусульманами. Аль-Васатья – это и есть сам ислам» [4, с. 16–17].

Термин «Аль-Васатья» происходит от арабского слова «васат» – «середина», «центр», «умеренность», «баланс», «равновесие», «мера». Его трактуют как термин, упоминающийся и в Коране, и в Сунне пророка – священных текстах мусульман, из чего следует,

что «отвергающий принцип аль-васатья в исламе не признает себя частью уммы¹, о которой говорит Аллах в Коране» [5, с. 7].

После состоявшегося в 2006 г. в Кувейте Всемирного союза исламских ученых было официально провозглашено создание Международного центра «Аль-Васатья», спонсируемого кувейтским государством. Его возглавил Адель Аль-Фалах – главный идеолог «Аль-Васатья» и в тот период заместитель министра вакфов и исламских дел.

Международный центр «Аль-Васатья» стал религиозно-просветительским центром, занимающимся распространением знаний об умеренности как сущностном качестве ислама, призывающим к толерантности и диалогу между представителями различных религий и культур. Его целью было также установить на международном уровне взаимодействие между мусульманами с тем, чтобы совместными усилиями противодействовать экстремизму и радикализму. Центр занимался изданием литературы, вышла целая серия публикаций под общим названием «Умма – срединного пути». Они были посвящены различным аспектам идеологии «Аль-Васатья»: ее политическому, культурному значению, связи с исламским законодательством, с одной стороны, и вкладу в создание национальной идентичности – с другой. Все эти вопросы рассматривались в контексте достижений кувейтского министерства вакфов и исламских дел по внедрению этой идеологии и ее распространению, путем создания Международного центра «Аль-Васатья».

Кувейт занимался организацией курсов по изучению основ «Аль-Васатья» для мусульманских проповедников из различных стран с тем, чтобы закрепить у них понимание умеренности, необходимой в современном мире.

Отделения центра «Аль-Васатья» стали открываться в мусульманских и немусульманских странах. В России Научно-просветительский центр «Аль-Васатья – Умеренность» был зарегистрирован в 2010 г. В Кувейте его создание было утверждено указом эмира в 2011 г. 25–26 мая 2012 г. в Москве российский центр совместно с международным центром и Всемирным союзом исламских ученых провел международную исламскую конференцию «Исламская доктрина против радикализма», на которой была принята «Московская богословская декларация по вопросам джихада» [5, с. 22]. Московский центр издавал серию книг на русском языке для распространения их в мусульманских регионах России под общим названием «Ислам против радикализма».

¹ Умма – сообщество всех мусульман.

«Аль-Васатья» как идеология поиска мирного пути урегулирования межконфессиональных столкновений, основанная на принципах терпимого отношения к другому, соответствовала особенностям внешнеполитической деятельности кувейтского государства, проводившего сбалансированный курс, нередко выступая в качестве посредника для разрешения конфликтных ситуаций в арабо-мусульманском мире. Международная деятельность исламских структур становилась дополнением и продолжением внешнеполитического курса кувейтского государства.

Исламский институт «Бейт аз-закат»

«Бейт аз-закат» был создан в 1982 г. на основании принятого специально по этому поводу закона, санкционировавшего его образование в качестве государственной организации с собственным финансированием. Эта организация было призвана руководить сбором пожертвований – заката, который является одним из основных обязанностей каждого мусульманина. Он действует под контролем министра вакфов и исламских дел.

Возникнув на основе одного из важнейших постулатов ислама, «Бейт аз-закат» опирался на современные организационные возможности кувейтского государства, что позволило направить собираемые в качестве заката средства на осуществление благотворительных проектов как в самом Кувейте, так и в исламском мире. При этом провозглашаемая им цель состоит в том, чтобы сделать использование средств, собираемых в качестве заката, контролируемым и прозрачным процессом, при котором все жертвователи были бы осведомлены о том, на какие цели направляются полученные средства и как ими управляют [6].

«Бейт аз-закат» был создан для того, чтобы способствовать распространению культуры заката путем проведения различного рода конференций, встреч и обсуждений. Кроме того, он был призван стать одним из важных инструментов укрепления практик заката в арабском и мусульманском мире. Это позволило ему развернуть деятельность во многих странах мира, основываясь на комплексной стратегии благотворительной деятельности.

Программы «Бейт аз-закат» в Кувейте помогали решению социальных задач. Собираемые средства направлялись на помощь семьям с ограниченным доходом для решения проблем с получением детьми образования в средней школе, или в университете, или специализированном учебном заведении. Кроме того, нуждающиеся

кувейтские граждане получали помощь для прохождения лечения в местных или зарубежных медицинских центрах. Средства от пожертвований местных мусульман использовались также для оказания поддержки бедным семьям достойно отметить религиозные праздники.

Международные программы «Бейт аз-закат» были направлены на борьбу с голодом, бедностью, оказание помощи нуждающимся странам и обездоленным слоям населения в мусульманском мире. Они, таким образом, становились одним из элементов широкой международной гуманитарной деятельности кувейтского государства.

Важной задачей кувейтской власти является борьба с финансированием терроризма, что отвечает общим требованиям, которые выдвигаются международным сообществом. Жесткий контроль над средствами, собираемыми в качестве заката, позволяет проследить, на какие конкретно цели они направляются. Концентрация всех собираемых денежных средств единой организацией, которой стала «Бейт аз-закат», позволяет исключить возможность того, что часть из них может быть использована для оказания помощи какой-либо из экстремистских организаций, прибегающей к использованию террористических методов для достижения своих целей.

Деятельность «Бейт аз-закат» решает еще одну задачу: она соответствует общему курсу кувейтского государства, где существует целый ряд благотворительных организаций. Они создаются на основе исламских ценностей, но получают поддержку со стороны государства, которое использует их в качестве механизма осуществления широкой гуманитарной деятельности, являющейся одним из направлений его внешнеполитической стратегии.

Деятельность исламских банков

Исламские банки, деятельность которых определяется нормами шариата, получили в Кувейте широкое распространение. В Кувейте закон о валютных операциях и банковской деятельности был принят в 1968 г. В 2003 г. в этот закон был добавлен раздел, который регулировал деятельность исламских банков. В соответствии с новой редакцией закона был определен порядок их создания и регистрации, а также их уставной капитал, как и сформирован орган, призванный следить за соответствием деятельности исламских банков нормам шариата и порядком ведения расчетов с Центральным банком Кувейта, который обязан контролировать де-

тельность этих банков. Закон также предусматривал проведение финансовых операций, соответствующих исламскому шариату, традиционными банками.

Кувейт был первым среди арабских государств Залива, где в 1977 г. был создан исламский банк. В 2014 г. активы исламских банков составляли 39% всех активов страны. Количество исламских банков постоянно увеличивалось. В 2015 г. они составили большинство – 6 из 11 банков страны действовали на основе шариатских законов [7]. В 2016 г. общественная палата Торгового банка Кувейта объявила о своем решении перейти к исламской банковской системе, что будет способствовать ее дальнейшему укреплению.

Согласно данным за 2016 г., исламские банки Кувейта осуществляли 45,2% всех банковских операций в стране. Крупнейший банк – Kuwait Finance House занимает второе место в мире по величине своих активов [8]. По сравнению с другими государствами Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), даже Саудовской Аравией, исламская банковская система достигла самого высокого уровня развития именно в Кувейте.

Исламские банки Кувейта работают очень успешно. В период мирового финансового кризиса 2008 г. они не понесли финансовых потерь, доказав тем самым свою жизнеспособность и преимущества по сравнению с традиционными банками. Они более успешно работали и тогда, когда Кувейт стал испытывать серьезные экономические трудности из-за начавшегося в 2014 г. резкого падения цен на нефть.

Исламские банки приобретают все большую поддержку кувейтского государства благодаря осознанию перспективности их развития, а также созданию финансовых организаций и инвестиционных фондов, которые действуют на основе принципов шариата. В то же время в соответствии с планом развития банковской деятельности в Кувейте предусматривается трансформация традиционных банков в исламские банки с тем, чтобы избежать двойного характера их деятельности.

Ислам оказывает влияние на экономическое развитие страны в целом. Власть пропагандирует идеи о том, что исламские принципы лежат в основе таких характерных черт социально-экономического развития Кувейта, как социальная направленность, преобладающая роль государственного сектора в экономике, распределение государственных доходов между всеми гражданами страны.

Рост популярности исламских настроений, охвативший весь мусульманский мир после победы исламской революции в Иране

в 1978 г., заставил власть Кувейта предпринять меры и пойти на проведение «исламизации сверху». Был усилен «исламский элемент» в таких важных сферах, как пропаганда и просвещение. Средства массовой информации – печать, радио, телевидение увеличили объем материалов, посвященных религиозным вопросам. В них активно пропагандировался «умеренный ислам» в противовес «воинствующему». Было повышено внимание к преподаванию исламских дисциплин в школах, расширен прием студентов в исламские институты и факультеты. Была оказана поддержка деятельности исламских организаций и стали создаваться исламские банки.

Исламские общественно-политические организации

Исламские общественно-политические организации существуют в Кувейте с 60-х гг. прошлого века. Среди них, в первую очередь, Общество социальных реформ, официально зарегистрированное в 1961 г. Оно было создано при поддержке со стороны египетского Движения Братьев-мусульман, разгромленного в эпоху правления Г.А. Насера. Часть его активистов, вынужденных покинуть Египет, обосновалась в Кувейте. Общество социальных реформ издавало два еженедельных журнала, было организатором ежедневных религиозных передач по кувейтскому радио и телевидению, стремясь к усилению влияния ислама во всех сферах общественно-политической жизни. Оно следило за соблюдением предписаний ислама в повседневной жизни, а также за тем, чтобы принимаемые в стране законы соответствовали требованиям шариата.

Позже возникло Общество за сохранение наследия, которое, как и Общество социальных реформ, ориентировалось на суннитскую часть населения страны. Оно было салафитским по своей направленности, опиравшимся на идею возврата к исламу предков – времен пророка Мухаммеда и правоверных халифов. В свою очередь, Социально-культурное общество было создано в 1963 г. в целях просвещения молодых мусульман шиитского вероисповедания. Все исламские организации были представлены в парламенте с момента начала его деятельности в 1963 г. и формировали свои фракции.

В составе депутатского корпуса первых созывов самые сильные позиции занимали арабские националисты. Однако разочарование в идеях арабского национализма, последовавшее за поражением арабских стран в войне против Израиля в 1967 г., привело к усилению позиций других политических сил, в том числе и исламских

фракций, которым удавалось блокировать принятие законопроектов, не соответствовавших, по их представлениям, исламским ценностям. В 1971 г. депутаты, входившие в исламские фракции, провалили принятие закона о предоставлении избирательных прав женщинам.

После исламской революции 1978 г. в Иране, ознаменовавшей начало активизации ислама в общественно-политической жизни мусульманских стран и появления все большего числа политических исламских организаций, в том числе и радикальных, влияние Общества социальных реформ и Общества за сохранение наследия в Кувейте возросло. Они активно действовали в составе парламентской оппозиции, которая в 80-е гг. XX в. отстаивала необходимость соблюдения принципа социальной справедливости и борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти.

В период иракской оккупации Кувейта в 1990–1991 гг. исламские активисты участвовали в Движении сопротивления. Мечети стали тогда центрами для оказания помощи населению. Там шло распределение продуктов питания, создавались пункты медицинской помощи, обсуждались планы по организации борьбы с оккупантами. Поэтому во время выборов, прошедших после освобождения Кувейта в 1991 г., кандидаты от исламских организаций завоевали большинство мест в парламенте.

Исламисты принимали активное участие в деятельности парламента в 1990-е и в 2000-е гг. Они входили в состав оппозиции, которая развернула борьбу с коррупцией, а также выступала за проведение политических реформ. В мае 2006 г. депутат от группы, представлявшей Исламское салафитское объединение – такое название получила организация салафитов после того, как в 1997 г. из ее состава вышла группа, не согласная с ее политической линией, выступил с призывом усилить борьбу с коррупцией «в интересах кувейтского общества и общенационального блага». В свою очередь, депутат, представлявший Исламское конституционное движение – новое название организации, объединившей «Братьев-мусульман», призвал создать «единый патриотический фронт» для успешного проведения будущей избирательной кампании и поддержки кандидатов-реформаторов [9].

Исламские организации принимали активное участие в массовых протестах, проходивших в Кувейте в 2011 г. под влиянием событий «Арабской весны». Главное требование протестующих – отставка премьер-министра было удовлетворено, что сказалось на росте их популярности и представительстве в парламенте в последующие годы.

Заключение

Власть в Кувейте смогла осуществить полный контроль над всеми исламскими институтами и организациями. Более того, ей удалось создать некий новый вариант «кувейтского ислама», опирающегося на идеологию «Аль-Васатья», которая призвана обеспечивать его умеренность, готовность к диалогу, толерантность. Исламские структуры занимаются богословской деятельностью и обычной религиозной практикой. Все вопросы, связанные с финансированием, организационными функциями исламских институтов, как и развитием исламских банков и финансовых учреждений, действующих на основе шариата, решает государство, подчиняя их целям общей государственной политики.

Исламские общественно-политические организации входят в состав системной оппозиции, осуществляющей свою деятельность на законных основаниях в рамках парламента. Их противостояние с властью имеет ограниченный характер. Исламские объединения не стремятся к смене существующего режима и их критика политики правительства направлена на то, чтобы усилить влияние ислама в общественно-политической жизни страны.

Политика властей по активизации роли государства в религиозной сфере принесла свои плоды. Длительный период времени Кувейт был избавлен от активных действий террористических групп. Хотя в 2005 и в 2009 гг. были раскрыты террористические организации, все они были аффилированы с Аль-Каидой и большинство их членов составляли не граждане Кувейта.

В последующие годы внутривластная обстановка оставалась стабильной и проявлений терроризма зафиксировано не было. Единственный террористический акт произошел в 2015 г., когда была взорвана бомба вблизи шиитской мечети в Эль-Кувейте. Ответственность за него взяла организация, созданная в соседней Саудовской Аравии.

Большинство граждан Кувейта исповедуют ислам суннитского толка. Шиитская община существует с давних времен и полностью инкорпорирована в состав кувейтского социума. Межконфессиональных столкновений в Кувейте отмечено не было.

Кувейтской власти, благодаря продуманной политике, удалось добиться конструктивного взаимодействия с исламскими структурами ради сохранения внутривластной стабильности в стране.

Литература

1. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма»: «Постсекулярное» общество – что это такое? [Электронный ресурс] // Русский журнал. 2008.23.07. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения 20 апр. 2018).
2. May S., Wilson E. The Religious as Political and the Political as Religious. Globalization, Post-Secularism and the Shifting Boundaries of the Sacred [Электронный ресурс] // Politics, Religions and Ideology. 2014. Vol. 15. Issues 3. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21567689.2014.948526?src=recsys> (дата обращения 20 апр. 2018).
3. Ministry of Awqaf and Islamic Affairs. State of Kuwait [Электронный ресурс]. URL: <http://islam.gov.kw/Pages/en/Default.aspx#> (дата обращения 21 апр. 2018).
4. Юсуф М. Васатья – путь жизни. М.: Издательский дом «Хилал», 2010. 318 с.
5. Полосин А. Умеренность в исламе «Аль-Васатья». М.: Российский научно-просветительский центр «Аль-Васатья» – умеренность, 2014. 108 с. (Серия «Ислам против радикализма»)
6. Independent Govt. Authority. Zakat House Profile [Электронный ресурс] URL: https://www.zakathouse.org.kw/zakat_page.aspx?id=11 (дата обращения 20 апр. 2018).
7. Kuwait Islamic banking sector grew rapidly [Электронный ресурс]. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/new-players-islamic-banking-sector-has-undergone-rapid-growth-over-past-decade> (дата обращения 20 апр. 2018).
8. Kuwait's Islamic bank thrive despite continued economic uncertainty [Электронный ресурс] // World Finance. 2017. 15 Feb. URL: <https://www.worldfinance.com/infrastructure-investment/kuwait-islamic-banks-thrive-despite-continued-economic-uncertainty> (дата обращения 20 апр. 2018).
9. Ар-Рашид А. Аль-маджалис аль-интиханий тукарир мустакбаль Аль Кувейт (Избирательные округа решают будущее Кувейта) [Электронный ресурс]. Аш-Шарк Аль-Аусат. 2006. 25 мая. URL: <http://www.aawsat.com//leader.asp?section=3&article=364944&issue=10040#Uwi-AVyGjIU> (дата обращения 03 июня 2017).

References

1. Habermas J. Against “aggressive atheism”. Post secular society, what is it? *Russkii zhurnal* [Internet]. 2008. June 23. [data obrashcheniya 20 Apr. 2018]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (In Russ.)
2. May S., Wilson E. The Religious as Political and the Political as Religious. Globalization, Post-Secularism and the Shifting Boundaries of the Sacred. *Politics, Religions and Ideology*. [Internet]. 2014;3. [data obrashcheniya 20 Apr.

- 2018]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21567689.2014.948526?src=recsys>
3. Ministry of Awqaf and Islamic Affairs. State of Kuwait. [Internet]. [data obrashcheniya 21 Apr. 2018]. URL: <http://islam.gov.kw/Pages/en/Default.aspx#>
 4. Usef M. Wasatya – the way of life. Moscow: Hilal Publ.; 2010. 318 p. (In Russ.)
 5. Polosin A. The Moderation in Islam “Al Wasatya”. Moscow: Russian Scientific and Educational Center “Al Wasatya” – Moderation, 2014. 108 p. (Serices “Islam against Radicalization”) (In Russ.)
 6. Independent Govr. Authority. Zakat House Profile [Internet]. [data obrashcheniya 20 Apr. 2018]. URL: https://www.zakathouse.org.kw/zakat_page.aspx?id=11
 7. Kuwait Islamic banking sector grew rapidly. [Internet]. [data obrashcheniya 20 Apr. 2018]. URL: <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/new-players-islamic-banking-sector-has-undergone-rapid-growth-over-past-decade>
 8. Kuwait’s Islamic bank thrive despite continued economic uncertainty. *World Finance*. [Internet]. 2017. 15 Feb. [data obrashcheniya 20 Apr. 2018]. URL: <https://www.worldfinance.com/infrastructure-investment/kuwaits-islamic-banks-thrive-despite-continued-economic-uncertainty>
 9. Al Rashid A. The Elective sites decide the future of Kuwait. *Ash-Shark Al'-Ausat*. [Internet]. 2006. 25 May. [data obrashcheniya 3 June 2017]. URL: <http://www.aawsat.com//leader.asp?section=3&article=364944&issueno=10040#.UwiAVyGjIU>

Информация об авторе

Елена С. Мелкумян, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; g.kosach@mail.ru.

Information about the author

Elena S. Melkumyan, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; The leading researcher, the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science; bld. 12, Rojdestvenka st., Moscow, 107031, Russia; g.kosach@mail.ru.

УДК 323.1(510)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-105-115

Специфика «государства-нации» в китайской модели развития

Наталья В. Морозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; morozova_natalie@yahoo.com*

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются ключевые составляющие концепта «государства-нации» в политическом развитии КНР, а также источники возникновения указанной идеи в исторической перспективе.

В XXI в., столкнувшись с многочисленными вызовами со стороны западной цивилизации, правительство КНР выбирает особый путь развития, сопряженный с идеями национализма, возрастанием роли традиционной конфуцианской мысли и культурно-исторического наследия. Особое внимание уделяется концепциям, консолидирующим китайскую нацию. Автор рассматривает основные инструменты становления национального самосознания, анализирует роль языка, культуры и традиции в политических стратегиях руководства страны. Автор отдает государственному общепотребительному стандарту языка и письменности ведущую роль при строительстве «государства-нации» в КНР.

В статье также рассматривается специфика понятия «нации» в китайской модели развития и трансформация национальной идеи в современном политическом дискурсе КНР.

Ключевые слова: китайская нация, государственность КНР, языковой стандарт, чжунхуа миньцзу, китайская мечта

Для цитирования: Морозова Н.В. Специфика «государства-нации» в китайской модели развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 105–115. DOI:10.28995/2073-6339-2018-2-105-115

Specificity of the «nation-state» in the development model of China

Natalia V. Morozova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; morozova_natalie@yahoo.com*

Annotation. The author considers the key components of the *nation-state* concept in the political development of the PRC as well as the way this idea emerged in the historical perspective.

In the 21st century, facing the numerous challenges from Western civilization, the Chinese government has opted for a special development path associated with the ideas of nationalism, the growing role of traditional Confucian thought and cultural-historical heritage.

Particular attention is paid to the concepts that consolidate the Chinese nation. The author considers main tools for the formation of national self-consciousness, analyzes the role of the language, culture and tradition in the political strategies of the country's leadership. She also argues that the state-wide common standard of language and writing plays a leading role in the construction of a "nation-state" in the PRC.

The article also considers the specificity of the *nation* concept in the development model of China and the transformation of the national idea in the modern political discourse of the PRC.

Keywords: Chinese nation, statehood of the PRC, language standard, zhonghua minzu, Chinese dream

For citation: Morozova NV. Specificity of the "nation-state" in the development model of China. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:105-15. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-105-115

Введение

Языковой фактор широко используется в политических процессах различных регионов, ориентирующихся на укрепление национальной идентичности. Национальная идентичность в данном аспекте представляет собой сочетание территориальных, исторических, языковых, этнических, политических реалий конкретной

общности. Говоря о национальном языке как фундаменте нации, британский историк Э. Хобсбаум подчеркивает, что с XIX в. лингвистические и культурные особенности национальной группы становятся методом ее самоидентификации. Особо важную роль в воспроизводстве нации при этом играет образование и обучение письменному языку [1 с. 113–114]. Прочную связь между стандартом языка и национализмом отмечает и Б. Андерсон, приводя примеры использования «национального языка печати» для объединения административных органов [2 с. 67]. А. Геллнер рассматривает национальный язык как замену религиозного фактора. По его мнению, вмешательство политической составляющей в языковое образование является легитимным методом объединения государства и нации [3 с. 47]. Указанное обстоятельство становится ключевым при построении стратегии языковой политики государства для консолидации народных масс и углубления фактора значимости национального самосознания при столкновении с ценностями и идеалами, поступающими извне.

Национальный фактор в политике Китая

Мультикультурализм связан с процессами интернационализации, глобализации, демократизации и превалированием индивидуального начала, что на практике характеризуется множественностью официально признанных языковых стандартов и усилением акцента на позиции языков национальных меньшинств. Такая позиция широко применима во многих странах Западной Европы. В свою очередь, в рамках мононационализма делается упор на культурно-исторические корни, осознание национальной идентичности. На постсоветском пространстве, в арабском мире, африканском континенте, многих азиатских странах, включая КНР, именно национальный фактор становится двигателем политического развития. Правительство современного Китая не стремится вступать на путь вестернизации, предпочитая следовать своему собственному пути.

Ключевые принципы национальной политики в Китае уходят корнями в эпоху Цинь (221–207 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), во время которых происходило укрупнение государства путем присоединения новых территорий. Китай рассматривался как центр мира, китайские традиционные ценности противопоставлялись всему некитайскому, «варварскому». Это отражено

и в названии государства – Чжунго (zhong – середина, guo – государство). При династии Тан (618–907 гг.) на территории Китая совместно проживали китайские (ханьские) и некитайские народы, что положило начало политическим процессам управления многонациональным государством [4 с. 143]. Указанный богатый исторический опыт помог сформировать принципы современной политики китайского правительства.

Политическая установка КПК отражена в Конституции КНР и утверждает принцип равенства всех национальностей¹, уважения традиций, языков и верований нацменьшинств. Однако ведущая концепция центрального правительства заключается в рассмотрении Китая в исторической перспективе в качестве единого многонационального государственного образования, где китайская нация представлена как полимерный суперэтнос. Таким образом, все этнические группы, имеющие отношение к истории государства, включаются в единую китайскую нацию.

В 2001 г. в КНР вступил в силу «Закон об общеупотребительном языке и письменности». Путунхуа и стандартизированные иероглифы при этом фактически функционируют в качестве государственных языка и знаковой системы. «Путунхуа» представляет собой охраняемый государством и созданный достаточно искусственно разговорный язык, базирующийся на пекинском диалекте, который употребляет этническое большинство и который является официальным для средств массовой информации, органов власти и других общественных учреждений². Указанный закон является первым комплексным нормативно-правовым актом КНР, регламентирующим отношения в сфере языка, его принятие служит консолидации китайской нации.

Что касается национального самосознания китайской модели и самоидентификации, исторически упор делается не столько на объективные признаки национальной идентичности, будь то общность территории или экономической жизни в рамках государства, сколько на субъективные. К ним относятся общий тип мировоззрения, историческое прошлое, философия, культура, традиции и т. п. [5 с. 32].

¹ Конституция КНР 1984 г.

² Чжунхуа женьминь гунхэго тунъюн юйянь вэньцзыфа. Закон КНР «Об общеупотребительном языке и письменности. Ст. 2.

Становление концепта нации в китайской модели развития

Сложность для перевода состоит в том, что термин «нация» в его китайском эквиваленте определяется как возможный для наименования всех крупных и малых образований, т. е. не только государствообразующей этнической общности-нации, но и в случаях определения таких понятий, как национальность, этнос, этническая группа [6 с. 74].

На современном этапе развития КНР консолидация различных этнических групп в единую китайскую нацию на государственном уровне послужила выполнению задачи формирования гражданской нации и сплочению народа. Важнейшим инструментом консолидации при этом выступила разработка общеупотребительного языкового стандарта путунхуа.

В исторической перспективе отцом китайской нации при этом принято называть Сунь Ятсена, который даже получил указанный титул посмертно. Его также часто именуют Конфуцием в политике, что отражает преемственность традиции конфуцианства. Идея государства как нации, предложенная Сунь Ятсеном, включает в себя три принципа – народовластие, национальное благосостояние и национализм. Остановимся подробнее на последнем принципе.

Миньцзу чжуи, или национализм, по Сунь Ятсену, обозначает единую нацию в качестве основы государства [7 с. 320]. При этом в отличие от Запада, где распространена идея индивидуализма, в Китае очень сильна принадлежность каждого человека к семье, клану. Этот факт побуждает миллионы семей и в наше время чтить свои корни, историю своего государства и рода и позволяет укреплять дух нации, важный для правительства страны, на этих началах.

Вторым важным понятием в этой связи является *Чжунхуа Миньцзу* – китайская нация как сплочение различных этнических групп в одну. Этот вопрос не раз поднимался в работах Сунь Ятсена [7 с. 400]. С его точки зрения, неханьские этносы страны во многом ассимилируют и составят единое целое с китайским (ханьскими), что в результате образует единую нацию. Идея ассимиляции китайцами менее развитых завоеванных групп народов упоминалась еще в трудах китайского ученого Цзян Боцзана. Исследователь полагал, что высокоразвитый народ, а китайцев можно было отнести в эту категорию ввиду историко-культурного опыта и влияния традиций, будет способствовать прогрессу менее развитых народов и в конечном счете консолидирует китайский этнос [8 с. 83].

В итоге Сунь Ятсен пришел к выводу о том, что Китай должен стать государством одной нации Чжунхуа Миньцзу, а не союзом нескольких наций. Цитируя Сунь Ятсена, необходимо сплотить 400-миллионный народ в единую нацию.

Вдохновившись идеей Сунь Ятсена о стратегической важности конструирования монолитной нации, в 1929 г. на III съезде Гомиьдан представил переработанную концепцию. В документе был упомянут термин *Гоцзу* (государственная нация), которая также понималась как полиэтническая общность, объединенная в государственную нацию. Принципиально новым моментом концепции стало признание равноправия всех составляющих субъектов единой нации [8 с. 90].

В 1942 г. лидер Чан Кайши вновь вернулся к термину Чжунхуа Миньцзу. Изменения, внесенные им в концепцию, заключались в том, что отныне существует одна китайская нация, различных объединений субъектов которой стоит называть кланами. Иными словами, акцент сделан на тот факт, что, избегая концепта «многонациональной нации», в Китае существует целостная китайская нация Чжунхуа Миньцзу. Возрождение единой китайской нации при этом великое дело всех соотечественников. Проект не получил закрепления в конституции, вместо слова «клан» продолжал фигурировать термин «нация», однако теоретический проект однонационального государства получил признание на последующих этапах истории [8 с. 92].

Можно сказать, что именно эволюция идеи модели единой политической нации привела к современной трактовке национального вопроса. При этом в настоящее время идентичность китайцев это, прежде всего, осознание историко-культурной общности. В понятие Чжунхуа Миньцзу включаются все этнические группы, признанные китайским правительством и проживающие на территории Китая как минимум со времени династии Цин, а также китайцы за рубежом.

*Доктрина китайской нации
в политическом дискурсе
центрального правительства*

В политическом дискурсе КНР на современном этапе подчеркивается важность структурирования у граждан прежде всего государственной идентичности, осознания принадлежности к единой государственной нации.

Со времени образования КНР и вплоть до первого десятилетия реформ открытости идеи о китайской нации отошли на второй план. Однако в 1990-х гг. происходит возвращение к идее «великого возрождения» китайской нации. Это отражено в материалах XIII съезда КПК 1987 г., обозначившего предстоящее столетие временем начального этапа построения социализма и возрождения китайской нации, осуществляемого усилиями всего народа [9 p. 89].

В 2002 г. на XVI съезде ЦК КПК Цзян Цзэминь объявил об упрочении национального духа посредством укрепления позиций китайского языка и культуры. В материалах съезда также обозначено, что возрождение китайской нации по пути движения социализма с китайской спецификой является исторической миссией и долгом правительства КНР. Среди целей долгосрочной стратегии, объявленной на XVI съезде, помимо укрепления китайской нации, присутствует также усиление экономической мощи страны и превращение КНР в одну из самых экономически мощных держав мира к 2020–2030 гг. [10].

На XVII съезде ЦК КПК в 2007 г. Ху Цзиньтао выступил с идеей об «общих принципах Великого возрождения китайской нации». И уже на XVIII съезде ЦК КПК обозначил основные ценности – цивилизованность и гармония в государстве, свобода и равенство в обществе, патриотизм и честность на индивидуальном уровне. Им же был введен новый концепт «гармоничного общества». Национальное возрождение в китайской модели развития неразрывно связано с концепцией «китайской мечты». Отсюда можно вывести еще одно ключевое понятие, присутствующее в политике КНР с 1990-х гг.: китайская мечта «чжунго мэн» о Великом возрождении китайского народа «Чжунго миньцзу вэйда фусин» [11].

Идея китайской мечты является дополненным продолжением концепта «возрождения Китая» – «Чжэньсин чжунхуа», упоминавшегося еще Сунь Ятсеном и Дэн Сяопином. К этому концепту обращался и Цзян Цзэминь на XV съезде ЦК КПК в 1997 г., главной темой которого стало принятие теории Дэн Сяопина в качестве руководящего аспекта деятельности КНР [12].

Автором работы было замечено, что при этом в первоначальной версии использовался другой иероглиф, нежели закрепившийся в современном политическом дискурсе КНР. Оба иероглифа «чжэньсин» и «фусин» можно перевести как «возрождение». Однако «чжэньсин» – это возрождение как движение вперед, развитие, поднятие, активизация. «Фусин» обладает также смыслом ренессанс, осуществление повторного подъема.

К продолжению осуществления китайской мечты призвал Си Цзиньпин в 2012 г. после XVIII съезда ЦК КПК. После посещения выставки «Путь к Возрождению», проводимой в Национальном Музее, новоизбранный руководитель ЦК КПК выступил с объявлением. Он подчеркнул необходимость осуществлять «китайскую мечту» о великом национальном возрождении, объединять население для создания процветающего государства и могущественной нации. Позднее в 2014 г. посол КНР Ли Хуэй также обозначил ключевую идею китайской мечты как подъем нации и благополучие народа, а сам концепт неразрывно связанным с деятельностью предыдущих поколений руководителей КНР. Китайская мечта в трактовке Си Цзиньпина призвана укрепить в китайском народе гордость за свою страну, побудив внести свой вклад в развитие КНР [13].

Слово «возрождение» («фусин») сознательно используется китайским руководством, чтобы подчеркнуть важность поднятия национального духа и возвращения былого могущества времен Срединной империи, преодолев беды времен Опиумных войн и китайско-японской войны. Многие ученые рассматривают китайский национализм через призму восстановления после так называемого века потерь и страданий [14 с. 240]. Таким образом, речь идет об укреплении прав страны и подъеме духа и национального самосознания населения не без помощи возрождения традиционных конфуцианских ценностей.

Заключение

Национализм в Китае и идея государства-нации – концепция из далекого исторического прошлого. Знаменитый «социализм с китайской спецификой», укоренившийся со времен Дэн Сяопина, по сути и является превалированием национального компонента. По мнению автора, она скорее актуализируется в моменты вызовов извне, будучи постоянно присутствующей китайской модели, нежели становится вынужденной мерой, вызванной столкновением Востока и Запада. Кроме того, идеология национализма позволяет китайскому правительству осуществлять укрепление китайской государственности, воплощать идею стремления к сильной державе.

В XXI в. национализм в Китае является органически присущим основной массе граждан явлением, нежели исключительно установкой сверху. Гордость и уважение своих истории и культуры пронизывает весь путь развития китайской державы, что отражает-

ся как в повседневном укладе населения, так и в художественных произведениях, учебных пособиях, кинематографе.

Среди специфических черт китайского национализма можно выделить стремление к умеренной открытости вместо полной, ведущую роль китайской культуры. Большое внимание уделяется воспитанию национального самосознания у граждан страны на основе уважения истории, традиций конфуцианства, общего языка.

В связи с тем что в Китае существует множество диалектов и народностей, ключевым звеном объединения нации в единое целое служит иероглифическая письменность, а на современном этапе – стандарт общеупотребительного языка путунхуа. При этом язык стоит относить не только к объективному инструментальному показателю идентичности, но и расценивать как субъективный показатель, связанный с культурно-историческим наследием.

Финансовая и административная поддержка путунхуа центральным правительством КНР на фоне нестабильной ситуации в мире иллюстрирует использование общеупотребительного языка в качестве фундамента при строительстве нации. Таким образом, укрепление национализма в данном случае можно рассматривать с позитивной стороны как способ достижения национального единства во избежание конфликтных ситуаций, подрывающих стабильность государства. Активная роль китайского правительства в распространении китайской культуры и языка вовне позволяет расширить сферы распространения наследия страны через иностранных студентов, что, в свою очередь, также может выступать предметом национальной гордости среди молодежи.

Литература

1. *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1990. 218 p.
2. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York: Verso, 1998. 224 p.
3. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 208 p.
4. *Москалев А.А.* Доктрина китайской нации // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 141–157.
5. *Луань Цзинхэ.* Национализм и национальные отношения: Китай и Россия навстречу общим интересам // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: этнокультурные процессы в политическом контексте: сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под ред. А.П. Забияко,

- А.А. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2013. С. 30–35.
6. *Zhang Haiyang*. Wrestling with the connotation of Chinese «minzu» // *Economic and Political Weekly*. 1997. Vol. 32, No. 30, Jul. 26 – Aug. 1). P. 74–84.
 7. *Сунь Ятсен*. Избранные произведения: Собрание сочинений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1985. 759 с.
 8. *Гельбрас В.Г.* Китай: возрождение национальной идеи // *Полития*. 2003. № 2 (29). С. 80–90.
 9. *Gries P.* China's new nationalism: Pride, politics, and diplomacy. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 2004. 215 p.
 10. *Цзян Цзэминь*. Доклад на XVI Всекитайском съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://src.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html> (дата обращения 1 февр. 2018).
 11. *Ху Цзиньтао*. Доклад на XVII съезде КПК [Электронный ресурс]. URL: <http://src.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/106156/6430009.html> (дата обращения 1 февр. 2018).
 12. *Цзян Цзэминь*. Доклад на XV съезде ЦК КПК в 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://src.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526285.html> (дата обращения 1 февр. 2018).
 13. *Си Цзиньпин*. Китайская мечта [Электронный ресурс]. Жэньминь Жибао. 2012. 30 нояб. URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2012-11/30/content_1152944.htm (дата обращения 1 февр. 2018).
 14. *Wang Zheng*. Never forget national humiliation: Historical memory in Chinese politics and foreign relations. New York: Columbia Univ. Press, 2012. 293 p.

References

1. Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, myth, reality. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 218 p.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York: Verso Publ.; 1998. 224 p.
3. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 208 p.
4. Moskalev A.A. Doctrine of the Chinese nation. *Far Eastern Affairs*. 2002;6:141-57. (In Russ.)
5. Luan Jin He. Nationalism and national relationships: China and Russia path to the common interests. V: Zabyako A.P., Zabyako A.A., ed. *Russia and China on the Far Eastern frontiers. Ethnic and cultural processes in a political context. A collection of proceedings from the International Scientific and Practical Conference*. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet Publ.; 2013. p. 30-35. (In Russ.)
6. Zhang Haiyang. Wrestling with the connotation of Chinese «minzu». *Economic and Political Weekly*. 1997;30:74-84.

7. Sun Yat Sen. Selected works. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Nauka Publ.; 1985. 759 p. (In Russ.)
8. Gelbras VG. China: The Revival of National Idea. Politeia. 2003;2:80-90. (In Russ.)
9. Gries P. China's new nationalism: Pride, politics, and diplomacy. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2004. 215 p.
10. Jiang Zemin. Report at the 16th National Congress of the Communist Party of China. [Internet]. [data obrashcheniya 1 Fev. 2018]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html>
11. Hu Jintao. Report at the 17th National Congress of the Communist Party of China. [Internet]. [data obrashcheniya 1 Fev. 2018]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/106156/6430009.html>
12. Jiang Zemin. Report at the 15th National Congress of the Communist Party of China. [Internet]. [data obrashcheniya 1 Fev. 2018]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64568/65445/4526285.html>
13. Si Tszin'pin. Chinese dream. [Internet]. 2012. [data obrashcheniya 1 Fev. 2018];30 Nov. URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2012-11/30/content_1152944.htm
14. Wang Zheng. Never forget national humiliation: Historical memory in Chinese politics and foreign relations. New York: Columbia University Press, 2012. 293 p.

Информация об авторе

Наталья В. Морозова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; morozova_natalie@yahoo.com

Information about the author

Natalia V. Morozova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; morozova_natalie@yahoo.com

Дискуссионная площадка

УДК 316.77+070

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-116-133

От коммуникационного капитала к коммуникативному потенциалу: на пути к устойчивому развитию

Айна К. Дениева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Аппарат Общественной палаты Российской Федерации,
Москва, Россия, Ayna.denieva@mail.ru*

Ирина И. Комарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Irinakomarova@mail.ru*

Аннотация. Авторы ставят цель проанализировать особенности коммуникационного капитала как нового элемента формирования информационной элиты в среде молодежи, возможности выявления коммуникативного потенциала посредством новых технологий, в основе которых современные представления о человеческих интеллектуальных ресурсах, а также формирования «кода профессии». Отмечается, что процесс выявления коммуникативного потенциала человека позволяет формировать новую медиасреду будущего для системы управления медиагородом и государством, поскольку произошедшие изменения в коммуникациях современного общества меняют не только профессиональное коммуникативное поле, создавая в нем новые профессии, но изменяют и профессиональные требования к существующим профессиям, в частности в сфере PR и медиакоммуникаций. Актуальность избранной темы очевидна, поскольку одной из наиболее изучаемых проблем современного научного сообщества является коммуникативный менеджмент и медиациентричное общество, которое формирует запрос на осознанное развитие и осознанное образование.

Авторы отмечают, что общественное пространство XXI века больше не определяется только материальными структурами, такими как улицы и площади. Но оно и не определяется исключительно виртуальным пространством электронных СМИ. Скорее общественное пространство формируется в сложном взаимодействии материальных и нематериаль-

ных пространств. Эти гибридные пространства в литературе получили название «медиагородов».

Авторы статьи считают, что новые функции общественного пространства и медиагорода требуют новых кадров с иными наборами компетенций. Система подбора кадров, сформировавшаяся в индустриальном обществе, не может удовлетворить требования общества постиндустриального, ориентированного на знания. Авторы предлагают идею формирования так называемого «кода профессий» – совокупности требований к новым профессиям не усредненных, как было раньше, а максимально индивидуализированных, в соответствии с требованиями новой экономики. В связи с чем возникает вопрос о возможности выявления задатков коммуникативного потенциала, которые позволили бы увеличить эффективность подготовки специалистов в будущем.

В статье отмечается, что важнейшими предпосылками успешного перехода России к устойчивому развитию является формирование, развитие и рациональное использование потенциала человека в рамках выбранной им профессии.

Ключевые слова: коммуникативный потенциал, медиаресурсы, гибридная урбанистика, коммуникационная элита, код профессии

Для цитирования: Дениева А.К., Комарова И.И. От коммуникационного капитала к коммуникативному потенциалу: на пути к устойчивому развитию // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 116–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-116-133

From communication capital
to communicative potential.
On the way to sustainable development

Ayna K. Denieva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Ayna.denieva@mail.ru

Irina I. Komarova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

Irinakomarova@mail.ru

Abstract. The authors aim to analyze the features of communication capital as a new element in the formation of the information elite among young people, the possibility of identifying the communicative potential through new technologies, based on modern ideas about human intellectual resources, and also the formation of a “profession code”. It is noted that the process of identifying the human communicative potential allows forming a new media environment of the future for the media city and state management system, since the changes in the communications of modern society modify not only the professional communicative field, creating new professions in it, but also alter the professional requirements for Existing professions, in particular in the field of PR and media communications. The relevance of the selected topic is obvious, because one of the most studied problems of the modern scientific community is communicative management and a media centered society that forms a request for informed development and informed education.

The authors note that the public space of the 21st century is no longer determined only by material structures, such as streets and squares. But it also is not determined exclusively by the virtual space of electronic media. Rather, public space is formed in the complex interaction of material and non-material spaces. These hybrid spaces in the literature were called “media cities”.

The authors of the article believe that the new functions of public space and media cities require new personnel with different sets of competencies. The system of personnel selection that has been formed in an industrial society can not meet the requirements of a postindustrial society oriented toward knowledge. The authors propose the idea of forming the so-called “code of professions” – a set of requirements for new professions, not averaged, as before, but as individualized as possible, in accordance with the requirements of the new economy. All this rises a the question arises of the possibility for identifying the makings of communication potential, which would increase the efficiency of training specialists in the future.

The article notes that the most important prerequisites for Russia's successful transition to sustainable development are the formation, development and rational use of human potential within the chosen profession.

Keywords: communicative potential, media resources, hybrid urban planning, communication elite, profession code

For citation: Denieva AK., Komarova II. From communication capital to communicative potential. On the way to sustainable development. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;2:116-133. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-116-133

Введение

Мировой опыт подсказывает, что наиболее успешно развиваются те страны и общественные системы, в которых есть условия для полноценного раскрытия личности человека, его потенциала.

В данной статье под коммуникационным капиталом понимается совокупность средств коммуникации и умение человека использовать эти средства, а также его знания, умения и навыки к коммуникации. Под коммуникативным потенциалом – совокупность *граней интеллекта*¹ [1], способности, которыми от природы наделен человек, позволяющие ему максимально эффективно применять знания и компетенции в управлении коммуникациями и создании смыслового поля. В рамках исследования темы коммуникативного потенциала кафедрой социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ была проведена серия мероприятий на площадке Общественной палаты РФ, материалы которых послужили основанием для написания данной статьи. Так, в 2017 г. был проведен очередной круглый стол с участием экспертов и научного сообщества «Коммуникативный потенциал как медиа будущего» [2].

В статье рассмотрена человеческая составляющая медиаресурсов, которая сегодня играет большую роль. Выявляя коммуникативный потенциал, работая с ним, мы формируем новую

¹Г. Гарднер – американский психолог, автор теории множественного интеллекта, согласно которой человек обладает не единым интеллектом (так называемый общий интеллект), а рядом относительно независимых способностей.

медиасреду будущего для системы управления медиагородом и государством.

Сегодня, когда мы говорим о технологиях, мы больше внимания уделяем роботомашинным системам, а не человеку. Вместе с тем сфера медиа и цифровая реальность рождаются именно человеком и направлены на человека. Недооценка этого обстоятельства может привести к тому, что при подготовке медиаспециалистов будущего не будет в должной мере осознания их роли как интеллектуальной и управленческой элиты, в чьих руках через небольшой промежуток времени будет сосредоточено управление общественными отношениями.

Технологическая революция и ее составляющие

Столь пристальное внимание к этой теме имеет под собой несколько причин, напрямую связанных с основными составляющими технологической революции, теснейшим образом зависящих и определяющих друг друга. Главным образом, нами рассмотрена коммуникационная составляющая технологической революции.

Коммуникационные причины. Значение коммуникации в постиндустриальную эпоху определяется осознанием ее как движущей силы развития экономики и технологий. Для жизни и участия в управлении медиасредой все жители должны уметь жить и общаться в медиасреде, т. е. иметь тот навык, которому сейчас обучают в основном журналистов и PR-менеджеров.

Произошедшие перемены повлияли на все аспекты городской жизни, в том числе и на понимание самого города, которое радикально изменилось. Город понимают в последнее время не столько как форму поселения и производства, сколько как форму сообщества, «как тип социальности, сущностной чертой которой является интеграция разнообразных видов жизнедеятельности в единую саморазвивающуюся систему с собственными механизмами поддержания устойчивости и порядка» [3 с. 8–10]. Изменилось понимание и составляющих элементов города: улиц, площадей, пространств и проч.

Так, «до появления автомобиля улица была общим, многофункциональным общественным пространством не только для транспортных средств (конных, самоходных, коммерческих и частных), но и для прогулок, езды на велосипеде, игры, продаж и общения. Правовая среда улицы была изменена, чтобы установить господство автомобилей над всеми другими видами использова-

ния» [4]. «Медиа-технологии перестраивают города, реконфигурируют пригород» [5]. Для дальнейшего развития городов придется учитывать, что сами эти объекты превратились в медиа будущего.

Известный австралийский урбанист Скотт МакКвири писал: «Общественное пространство XXI века больше не определяется просто материальными структурами, такими как улицы и площади. Но оно и не определяется исключительно виртуальным пространством электронных СМИ. Скорее общественное достояние теперь возникает в сложном взаимодействии материальных и нематериальных пространств. Эти гибридные пространства можно назвать “медиагородами”» [6].

Город как медиа будущего

Доминирующую роль в общественной сфере до последнего времени играли широкоэвещательные СМИ, такие как радио и телевидение, перемещая ключевые процессы гражданского участия от общественного к внутреннему пространству [7]. С начала внедрения смартфонов (2008) «цифровая трансформация городских пространств все чаще происходит благодаря технологиям мобильной связи: городское общественное пространство и цифровые пространства переплетаются в гибридное пространство» [8].

В этом смысле очень интересный проект был реализован в Бристолe. В 2013 году компания Sam Stud из Pan Studios совместно с Беном Баркером создала проект под названием Hello Lamp Post, который позволяет людям вести SMS-общение с почтовыми ящиками, автобусными остановками и другими уличными объектами. Для этого компания обратилась к существующей инфраструктуре ссылочных номеров (многие уличные объекты имеют коды обслуживания или серийные номера сбоку и они могут использоваться в качестве аналоговых, но осозаемых маркеров местоположения) и использовала ее для передачи текстовых сообщений. Самыми популярными оказались беседы с уличной мебелью (более 8 тысяч сообщений в течение восьми недель). Следующим шагом стал проект A Fork in the Road, когда sms были привязаны к объектам городского плана, со временем превратившийся в игру.

Все чаще поднимается вопрос, как граждане могут быть частью этих городских процессов «разумной» трансформации и как граждан можно поощрять к «вовлечению» в повседневную жизнь [9].

Места в городе преобладают над пространством. Горожанин не в силах наделить огромное городское пространство значением, то есть обжить: оно складывается из значения отдельных мест на ментальной карте жителя. Таким образом, места можно обозначить как коммуникативные узлы, в которые соединяются различные смыслы [10]. Фактически эти места стали узлами новой гибридной сети, объединяющей виртуальные и материальные объекты.

Как в пространстве города проявляются, закрепляются и обозначаются эти гибридные узлы, обеспечивающие связь и диалог между звуком, изображением, архитектурой и человеком? Они закрепляются экранами [11]. Однако это не экраны с рекламным контекстом, а с тем контекстом, который модерируется самими жителями, обозначая потребности в навигации, реализации запросов, в том числе и на искусство.

Гибридная урбанистика в развитии коммуникационного капитала

Изменение урбанистики под влиянием медиатехнологий получило название гибридной урбанистики [12]. Как можно было видеть, многие традиционные функции городского пространства были подхвачены телекоммуникационными сетями и развиты в новом качестве.

Гибридное городское пространство образуется слиянием медиапространства и городского пространства. Продуктами этого альянса являются «гибридные» пространства, которые в то же время являются аналоговыми и цифровыми, виртуальными и материальными, локальными и глобальными, тактильными и абстрактными, – отсюда и название. Проектированием «гибридных» пространств занимается новая междисциплинарная область «мягкий урбанизм».

Процессы гибридизации пространства реализуются в разных направлениях. С одной стороны, расширяется сфера объединения реального и виртуального пространств, с другой – при отсутствии необходимых управленческих решений расширяется разрыв между нематериальными, глобальными, эксклюзивными сферами СМИ (Интернет, телевидение и т. д.) и материальными локальными городскими объектами. Эти процессы реализуются в условиях распыления электронных средств массовой информации в местном масштабе, например, умножение местных ТВ-каналов или радиостанций.

В определении и материализации пространств для социального взаимодействия разработка отношений между физическим и цифровым общественным достоянием становится все более и более сложной задачей. «Гибридные» коммунальные среды преобразуют планирование в пространство событий и пространство развлечений. Ярким примером являются компьютерные «игры» по благоустройству территорий (см. Приложение 1).

Мягкий урбанизм занимается информационно-коммуникационными процессами в публичном пространстве. Город воспринимается с этой позиции как органическая сущность. Поэтому мягкий урбанизм не связан с формированием, вложением или определением мест. Он обеспечивает создание каркасов, которые делают возможным и усиливают множество непредсказуемых событий.

Мягкие стратегии лишь на первый взгляд вступают в противоречие с городским управлением, так как сегодня управление «снизу вверх», характерное для них, входит в систему нового инновационного управления, активно внедряемого на государственном уровне [12]. Последнее стало требованием времени, так как те изменения, о которых говорилось в начале статьи, делают развитие городов непредсказуемым.

В этой ситуации укрепление городских и местных групп интересов и экстернализация планирования, поддерживаемая цифровыми методами, такими, например, как «виртуальная реальность», планирование городских преобразований, станет все более публичным делом. Незапланированные события превратятся во всё более важный элемент будущей политики, будущего местного сетевого государства [12].

«Гибридные» пространства, ориентированные на обсуждение будущего нашей среды, будут функционировать как генераторы локальной идентичности и доверия, усиливая регионализацию политики, которая становится противовесом развитию экономической глобализации.

Развитие «гибридных» пространств тесным образом определяется новой экономикой – «экономикой событий», которая уже сегодня присутствует составными элементами во всех существующих экономиках в виде туризма, сферы развлечений, креативной экономики, место которых все больше увеличивается в структуре отраслей экономики.

*Изменение профессиональных требований
в свете происходящих трансформаций
общества и государства*

Произошедшие сегодня изменения в коммуникациях меняют не только профессиональное поле, создавая новые профессии, но изменяют и профессиональные требования к давно существующим профессиям. Из этого вытекает основная специфика ситуации – многозадачность: никому не нужны отдельно маркетологи, PR-менеджеры, журналисты. Нужны специалисты широкого профиля. Смена ориентиров в профессиональных требованиях от узких специализаций до специалистов широкого профиля произошла за рубежом буквально на наших глазах. На рис. 2 (см. Приложение 2) представлены навыки будущего, изученные по заказу Департамента образования Великобритании и представленные в специальном издании «Raconteur.net» в сентябре 2017 г. Мы видим, что в 2015–2020 гг. происходит снижение потребности в журналистах, PR-менеджерах, – в профессиях, традиционно относящихся к медиа. С другой стороны, происходящие перемены и приводят нас к переосмыслению их профессиональных требований и подготовке медиаспециалистов для гибридных городов.

От медиаспециалистов широкого профиля требуются когнитивные навыки, навыки контекстного анализа, комплексных решений и т. п. Журналисты, PR-менеджеры и рекламщики превращаются в навигаторов гибридной среды. К чему сегодня они не готовы и ни один атлас профессий подобного заказа не формулирует. Так новые технологии меняют уровень развития медиа, медиасреды, и такие требования они диктуют к профессии.

Очевидно, что перечисленные качества требуют сложного и качественного образования, серьезной практической подготовки и требуют ее уже сегодня, а не к 2020 году. Как отмечалось выше, наличие таких специалистов на данной территории составляет ее коммуникационный капитал. Возникает несколько важных вопросов: как их найти? Какие смежные специальности могут быть задействованы на первоначальном этапе формирования профессии? Как выстроить систему их подготовки в будущем? Есть ли вероятность выявления задатков коммуникативного потенциала, которые позволили бы увеличить эффективность подготовки специалистов?

Коммуникативный потенциал и «код профессии»

Сегодня в мире, когда за кадры ведется самая настоящая война, накоплено много технологий по раннему выявлению талантов и «обогащению» специальными навыками, знаниями и умениями. Главным образом, это связано с работой кадровых агентств, формирующих запрос. Но есть и другие механизмы, выработанные с несколько иными целями, но, так или иначе, связанными с экономическими запросами.

Если рассматривать все методы, которые на данный момент выработаны для кадрового мониторинга, они являются или количественными, или комбинированными, но в большинстве своем – субъективными. Субъективность оценок заставляет искать точные показатели, критерии и индексы [13]. Представляется, что есть хорошо испытанный способ, который мы используем не в полной мере. За любым человеком с момента рождения тянется целый шлейф данных, свидетельств и документов, которые, как правило, собираются различными ведомствами и хранятся в разных инстанциях. Те данные, которые необходимы для профессионального роста, собираются в детском саду, школе, институте, в других образовательных центрах и на работе. Практически все они собираются разрозненно. Иногда в виде портфолио, иногда в виде отдельных документов.

Таким образом, «код профессии» в нашем представлении – совокупность навыков, которые получает с рождения до выхода на работу человек, с учетом социального положения, места жительства, учителей, навыков, общественной работы, который бы составлял его профессиональное портфолио от рождения до работы. Эти навыки могли бы быть гармонизированы с требованиями конкретного рабочего места. Поскольку, зная ресурсную базу каждого человека, можно точнее направить его в ту сферу, где он себя мог бы реализовать наиболее полно.

На сегодняшний день становится очевидным, что цифровая революция, стремящаяся роботизировать направления человеческой деятельности, требует все больших способностей к обучению и освоению новых компетенций, понимания, к чему есть профессиональная предрасположенность. Наряду с существующими сегодня данными из портфолио достижений могут также быть применены и данные, полученные на основе нейрометрии, – новой технологии, учитывающей биологическую активность мозга для выявления ресурсной базы и потенциала человеческих способностей [14]. Характерной

особенностью данной методики является организация когнитивной нагрузки на основе методов нейропсихологии и регистрация активности мозговой деятельности с помощью нейроинтерфейса.

Здесь хотелось бы отдельно отметить актуальность вопросов развития когнитивных наук, когнитивных механизмов, вопросов коммуникации и когниции, восприятия информации, которые ставят современные ученые. По мнению В.И. Заботкиной, проректора по международному сотрудничеству РГГУ, руководителя Научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий РГГУ, одна из наиболее изучаемых проблем современного научного сообщества – коммуникативный менеджмент и медиацентричное общество².

Д.В. Ушаков, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, в своем докладе «Интеллект и новые социокультурные угрозы» отметил, что сегодня кроме существующего классического подхода Ш. Беккера активно формируется новый взгляд на человеческие ресурсы, в рамках которого способности разделены на врожденные и приобретенные. Приобретенные с вложением сил, времени могут быть усилены. Но при этом становится более очевидным, что время, потраченное на образование, уступает по качеству времени, потраченному на получение когнитивных навыков. При этом когнитивные навыки зависят меньше от образования, чем от психогенетических данных. Этот вопрос важен с точки зрения понимания, как формируется человеческий капитал, который влияет на благосостояние страны. Предложенная Д.В. Ушаковым структурно-динамическая теория предполагает, что все способности, составляющие интеллект, связаны с определенными когнитивными процессами, лишь общий интеллект – не связан [15].

Безусловно, отдельного внимания заслуживают вопросы когнитивных способностей и способов их замирения, но важно отметить, что любое обращение к интеллекту должно опираться на реальное представление о нем, в этой связи крайне важно учитывать многолетний опыт ученых, изучающих интеллект, и международные исследования образования. Очевидно, что сама по себе тема выявления и замирения способностей имеет две стороны – прагматическую и этическую, и обе необходимо учитывать в реализации проектов.

Важнейшими направлениями в развитии системы образования являются формирование, развитие и рациональное использование

² *Заботкина В.И.* Выступление на международной научной конференции «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз» 27.03.2018 г. в рамках Гуманитарных чтений РГГУ.

потенциала человека в рамках выбранной им профессии. Каждый будущий специалист как личность обладает индивидуальными свойствами, которые определяют его способности к выбранной профессиональной деятельности. Как правило, набор этих свойств, рассматриваемый организацией, сводится к перечислению кадровых данных (возраст, образование, квалификация, стаж), которые неполно отражают личностную ценность потенциала человека. При поступлении на работу важная информация о том, чем конкретно может быть ценен и полезен сотрудник, часто остается вне поля зрения службы управления персоналом, а соответствующие способности человека – невостребованными, нереализованными [16].

Рассматривая понятие «потенциал человека», отмечается, что под личностным потенциалом понимается, прежде всего, система личностных характеристик, связанных с движущими силами духовного развития, с мотивацией и самооценкой. Отмечается также, что самомотивации специалиста играет не последнюю роль в выбранной им профессии. Потенциал отдельного человека соотносится с его возможностями в будущем что-то сделать, реализовать свои интересы, достигнуть своих целей. Сложность и многомерность способностей человека позволяют рассматривать его потенциал как систему всех проявляющихся в профессиональной деятельности социально полезных способностей, как актуализированных, так и резервных [16].

Основными характеристиками потенциала человека в рамках его профессиональной деятельности, определяющей его трудоспособность, являются:

- качества, связанные с состоянием здоровья работника, его работоспособностью, выносливостью, типом нервной системы, т. е. все то, что отражает его физический и психологический потенциал;
- качества, определяемые врожденными и приобретенными способностями человека, которые обуславливают возможность профессиональной деятельности. В этом направлении эффективно себя зарекомендовала технология «нейрометрии», определяющая ресурсную базу человека, скрытые резервы, его потенциал в границах интеллекта.

Существующие подходы и методики оценки персонала позволяют получить спектр количественных и качественных оценок выпускников как будущих профессионалов. Следует отметить что качественные, количественные и комбинированные методы оценок основаны на оценке приобретенных способностей специалиста, знаний и навыков в конкретном времени. Такие методы дают субъективную описательную характеристику специалиста на данный

момент, не учитывая врожденный личностный резерв способностей человека, его предрасположенность природного потенциала и прогноз интереса к выбранной деятельности через определенное количество времени [16].

Заключение

Современными исследователями влияния информационных и коммуникационных технологий на организацию жизни общества отмечается новый тип богатства нашего времени – «коммуникационный капитал» как отдельного человека, так и группы, определяемого количеством и качеством коммуникационных связей, а также новый тип коммуникационной элиты, формируемой в среде молодежи [17]. Выявлены главные признаки коммуникационной элиты становящегося информационного общества, отмечается, что новая коммуникационная элита обладает большим потенциалом воздействия на современные социальные процессы общества.

В этой связи политико-коммуникативная сфера в информационную эпоху предъявляет новые требования к человеческим и профессиональным компетенциям, в особенности во взаимодействии власти и общества. На наш взгляд, политико-коммуникативная сфера в ближайшие годы будет испытывать необходимость в качественной подготовке профессиональных кадров с высоким коммуникативным потенциалом для реализации масштабных государственных проектов. Выявление коммуникативного потенциала человека приобретает стратегический характер, более того, становится одной из технологий работы с будущим, с образами будущего.

Литература

1. Гарднер Г. Структура разума: Теория множественного интеллекта. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2018. 512 с. (Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences).
2. Круглый стол «Коммуникативный потенциал как медиа будущего». 07.12.2017. Москва, Общественная палата РФ [Электронный ресурс] // Сайт Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://rggu.ru/news/detail.php?ID=245463> (дата обращения 02.03.2018).
3. The Blind Men and the Elephant // International Journal of Communication. 2008. Book Review № 2. P. 8–10.

4. *Cortright J.* Less in Common // City Observatory [Электронный ресурс]. 2015. 9 June. URL: <http://cityobservatory.org/less-in-common> (дата обращения 02.03.2018).
5. *Garreau J.* Edge City: Life on the New Frontier. New York: Doubleday, Anchor Books 1991. 546 p.
6. *McQuire S.* The politics of public space in the media city [Электронный ресурс]. URL: <http://firstmonday.org/article/view/1544/1459> (дата обращения 01.03.2018).
7. *McQuire S.* Urban Screens: Discovering the potential of outdoor screens for urban society // The Politics of Public Space. First Monday. 2006. Special Issue n° 4; *McQuire S., Papastergiadis N., Cubitt S.* Public Screens and the Transformation of Public Space [Электронный ресурс]. URL: <http://refractory.unimelb.edu.au/2008/03/06/public-screens-and-the-transformation-of-public-spac> (дата обращения 01.03.2018).
8. Creativity in urban context // An Action Research Project by Future Diver Cities [Электронный ресурс]. URL: <http://futuredivercities.eu/wp-content/uploads/2017/01/FDC-Booklet-FOR-WEB.pdf> (дата обращения 04.03.2018).
9. *Toft Ag T.* Art in the Intelligent City [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tanyatoft.com/art-in-the-intelligent-city/>(дата обращения 04.03.2018).
10. *Южакова Е.В.* Эволюция визуальных медиа: от Пиранези к second life // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 4 (119). С. 190–197.
11. Screen City Biennial Journal [Электронный ресурс]. 2017. Vol. 1. URL: <http://2017.screencitybiennial.org/> (дата обращения 04.03.2018).
12. Hybrid Cities and Networked Participatory Design Systems. Hybrid Space Lab. *Ecosistema urbano* [Электронный ресурс]. 2013. 4 Feb. URL: <http://ecosistemaurbano.org/english/hybrid-cities-and-networked-participatory-design-systems-hybrid-space-lab/> (дата обращения 01.03.2018).
13. Premium publisher of current affairs and special reports on business, finance, tech and healthcare www.Raconteur.net [Электронный ресурс]. URL: <https://www.peoplematters.in/news/talent-acquisition/samsung-india-plans-to-increase-hiring-by-25-16948> (дата обращения 04.03.2018).
14. О технологии «Нейрометрии» в репортаже «Вести. Санкт-Петербург». 112 лет назад в Петербурге впервые открылись политехнические курсы для женщин // Телеканал Россия – Санкт-Петербург, 28.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rtr.spb.ru/vesti/vesti_2014/news_detail.asp?id=25624 (дата обращения 4.03.2018)
15. Чем мы думаем? Интервью с Д.В. Ушаковым // Сайт Культурная эволюция [Электронный ресурс]. URL: <http://yarcenr.ru/articles/science/science/chem-my-dumaem/> (дата обращения 11.03.2018).
16. *Богданович М.Д.* Выступление на круглом столе «Коммуникативный потенциал как медиа будущего», 07.12.2017, Общественная палата РФ, Москва // Сайт Рос-

- сийского государственного гуманитарного университета. [Электронный ресурс]. URL: <http://rggu.ru/news/detail.php?ID=245463> (дата обращения 4.03.2018).
17. *Мурзагулов П.П.* Особенности взаимодействия власти и коммуникационной элиты на этапе становления информационного общества. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2017. С. 3.

References

- Gardner G. The structure of the mind. Multiple Intelligence Theory. Moscow: ООО «I.D. Vil'yame» Publ.; 2018. 512 p. (Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences). (In Russ.)
- Round table “Communicative potential as the media of the future”. 7 Dec. 2017. Moscow, RF Civic Chamber. Site of the Russian State University for the Humanitie [Internet]. [data obrashcheniya 2 Mar. 2018]. URL: <http://rggu.ru/news/detail.php?ID=245463> (In Russ.)
- The Blind Men and the Elephant. *International Journal of Communication*. 2008;2:8-10.
- Cortright J. Less in Common. *City Observatory* [Internet]. 2015. 9 June. [data obrashcheniya 2 Mar. 2018]. URL: <http://cityobservatory.org/less-in-common>
- Garreau J. Edge City: Life on the New Frontier. New York: Doubleday, AnchorBooks Publ.; 1991. n° 14. 546 p.
- McQuire S. The politics of public space in the media city [Internet]. [data obrashcheniya 1 Mar. 2018]. URL: <http://firstmonday.org/article/view/1544/1459>
- McQuire S. Urban Screens: Discovering the potential of outdoor screens for urban society // The Politics of Public Space. First Monday. [Internet]. 2006. Special Issue n° 4; McQuire S., Papastergiadis N., Cubitt S. Public Screens and the Transformation of Public Space [Internet]. [data obrashcheniya 1 Mar. 2018]. URL: <http://refractory.unimelb.edu.au/2008/03/06/public-screens-and-the-transformation-of-public-spac>
- Creativity in urban context // An Action Research Project by Future Diver Cities [Internet]. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: <http://futuredivercities.eu/wp-content/uploads/2017/01/FDC-Booklet-FOR-WEB.pdf>
- Toft AgT. Art in the Intelligent City [Internet]. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: <http://www.tanyatoft.com/art-in-the-intelligent-city/>
- Yuzhakova EV. The evolution of visual media. From Piranesi to secondlife // *Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 1: Problems of Education, Science and Culture*. 2013;4:190-97. (In Russ.)
- Screen City Biennial Journal [Internet]. 2017. Vol. 1. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: <http://2017.screencitybiennial.org>
- Hybrid Cities and Networked Participatory Design Systems. Hybrid Space Lab. Ecosistema urbano [Internet]. 2013. 4 Fev. [data obrashcheniya 1 Mar. 2018]. URL:

- <http://ecosistemaurbano.org/english/hybrid-cities-and-networked-participatory-design-systems-hybrid-space-lab>
13. Premium publisher of current affairs and special reports on business, finance, tech and healthcare www.Raconteur.net [Internet]. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: <https://www.peoplesmatters.in/news/talent-acquisition/samsung-india-plans-to-increase-hiring-by-25-16948>
 14. On the “Neurometry” technology in the report “News. St. Petersburg”. Polytechnic courses for women were opened in St. Petersburg for the first time 112 years ago // Russia – St. Petersburg TV Channel [Internet]. 28.01.2018. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: http://www.rtr.spb.ru/vesti/vesti_2014/news_detail.asp?id=25624 (In Russ.)
 15. Wherewith do we think? Interview with D.V. Ushakov . Site “Cultural Evolution”. [Internet]. [data obrashcheniya 11 Mar. 2018]. URL: <http://yarcenter.ru/articles/science/science/chem-my-dumaem/> (In Russ.)
 16. Bogdanovich MD. A speech at the round table conference “Communicative potential” as the media for future, 07.12.2017, RF Civic Chamber Moscow. *Site of the Russian State University for the Humanities* [Internet]. [data obrashcheniya 4 Mar. 2018]. URL: <http://rggu.ru/news/detail.php?ID=245463> (In Russ.)
 17. Murzagulov RR. Features of the interaction of power and the communication elite at the stage of the formation of the information society. Avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk. Ufa, 2017. С. 3. (In Russ.)

Информация об авторах

Айна К. Дениева, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Ayna.denieva@mail.ru

Ирина И. Комарова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Irinakomarova@mail.ru

Information about the authors

Ayna K. Denieva, Ph.D. in Politics, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; Ayna.denieva@mail.ru

Irina I. Komarova, Ph.D. in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Irinakomarova@mail.ru

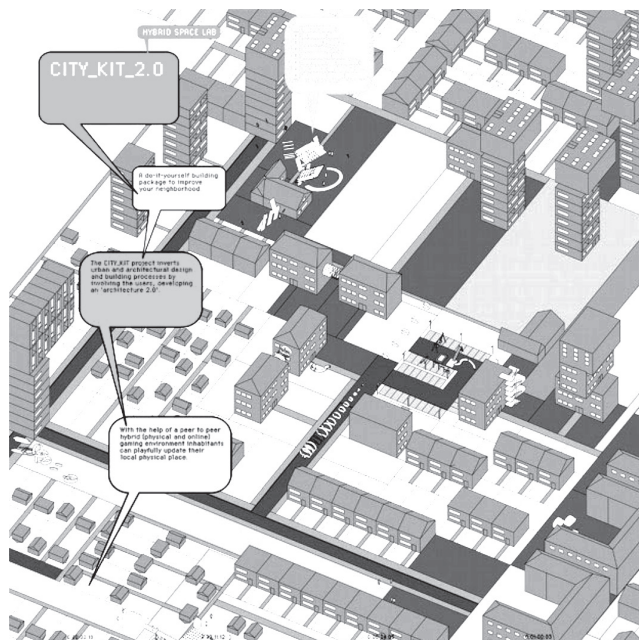


Рис. 1. Гибридная игра CITY KIT от Hybrid Space Lab.

Играя в игру CITY KIT, жители могут адаптировать и улучшить свою местную физическую среду, построив цифровую версию своего района. Используя модульные строительные компоненты, которые можно перемещать и фиксировать в определенных местах в окружающей среде, пользователи могут создавать выставочные площадки, плавающие бары и театры, бассейны и другие объекты для отдыха, которые делают жизнь по соседству более интересной

Приложение 2



Рис. 2. Навыки будущего
 Источник: www.raconteur.net

УДК 930(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-134-144

Чернобаев А.А. «Историография истории России»,
Репина Л.П. «Историческая наука
на рубеже XX–XXI вв.»:
опыт сравнительного рецензирования

Александр Р. Акрамов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; akramov.a@rggu.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть исследования двух именитых историографов и выявить ключевые особенности их исследований. Важность подобного исследования заключается в повышении роли исторической науки и историографии как специальной области исторической науки в системе государственной власти и общественных интересов.

На материалах работ А.А. Чернобаева «Историография истории России» и Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» предпринята попытка выявить особенности историографических исследований, выполненных с учетом того, что историография не статична, а представляет интерес в том случае, когда исследуется с процессуальной точки зрения.

Автор заключает, что исследование А.А. Чернобаева направлено на изучение социально-политических особенностей историографического процесса, таким образом акцент делается на внешних факторах, влияющих на историографов, тогда как исследование Л.П. Репиной посвящено особенностям исследовательского интеллектуализма, что свидетельствует об акценте на внутренних особенностях исследователей.

Автор статьи также пытается дать ответ на вопрос: «Чем отличается библиографическая работа от историографической?» Данное заключение может помочь исследователям, занимающимся проблемами истории исторической науки, избежать подмены данных понятий.

Ключевые слова: историография, историческая наука, методы историографического исследования, историографический процесс, библиография, исторический интеллектуализм, социально-политический аспект

Для цитирования: Акрамов А.Р., Чернобаев А.А. «Историография истории России», Репина Л.П. «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.»: опыт сравнительного рецензирования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 134–144. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-134-144

A comparative review experience by the example
of the works: Chernobaev A.A. “Historiography
of the history of Russia”,
Repina L.P. «Historical science at the turn
of the 20th –21st centuries»

Aleksandr R. Akramov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
akramov.a@rggu.ru*

Abstract. The article attempts to examine the studies of two eminent historiographers and identify the key features of their research. The importance of such research is to enhance the role of historical studies and historiography, as a special field of historical science in the system of state power and public interests.

Using the materials of the works of AA. Chernobaev “Historiography of the History of Russia” and L.P. Repina “Historical Science at the Turn of the Twentieth-21st Centuries” the author attempts to reveal features of historiographic studies carried out in view of the fact that historiography is not static, but is of interest in the case when it is studied as a process.

He concludes that the study of AA Chernobayev’s research is directed to the study in the socio-political nature of the historiographic process, so the emphasis is made on external factors affecting historiographers, whereas the study of L.P. Repina is devoted to the features of research intellectualism, which indicates of an emphasis on the internal specifics of researchers.

The author of the article also tries to answer the question: “What is the difference between bibliographic work and that of historiography?” This conclusion can help researchers dealing with the issues of history and historical science to avoid the substitution of these concepts.

Keywords: historiography, historical science, the methods of historiography research, historiography process, bibliography, historical intellectualism, socio-political aspect

For citation: Akramov AR. A comparative review experience by the example of the works: A.A. Chernobaev “Historiography of the history of Russia”, Repina L.P. “Historical science at the turn of the 20th–21st centuries”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;2:134-144. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-134-144

Введение

Историография является специальной отраслью исторического знания и выступает одной из составных частей исторической науки. Создание трудов историографического характера сопряжено с целым рядом трудностей. Во-первых, появление подобных работ связано с отрицанием истинности научного знания, которое присутствовало в прошлых работах подобного характера или может быть связано с потерей актуальности предшествующих работ за счет изменений, происходящих в исторической науке. Такие изменения могут быть связаны со сменой общественных (государственных) интересов, которые в своих трудах воплощают историки. Во-вторых, необходимость в создании таких работ может возникнуть также при появлении новых методов исследования исторического знания.

Однако это неполный перечень проблем, с которыми может столкнуться исследователь. У многих исследователей отсутствует четкое понимание того, что такое историография и какие задачи она решает, а что является библиографией. По моему мнению, это происходит по одной причине. Исследователь не рассматривает историографию как процесс. Задачи, которые он перед собой ставит, также могут быть не посвящены исследованию исторического знания как процесса, а сосредоточены на точечном исследовании того или иного исторического труда. В данном случае речь может идти исключительно о библиографической работе. Необходимо уточнить, что полезность библиографии не вызывает никаких сомнений. Библиографию можно назвать рабочим инструментом историка. Однако нельзя забывать, что историографические исследования намного шире и глубже любой библиографической работы. Подмену историографических исследований библиографическими достаточно ярко охарактеризовала академик М.В. Нечкина [1 с. 7]: «Библиографизм», описательность, простая «фактографическая» регистрация вышедшей литературы – вообще «детская болезнь» истории исторической науки». А.М. Сахаров [2 с. 21] называет

подмену историографических исследований библиографическими «историографическим браконьерством».

О значении историографии для общества и ее функциях историографы размышляли и размышляют достаточно часто. М.В. Нечкина [1 с. 122] считала, что для того, чтобы определять функции историографии и ее задачи, нужно определиться с разработкой методологических вопросов самой историографической науки. Сделать это необходимо лишь для того, чтобы четко осознавать разницу между библиографическими и историографическими работами: «Без их конкретной разработки историография может остаться чисто описательной «фактографической» отраслью, волей-неволей дублирующей историческую библиографию и только излагающей более подробно содержание исторических работ». В.Е. Иллерицкий [2 с. 76] считал, что главная задача историографа – это «выработать у историка критическое отношение к наследству, накопившемуся в результате длительного и успешного развития исторической науки в нашей стране». Таким образом, они отделяют историографические труды от библиографических.

Как справедливо можно отметить, размышления о процессуальности историографии являются не новыми в истории исторической науки. Под историографическим процессом в данной статье понимается процесс развития исторической науки, в частности, учет исследований в области исторической науки и факторов, прямо или косвенно влияющих на конкретные исследования. Каждое новое поколение создает свою историю, пишет ее по-своему, используя новые методы исследования, однако еще не было времени в истории исторической науки, когда «новое поколение исследователей» отворачивалась от бесценного опыта своих предшественников.

С 80-х годов исследования, направленные на изучение исторических работ, процессуально набирают свою популярность, об этом начинают активно говорить в научном сообществе и данная тема приобретает статус актуальной, однако может возникнуть вполне справедливый вопрос. Зачем в 2018 г. возвращаться к теме, которая уже исследована и не носит той актуальности, которая была в конце XX в. Данное суждение можно считать ошибочным, для обоснования данной позиции необходимо специально сказать о нескольких факторах, характеризующих развитие современной исторической науки в Российской Федерации:

1. Историческая наука всегда была инструментом, способным реализовать государственный и общественный запрос. В зависимости от времени и политических сил, которые находятся в государствен-

ной власти, этот запрос может смещаться. Спектр функций, которые реализует историческая наука, достаточно широк и лежит в рамках от воспитательной до легитимизационной функции. В контексте того, что Президент Российской Федерации В.В. Путин на протяжении почти пяти лет говорит о создании единого учебника истории, который отвечал бы всем веяниям современной исторической науки, особо актуализируется вопрос о процессуальности историографии. Учет мнений и способность учиться на ошибках предыдущих поколений это то, что может дать процессуальный подход.

2. Второй фактор лежит в области желания российской общественности знать правду об истории мира и своей страны без учета марксистской или какой-либо иной идеологии. Проявление данного вектора наиболее четко выражалось после развала Советского Союза, когда общественность перестала признавать историков советского периода, так как в погоне за тем, чтобы угодить существующей власти, им зачастую приходилось выбирать темы исследования, на которые не было запроса общественности, и исследовать их с помощью марксистской идеологии, которая, естественно, накладывала определенный отпечаток на результаты исследований. Однако не стоит думать, что потребность в «правдивой» истории уже отпала. Активная вовлеченность историков в научные дискуссии по определенным государственно важным темам и преобладающий критический подход в большинстве исследований лишь подтверждает то, что в обществе есть запрос на истинную историю, которой невозможно достичь, относясь к историографии не процессуально и отвергая наличие ряда факторов, влияющих на исследования.

3. Третий фактор заключается в том, что с развитием современных коммуникационных технологий, повсеместным доступом к Интернету и увеличением «дискуссионных электронных площадок» возникает тенденция, определяющая, что каждый человек становится творцом своей истории. Любой человек, который имеет технические средства и желание высказаться по той или иной теме, является историком. Стоит оговориться, что с историками-профессионалами такие люди не имеют ничего общего. В данном контексте актуализируется вопрос о том, что историографию нужно рассматривать процессуально, иначе мы рискуем получить огромное количество мнений, которые базируются лишь на статичном представлении об историографии.

В контексте размышлений о том, что «истинная» история исторической мысли – это историографический процесс, возникает необходимость исследовать историографические труды, полностью отвечающие данному требованию. Работа под редакцией А.А. Чер-

нобаева «Историография истории России» и труд Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» представляют для меня особый интерес. Этот интерес связан в первую очередь с тем, что авторами предпринята попытка взглянуть на историографию не библиографически, а процессуально. При том, что оба исследователя имеют одинаковое представление о процессуальности историографического процесса, в своих исследованиях они делают акцент на разных составляющих процессуальности. Справедливо можно заметить и то, что формально отобранные источники несравнимы между собой, так как работа А.А. Чернобаева является учебным пособием, а исследование Л.П. Репиной представлено в виде монографии, но если углубиться в суть работы А.А. Чернобаева, то становится понятно, что она подпадает под общепринятое определение монографии: «научный труд в виде книги с углубленным изучением одной темы или нескольких тесно связанных между собой тем». В связи с этим считаю возможным ставить данные исследования в один ряд и подвергать их историографическому анализу.

Выбранные работы имеют ряд общих черт, однако не лишены и различий, за которыми особенно интересно наблюдать. Общей чертой этих работ является то, что они предлагают новый взгляд на исторические исследования, которые так или иначе анализировались ранее. Также общей чертой обоих исследований является обоснование необходимости проведения исследований. В первом и втором случае авторы исследований обращают свое внимание на то, что в условиях изменяющегося мира меняются и общественные интересы, кроме этого, появляются новые методы историографических исследований, которые могут помочь ответить на вопросы, которые ранее оставались без ответа.

Историографический процесс в работе А.А. Чернобаева «Историография истории России»

Отличительной чертой исследований является их главная цель. Можно сказать, что исследователи являются представителями двух разных типов историографических исследований. А.А. Чернобаев рассматривает историографический процесс с точки зрения рефлексии историков на социально-политические вызовы. Неслучайно в каждой главе можно встретить подразделы, которые называются «Историография и политика», «Историография и общество». Автор четко объясняет свой подход к исследованию истории исторической науки и формированию подразделов иссле-

дования. «Историография, как всякая научная дисциплина общественно-ведческого плана, подвержена влиянию со стороны идеологии, государственной власти, что неизбежно приводит к конъюнктуре в исследованиях. Зависимость историографии от политики проявляется на всех этапах развития начиная с летописного периода» [З с. 17]. По моему мнению, наиболее ярко автору удалось показать зависимость историографии и политики на примере работ историков советского периода. Автор делает акцент на том, как историки, будучи вынуждены неукоснительно следовать принципу коммунистической партии, допустили появление в своих работах ненаучных явлений, таких как догматизм, субъективизм, конъюнктурность, нетерпимость ко всякому инакомыслию, игнорирование опыта, накопленного мировой исторической наукой.

Стоит отметить, что для автора важна не только внешняя составляющая влияния, оказываемого на характер историографических работ, но и внутренняя. А.А. Чернобаев уделяет большое внимание условиям формирования мысли конкретных историков. Его интересует, в каких условиях происходило его становление, какое образование получал историк, кем были его родители и т. д.

Рефлексируя о социально-политических вызовах в историографии, А.А. Чернобаев выбирает хронологический подход к компоновке собственного материала. Таким образом, автор продвигается от размышлений об историографии в Древней Руси к российской исторической науке в XXI в., что позволяет читателю наблюдать за изменениями в характере историографических работ и четко понимать, какие внешние и внутренние явления оказывали влияние на характер историографических работ.

Таким образом, А.А. Чернобаеву удалось провести фундаментальное исследование, в котором подробно рассмотрены все основные периоды, методологические подходы, проблемы и особенности исторических персоналий истории исторической науки в России. Наиболее важно то, что все вышеперечисленные аспекты обоснованы с социально-политической точки зрения.

Историографический процесс в работе Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.»

Работа Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» отличается от исследования, проведенного А.А. Чернобаевым. Стоит отметить, что Л.П. Репина является лидером направления интеллектуальной истории в Российской Федерации,

она является организатором и президентом Российского общества интеллектуальной истории, членом международного общества интеллектуальной истории (ISIH), руководит центром интеллектуальной истории и читает курсы по интеллектуальной истории в Российском государственном гуманитарном университете.

В рамках профессиональной области интересов Л.П. Репину интересуют другие вопросы. Ей интересно то, как процесс рефлексии историков менялся изнутри, ее интересует эволюция исторического интеллектуализма. Во введении к своей работе Л.П. Репина констатирует [4 с. 7]: «Возникающие проблемы обостряют потребность в анализе, позволяющем глубже понять текущие тенденции и сосредоточить внимание на наиболее плодотворных из них, и таким образом усилить роль историографической критики как инструмента обновления и обследующего развития исторической науки в XXI в.». Исследователь обосновывает необходимость рассмотрения теоретических и методологических подходов, которыми пользуются историки. Идея автора состоит в том, чтобы ответить на вопрос общественности: «Какие конкретные задачи мы можем решать и что нам для этого нужно?» Работа Л.П. Репиной – это своего рода хрестоматия, в которой автор помогает другим исследователям в выборе подхода к решению задач, лежащих перед ними.

В исследовании Л.П. Репиной представлен анализ всех наиболее крупных направлений современной историографии: анализ задач, которые исследователям удалось решить, и анализ проблем, из-за которых другие интеллектуальные задачи решить не удалось. Большое внимание уделяется анализу широкого спектра методологических и теоретических оснований исторической науки. От других историографических исследований данную работу отличает особое внимание к эвристическим возможностям, которые открываются на пересечении разных подходов к пониманию исторического процесса [4 с. 7]: «История структуры и деятельности, условий и представлений, индивидуального и коллективного, частного и публичного, микро- и макроистории...».

Наиболее ценными для понимания истории исторической науки являются размышления Л.П. Репиной о значении исторических и историографических исследований в XXI в. Автор подмечает, что современный этап развития исторической науки не только характерен появлением большого количества методологических оснований и новых исторических источников, новыми способами обработки информации, но и тем, что изменения коснулись ряда познавательных средств. В частности, исследователь утверждает, что функции историографа активно перенимает массмедиа, и пост-

модернистский лозунг «Каждый сам себе историк» приобретает особое значение в условиях массовой информатизации современного общества.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, необходимо обратить внимание на то, что XX в. можно смело назвать веком исторической науки, а в частности, веком историографии. Такую позицию, в частности, подтверждают обобщающие труды А.А. Чернобаева и Л.П. Репиной. Раскрывая разные историографические аспекты и решая, по своей сути, разные задачи, исследователи неукоснительно сходятся в том, что XX в. является веком историографии.

Еще одним важным наблюдением является то, что век историографии не закончился и по сей день. В науке произошли некоторые изменения, о которых пишут как А.А. Чернобаев, так и Л.П. Репина. В современной историографии произошло лишь одно качественное изменение. Мы вышли на другую ступень интерпретации исторического знания. С появлением открытых каналов коммуникации, таких как Интернет, каждый человек стал интерпретатором истории, неважно – микроистории или макроистории, важно то, что мы получаем бесконечное множество интерпретаторов, своего рода современных «историографов». Появление данного феномена имеет как позитивный аспект, так и негативный. Так, позитивная сторона заключается в том, что повышается количество людей, которые интересуются историческим процессом и становятся его непосредственными участниками. Такие современные «исследователи» зачастую лишены глубоких представлений о наличии большого количества методологических оснований и теоретических предпосылок, которыми можно пользоваться для решения поставленных задач. Такие «историографы» зачастую решают поставленные перед собой задачи, опираясь на свою интуицию и общую эрудированность, а в некоторых случаях опираются на методологические основания, взятые из других наук. Однако сильная сторона подобных исследований зачастую является и их слабой стороной. Незнание методологии и теории исторической науки порождает большое количество ненаучных или околонуучных текстов. Современные «исследователи» могут не понимать разницу между библиографической работой и историографической. Нельзя не отметить, что подобной проблемы не лишены и именитые исследователи.

В заключение необходимо отметить, что труды А.А. Чернобаева и Л.П. Репиной являются своеобразным прорывом в истории исторической науки. В своих исследованиях авторы четко обозначают то, что они исследуют историографию не точно, а исследуют ее с точки зрения процесса, реализуя поставленные перед собой задачи. Работы исследователей представляют интерес как для научного сообщества, так и для людей, которых занимают вопросы, связанные с историей исторической науки. Работа А.А. Чернобаева ценна, в первую очередь, за счет того, что в ней представлены основные подходы к исследованию истории, а самое главное, автор дает ответ на вопрос, как эти подходы появились и какие социально-политические аспекты влияли на выработку этих подходов. Изучив работу А.А. Чернобаева, можно составить полное представление об историографии истории России от Древней Руси до начала XXI в. Работа Л.П. Репиной тоже является своего рода фундаментальным исследованием историографии XX–XXI вв., однако ее интерес смещен на исследование интеллектуального аспекта в историографии. Ее исследование заслуживает особого внимания читателя, так как трудно вспомнить историографическую работу столь же глубокую по своему наполнению, как работа «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.». В контексте повышающегося интереса общества и государства к историческим вопросам и вопросам исследования исторической мысли, ценность работ А.А. Чернобаева и Л.П. Репиной будет только возрастать.

Литература

1. *Нечкина М.В.* История истории // Историография истории СССР: сборник статей / Под. ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1965. С. 6–27.
2. *Муравьев В.А.* История, исторический источник, историография, история исторического познания: размышления о смысле современных историографических исследований. Тюмень: Юрайт, 1999. 376 с.
3. *Чернобаев А.А., Бондаренко А.Ф., Камынин В.Д., Рогожин Н.М., Шикло А.Е.* Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров / Отв. ред. А.А. Чернобаев. 2-е изд., перераб., доп. М.: Юрайт, 2014. 552 с.
4. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.

References

1. Nechkina MV. History of History. V: Nechkina MV., ed. *Historiography of the history of the USSR. Collection of articles*. Moscow: Nauka Publ.; 1965. p. 6-27. (In Russ.)
2. Murav'ev VA. History, historical source, historiography, the history of historical knowledge. Tyumen': Yurait Publ.; 1999. 376 p. (In Russ.)
3. Chernobaev AA., Bondarenko AF., Kamynin VD., Rogozhin NM., Shiklo AE. *Historiography of the history of Russia: a textbook for bachelors*. Moscow: Yurait Publ.; 2014. 552 p. (In Russ.)
4. Repina LP. *Historical science at the turn of the 20th – 21th centuries: social theories and historiographical practice*. Moscow: Krug' Publ.; 2011. 560 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Александр Р. Акрамов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; akramov.a@rggu.ru

Information about the author

Aleksandr R. Akramov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; akramov.a@rggu.ru

Конференции

УДК 316.77:070

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-145-153

«Европа после Брекзита»

Александр П. Логунов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, al.logunov@yandex.ru*

Мария А. Гордеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gordeevamaria@inbox.ru*

Europe after Brexit

Aleksandr P. Logunov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
al.logunov@yandex.ru*

Mariya A. Gordeeva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gordeevamaria@inbox.ru*

30 марта 2018 г. на факультете истории, политологии и права РГГУ состоялся научно-практический круглый стол «Европа после Брекзита», нацеленный на экспертный анализ современной ситуации в Европе.

В рамках дискуссии было проведено обсуждение наиболее значимых проблем, связанных с современным развитием стран ЕС, а также вопросов безопасности региона и перспектив отношений России с Европейским союзом.

С открывающим докладом в рамках круглого стола выступил декан факультета истории, политологии и права, профессор *Александр Петрович Логунов*, который представил краткий обзор основных тенденций динамики политических процессов в современной Европе,

а также процессов интеграции и дезинтеграции на современном пространстве ЕС, завершив свое выступление анализом нового политического ландшафта Европы и роли популистских партий.

А.П. Логунов отметил, что Великобритания всегда имела особый статус в ЕС. Она присоединилась к ЕС только в 1973 г., а в 1975 г. был проведен первый референдум относительно того, оставаться в зоне Единого рынка (как тогда называли ЕС) или нет, обусловленный сменой правящей партии на лейбористов. На протяжении многих лет Британия занимала позиции евроскептика и старалась лимитировать свое участие в континентальных проектах, сохраняя максимальную степень своего суверенитета и самостоятельности в принятии решений.

Парадоксально, но сама идея референдума о выходе из ЕС состояла в том, чтобы закрепить особое положение Великобритании по отношению к другим странам – членам ЕС. Главными вопросами, по которым Великобритания была не согласна с политикой Брюсселя, были конечно же проблемы миграции и национального суверенитета.

Профессор Логунов также отметил, что европейская реакция на решение Великобритании о выходе из Союза была достаточно сдержанной и состояла в готовности принять результаты демократически проведенного референдума.

Сама Великобритания оказалась перед необходимостью создавать свое будущее уже без континентальной Европы и в январе 2017 г. Тереза Мэй выступила с программной речью, в которой она объявила о рождении «Глобальной Британии», открытой сотрудничеству со всем миром, что было невозможно ранее из-за ограничений со стороны ЕС. С ее точки зрения, референдум вернул Великобритании государственность и суверенитет, а общеевропейские институты никак не согласуются с демократическими традициями и противоречат логике самой истории Соединенного королевства.

Пархалина Татьяна Глебовна, заместитель директора Института научной информации общественных наук (ИНИОН) РАН, член Группы «Европейский диалог», отметила, что Брекзит, во-первых, не стал первым европейским кризисом последних лет. Он развивался на фоне целого ряда других кризисов, таких как украинский, ближневосточный и последовавший за ним миграционный. Во-вторых, результаты референдума оказались полной неожиданностью и для самого британского руководства. Брекзит задумывался как инструмент давления на руководство Европейского союза, чтобы улучшить свои позиции. Великобритания во многом оказалась лидером правого популизма, который в значительной степени был

обусловлен недовольством многих стран – членов ЕС тотальной регламентацией экономической деятельности. После британского референдума руководство ЕС заняло достаточно жесткую позицию относительно сценария отношений Великобритании с континентальной Европой. На данный момент нерешенными остаются два серьезных вопроса – проблема границ и законодательства.

Современное состояние дел в Европе несколько улучшается – миграционный кризис в значительной степени решен, украинский же кризис пока решения не имеет. Ситуация осложняется тем, что каждая из сторон отстаивает свои принципы и по версии ряда исследователей речь идет о принципиальной разнице. Для Европы РФ является стороной конфликта, «нормандская четверка» настаивает на выполнении минских соглашений, которые практически невыполнимы. На данный момент этот кризис, скорее всего, останется нерешенным, отношения же России и Европы постоянно осложняются.

Татьяна Глебовна также заметила, что Россия выбрала вариант развития своей экономики через укрепление ВПК, что предопределяет ее вмешательство в региональные конфликты и участие в формировании мировой политической повестки. Эти изменения отражены в ряде российских программных документов начиная уже с 2006 г.

Европа достаточно успешно справляется со всеми кризисами, кроме тех, в которые вовлечена Россия. Разрядка в российско-европейских отношениях была бы очень нужна, но пока процесс изменения отношений идет очень медленно. К сожалению, необходимо отметить, что сейчас отношения строятся по четырем основным линиям конфронтации: работает принцип сдерживания, набирают обороты экономические войны (санкции и контрсанкции), углубляется ценностный конфликт и конфронтация в третьих регионах. С другой стороны, ситуация небезнадежна. Одним из признаков сохраняющегося диалога, по мнению Т.Г. Пархалиной, является тот факт, что продолжает действовать Совет Россия – НАТО, где обсуждаются проблемы Украины, терроризма, необходимости снижения рисков и контроля над вооружениями.

Развитие отношений не может происходить без взаимного доверия сторон. Сложность же заключается в том, что доверие складывается на протяжении достаточно долгого периода времени, а разрушается очень быстро.

С точки зрения перспектив России можно выделить только три возможных сценария стратегического партнерства: с Европой, с Китаем или с Арабским Востоком. Проанализировав все перечисленные варианты, становится совершенно очевидно, что у России

в долгосрочной перспективе нет другого выбора, кроме стратегического партнерства с Европой.

Отвечая на вопросы участников, Т.Г. Пархалина отметила, что за существующие проблемы в российско-европейских отношениях несут ответственность обе стороны. Россия на протяжении более десяти лет пыталась войти в «коллективный Запад», но на тот момент эти попытки не были восприняты всерьез, а когда возникла необходимость полноценного участия России в европейских инициативах, было уже поздно. Эта проблема возникла частично еще и потому, что с точки зрения европейских политиков не возникало сомнений в том, что Россия рано или поздно присоединится к ним. Сложности поиска общего языка возникают еще и потому, что едва ли кто-то понимал и понимает, что Россия имеет весьма особую политическую культуру и систему традиционных ценностей.

Гонтмахер Евгений Шлемович, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, член Группы «Европейский диалог», отметил, что ситуация сложности в отношениях РФ и европейских государств проистекает из ряда значимых факторов. Во-первых, это географический фактор, предопределяющий доминирование России в случае ее присоединения к Европейскому союзу. Во-вторых, это проблема идентичности. Пирамида идентичностей очень подвижна, и они во многом уравнивают друг друга, популизм во многом стал признаком возникновения дисбаланса в этой системе, при этом он не представляет собой серьезного и долгосрочного вызова Европе и уже возникают признаки трансформации радикальных оппозиционных партий в более центристские. Проблема идентичности является мощным источником современного кризиса ЕС, особенно после Брекзита. В данное время постепенно возникает понимание того, что с этой ситуацией делать. Вариантов не так много и связаны они либо с тем, чтобы усилить единый стиль интеграции, либо осуществить переход к стратегии разносторонней интеграции.

В отношениях между ЕС и Россией должен быть определенный паритет в партнерских отношениях, должно быть сделано единое, трансконтинентальное европейское пространство при сохранении особенностей и несколько разного типа идентичностей. На Западе эта разница остается непонятой, а значит, пока не найдено никакого сценария отношений.

Одним из наиболее значимых вызовов современности является миграция.

Продолжая эту тему, Татьяна Глебовна Пархалина высказала свое мнение о том, что европейский поиск решения миграционного

кризиса был осуществлен через активацию культурной общности бывших метрополий и колоний, как одного из факторов, определяющих долгосрочные макротенденции экономического и социального развития.

С проблемами миграции неразрывно связаны тенденции европейского сепаратизма и непризнанных государств как очаги, во многом способствующие порождению внутренней нестабильности. Профессор кафедры культуры мира и демократии (ЮНЕСКО) *Галина Михайловна Михалева* отметила, что возникновение непризнанных государств весьма характерно для современной ситуации в системе мировой политики. Эта проблема во многом порождается противоречивостью принципов международного права, где сосуществуют принцип территориальной целостности государств и право наций на самоопределение. С точки зрения права к ним применяются следующие критерии: наличие собственной территории, народа, проживающего на ней, и государственной власти, позволяющей управлять данной территорией. В то же время, говоря о таких государствах, необходимо учитывать и ряд других факторов, которые становятся значимыми для понимания самого процесса сепаратизма и требования международного признания как самостоятельного государства: национальная самоидентификация, подкрепленная общим языком, историей, очень часто религией. Ситуация часто осложняется тем, что эти государства, как и отдельные группы, чьи интересы связаны с обретением независимости, становятся разменной картой в политических играх стран – лидеров региона.

Очень часто внутренние сепаратистские движения приводят к тому, что на карте появляются новые государства («сепаратистские»), существование, как и образование которых едва ли могло бы произойти без их государств-патронов.

Ярким примером таких государств в Европе, по мнению Г.М. Михалевой, является Косово. Оно имеет ряд общих черт с другими подобными государствами, возникшими в новейшей истории и после распада крупных авторитарных или тоталитарных государств, не имея опыта собственной государственности и получив самостоятельность в результате вооруженных конфликтов.

Одним из классических сепаратистских движений, порожденных неравенством социального и экономического развития европейских регионов, является Каталония. Во многом именно поэтому Испания не признала и до сих пор не признает суверенитет Косово. Но как показывает именно этот случай, сепаратизм уже давно перестал быть внутренним или региональным явлением, а носит ярко выраженный международный характер.

Все эти ситуации не могут не усложнять концепцию европейской безопасности и требуют поиска новых подходов и системных решений. *Кутырев Георгий Игоревич*, старший научный сотрудник ИНИОН РАН и старший преподаватель кафедры культуры мира и демократии (ЮНЕСКО) РГГУ, продолжил тему европейской стратегии безопасности, используя пример военного строительства Испании в условиях новых вызовов. По мнению Г.И. Кутырева, нынешняя ситуация в сфере безопасности определяется целым рядом событий прошлого и недавнего прошлого, среди которых и украинский кризис, поставивший под удар европейское сотрудничество с Россией, и миграционный кризис, ставший результатом конфликта в Сирии. Таким образом, Испания, как и ряд других европейских государств, оказались перед непростым выбором – поиска баланса в отношениях с ведущими международными организациями, и прежде всего НАТО, и двусторонними отношениями с Россией, которые традиционно относятся к приоритетным в сфере экономики и туризма.

Одной из проблем в реализации новой программы по безопасности для Испании неизбежно станет необходимость увеличения расходов на оборону страны. Еще в 2014 г. на саммите НАТО в Уэльсе было принято решение, по которому страны альянса должны тратить как минимум 2% своего ВВП на военные расходы, в то время как военный бюджет Испании на тот момент не превышал и 1%. Выполнение реструктуризации собственного бюджета в пользу оборонного строительства потребует от страны значительных усилий, но решение вопросов безопасности лежит с испанской точки зрения только в рамках участия в НАТО и ЕС.

Говоря о наиболее значимых вызовах безопасности в испанском прочтении, стоит отметить угрозу радикальной исламизации и потери стабильности арабских стран Магриба, что автоматически усложнит ситуацию с миграцией и резко увеличит вероятность исламского терроризма.

Гордеева Мария Александровна, доцент кафедры культуры мира и демократии (ЮНЕСКО), отметила, что европейские трансформации после Брекзита следует анализировать по ряду наиболее значимых сфер, затронувших британское решение о выходе из ЕС.

Во-первых, ожидается, что произойдет ряд значимых изменений в экономической политике ЕС. Великобритания традиционно поддерживала европейский курс на снижение поддержки различных отраслей национальных экономик и бизнеса со стороны Брюсселя и увеличение расходов по основным статьям европейского бюджета, в первую очередь ассигнований на увеличение конкурен-

тоспособности европейских компаний и инновации. И ряд европейских государств, особенно Северной Европы, уже высказали свою обеспокоенность в связи с потерей британской поддержки. Однако ЕС продолжит движение в сторону инновационного развития и свободного рынка, так как это является основой конкурентоспособности европейских стран. Более того, Брекзит, очевидно, будет также способствовать консолидации континентальной Европы и усилению макроэкономического влияния Германии.

Во-вторых, Великобритания всегда занимала активные позиции в реализации внешней политики и придавала определенный международный резонанс действиям ЕС. Она одновременно выступала против того, чтобы внешняя политика осуществлялась исключительно на основе мажоритарного принципа, а скорее формировалась на национальном уровне. После ухода Великобритании весьма вероятно, что европейская внешняя политика будет значительно менее активной. Уход Великобритании может также открыть возможности для смягчения европейских санкций против РФ, учитывая высокую степень заинтересованности в этом Германии, Италии, Венгрии и ряда других стран.

Великобритания всегда играла большую роль в укреплении отношений между ЕС и США. С ее уходом ситуация будет меняться в пользу большей сосредоточенности европейских государств на своих внутренних делах, меньшей стратегической значимостью ЕС для Америки и большей зависимостью Европы от США в вопросах безопасности. Есть основания полагать, что в определенной степени укрепятся двусторонние отношения США с Германией, выступающей надежным союзником Америки по сокращению негативных последствий мирового финансового кризиса, а также поиска решений по Украине. Франция, например, выступает значимым партнером США по Ближнему Востоку и Северной Африке. Возможно, выход Великобритании из ЕС значительно ухудшит перспективы Турции на дальнейшее сближение с Европой. Несмотря на то что европейцам нужна помощь Турции в решении миграционного кризиса, именно Великобритания активно продвигала «турецкий вопрос» в Брюсселе.

В-третьих, с уходом Великобритании меняется баланс между сторонниками и противниками идеи единой европейской оборонной политики и собственных военных контингентов и НАТО. В ситуации, когда многие европейские государства отдают предпочтение своим собственным контингентам, значимым ударом по оборонным планам ЕС может быть потеря британских военных отчислений, которые составляли его пятую часть.

Более того, Великобритания традиционно выступала за то, чтобы в сфере оборонной политики и промышленности постепенно развивалась логика единого рынка, позволяющая улучшить конкурентоспособность отдельных государств, избежать дублирования расходов и объединить усилия в решении задач обеспечения безопасности. Выход Великобритании из ЕС очень вероятно усилит противоположные тенденции.

В-четвертых, выход Великобритании в значительной степени повлияет на дальнейшее функционирование европейских институтов. В первую очередь больше сложностей возникнет у самой Великобритании, которая традиционно достаточно жестко и эффективно отстаивала свои интересы и блокировала невыгодные решения. В будущем одной из британских проблем может стать возвращение себе доступа к европейскому рынку. Также весьма вероятно, что резко замедлятся темпы принятия трансатлантического соглашения о свободном рынке с США и Канадой. Европейцы традиционно очень неохотно продвигали эту инициативу к ратификации, а после ухода Великобритании это процесс, очевидно, еще больше замедлится.

Подводя итоги, М.А. Гордеева отметила, что возможным последствием британского выхода из ЕС может стать евроскептицизм, определивший результаты референдума и набирающий силу и в континентальной Европе. Правые популистские партии во Франции, Германии, Нидерландах и ряде других стран продвигают идеи дезинтеграции. Очевидно одно, что сам феномен Брекзита приведет к значительному пересмотру политики европейской интеграции, сплотит ряд стран в рамках и вокруг ЕС и спровоцирует отчужденность и переосмысление собственного пути развития у других.

Научный сотрудник ИНИОН РАН *Белинский Андрей Викторович* проанализировал сложившуюся тенденцию к правому популизму в Германии и Австрии. По его мнению, мы имеем дело с общемировым политическим явлением, отвечающим единым критериям и основывающимся на ряде общих признаков, несмотря на национальные особенности. Во-первых, он возникает из желания защитить «простого народа» от процветающей за его счет коррумпированной политической элиты. Во-вторых, необходимость учитывать интересы ЕС клеймится ими как противоречащая национальным интересам собственных государств. В-третьих, проблема миграции должна быть решена как можно скорее за счет резкого ужесточения миграционного законодательства, что в первую очередь связано с необходимостью защищать свои собственные экономические интересы и культурную целостность христианства, несовместимую с

исламом, а также принципы гендерного равенства и толерантности. В-четвертых, значимым источником поддержки «новых правых» выступает идея защиты своего населения от вызовов глобализации и рыночной конкуренции.

Таким образом, успех нового правого популизма связан с целым рядом факторов, такими как ухудшение экономического положения целого ряда социальных групп и необходимость вмешательства государства для разработки мер по их защите, все увеличивающаяся пропасть между правящим классом и населением, проблемы миграции и целый ряд религиозных вопросов.

Самое удивительное, что основу электората новых правых составляют рабочие, которых больше других групп коснулись экономические проблемы и прилив мигрантов. Значимым изменением ситуации стало присоединение части среднего класса, что связано со все увеличивающейся неуверенностью среднего класса в своем будущем.

Таким образом, несмотря на разнородность состава людей, поддерживающих популизм в Германии и Австрии, их объединяет то, что они с одинаковой долей скепсиса относятся к «старым» партиям и элитам, дискредитировавшим, по их мнению, себя предательством интересов своих стран.

Подводя итоги обсуждения векторов европейского развития после Брекзита, декан факультета истории, политологии и права, профессор Александр Петрович Логунов отметил, что дискуссии о будущем объединенной Европы будут продолжаться и во многом потому, что нет единого взгляда или теоретического фрейма, объясняющего процессы интеграции и дезинтеграции, как нет в этих процессах и никакой линейности. Традиционно с различными европейскими кризисами связаны значимые изменения в процессах евроинтеграции, однако едва ли кто-то из экспертов задумывался над тем, какое влияние оказывают эти кризисы на сущность политических и социальных процессов в Европе, и тем, какой дезинтеграционный потенциал заключен в каждом из них. На данный момент все исследования, проводимые по исследованию кризисов, касались вопроса о том, насколько эффективно Евросоюз может с ними справиться.

Таким образом, следует отметить, что социальные и политические процессы в Европе требуют дальнейшего тщательного осмысления и всестороннего анализа.

Медиа и медиатехнологии в коммуникационном пространстве современного социума

Media, commutation and social reality: artefacts, processes and trends

12 апреля 2018 г. на факультете истории, политологии и права (далее – ФИПП) РГГУ прошла Международная научная конференция «Медиа и медиатехнологии в коммуникационном пространстве современного социума», организованная совместно с Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого и Академией медиаиндустрии при поддержке международного научного рецензируемого журнала “Russian Journal of Communication” и периодического научно-практического издания «Журналист. Социальные коммуникации» (Россия, Москва). Данное мероприятие было проведено в рамках многолетнего и апробированного в международном исследовательском сообществе межвузовского научно-образовательного проекта, который реализуется при участии кафедры теории и практики общественных связей ФИПП РГГУ и направлен на комплексное изучение философии коммуникации и коммуникативных наук.

Компоновка программы сама по себе стала своего рода медиа – основой для разворачивающейся во времени диалогичности, содержательной дополнительности и эвристической дискуссионности. Основными темами для обсуждения стали: генезис и онтологии феномена медиа, социально-культурные и прикладные интерпретации изучения медиа. С учетом такого разноаспектного подхода наиболее подходящим для информирования о конференции был выбран вариант публикации кратких авторских сообщений основных участников конференции, которые и предлагаются вниманию читателей.

И. Клюканов

*профессор кафедры коммуникативных исследований
Восточно-Вашингтонского университета (США),
главный редактор "Russian Journal of Communication",
доктор филологических наук*

Прежде всего необходимо определить исходные понятия начиная с самого главного понятия применительно к теме конференции – понятия «медиа», т. е. необходимо определить, что мы можем рассматривать в качестве «медиа» и что не можем. Граница медиа как явления весьма подвижна. Например, известный американский теоретик коммуникации Джон Питерс недавно издал книгу, буквально год-два назад, которая называется «Чудесные облака: к истории стихийных медиа». В этой книге он показывает, что так называемые новые медиа не являются новыми, на самом деле они очень старые и уходят корнями к природным стихиям в буквальном смысле слова. То есть природа, например небо, представляет собой инфраструктуру некоего масштабного сообщения. Это широкое понимание феномена медиа. Но чаще всего, однако, под медиа понимают формы и способы опосредования, медиацию между социальным и индивидуальным. И если принять такое определение, то возникает вопрос: «Как соотносится, скажем, философия медиа и медиа наука с семиотикой, которая, как известно, также занимается изучением медиации?», т. е. в семиотике рассматривается опосредование при помощи знаков, интерпретации знаков, семиозиса и т. д. Например, участие в конференции может быть очным, а может происходить в дистанционном, компьютерно-опосредованном режиме. Соответственно, куда отнести такой жанр? К ведению медиа науки или же к изучению медиа семиотики?

Далее, семиотическое видение коммуникации акцентирует внимание на опосредованности и, соответственно, как считают многие, не уделяет достаточного внимания непосредственности переживаемого опыта, то есть феноменологии, которая как раз направлена на изучение достоверности нашего живого опыта, и, как известно, основная установка сознания феноменологии – это доверие к миру, к тому, как мы его переживаем в актах интересубъективности. Здесь возникает такой вопрос, как, например: «Есть ли место такому феноменологическому взгляду в рамках философии медиа и медиа науки? Если есть место, то каково это место и какова основная установка, скажем, философии медиа в отличие от установки феноменологической?».

Определение базовых понятий является важным не только в научном плане, что само собой разумеется, но и в плане дисциплинарном. Например, что представляет собой «медиалогия» и «медиология»; являются ли они дисциплинами; являются ли они направлениями исследований или областями знаний или чем-то еще. Можно вспомнить здесь, кстати, что сама наука о коммуникации, ее статус еще не являются достаточно устоявшимися, как даже и само название этой области знания.

Все эти вопросы: что такое медиа? что не является медиа? что представляют собой «медиалогия» и «медиология»?», являются социально важными, и, разумеется, особую важность здесь имеют социальные институты. Следует, однако, помнить, что все решения по этим вопросам принимаются людьми в самых различных ситуациях общения и даже в рамках, например, такой конференции, как наша. Любое такое решение — это некий акт фронезиса, пользуясь термином Аристотеля, или проявление некой практической мудрости.

И если уж речь зашла об Аристотеле, то следует вспомнить, что все мы включены в социальную деятельность и создаем некое коммуникативное пространство, в котором мы живем. Можно сказать, что это государство, полис или как-то по-другому назвать это пространство. Вот что Аристотель говорит о государстве: «Государство же создается не для того, чтобы жить вообще, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо». Иначе говоря, мы должны знать, для чего мы все это делаем; на что направлены все те решения, которые мы принимаем, применяя практическую мудрость. Можно вспомнить фразу, которую, наверное, многие знают: «Интернет есть, а счастья нет», т. е. имеются все эти термины, а счастья нет. Говоря о счастье, опять же можно процитировать Аристотеля: «Впрочем, называть счастье высшим благом кажется чем-то общепризнанным, но непременно нужно отчетливее определить еще его суть».

Ф.И. Гиренок

*заведующий кафедрой философской антропологии
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор философских наук, профессор*

Антропология цифровой культуры

Мир, в основании которого лежит число, мыслится иначе, чем мир, в основании которого лежит бытие. В первом случае речь идет о мире Пифагора, во втором – о мире Парменида. В мире Пифагора нельзя делать две вещи. Первое – в нем нельзя скрыть тайну. И второе – в нем нельзя никого обмануть. В этом мире все тайное становится явным. А поскольку сущность каждой вещи составляет число, постольку истина в мире Пифагора всегда есть алетейя, т. е. истина, открытая со всех сторон.

Мир Парменида заморожен. В нем нельзя изменяться. В нем можно только мыслить. Мыслить значит бытие превращать в нереальный предикат. Бытие является нереальным предикатом вещей, то есть бытие того, что есть, ничем не отличается от бытия того, чего нет. Существуют вещи или не существуют – это ничего не значит. И для самой вещи все это ничего не дает. То, что бытие есть и небытия нет, означает лишь, что бытие окрашивает в один цвет как то, что есть, так и то, чего нет. Если бытие нереальный предикат, то что же позволяет вещи иметь реальный предикат? Может ли, например, вещь, которой нет, быть тяжелой? В мире Парменида это возможно. Но в нем возможно и другое. В том, что есть, никогда нет бытия. Бытийный мир допускает ложь, обман и видимости. В мире Парменида нельзя различить бытие и мысль о бытии. В нем одно можно принять за другое. В этом мире истина понимается как тайна, как нечто сокрытое, как действие в синергии с богами.

В числовом мире Пифагора сразу же обнаруживается проблема. Поскольку ложь является условием всякой коммуникации, постольку при тотальном доминировании числа коммуникация в нем невозможна в принципе. В этом мире для нее нет лжи. Коммуникативные перспективы числового мира связаны с тем обстоятельством, что человек не может быть пронумерован в этом мире. Человек – это единственное существо в этом мире, для которого нет числа. Человек – это числовой пробел мира. Где присутствует число, там отсутствует смысл. Где отсутствует смысл, там невозможен человек.

Между тем в мире Парменида также обнаруживается трудность. В нем бытие не может людям дать бытие вместе. А если бытие не может дать людям бытие вместе, то люди начинают вести рассеянное существование. Рассеянное – значит без трения друг о друга, без музыки в душе и без вечной художественности в мыслях о бытии. Человек с мыслью о бытии и без трения галлюцинирующих тел друг о друга обнаруживает в мире Парменида свою абсолютную асоциальность, ибо быть социальным значит правильно говорить. А правильно говорить значит говорить вслед за другими «сладкое», если даже ты чувствуешь, что имеешь дело с соленым. Нельзя жить в мире, если в нем чувствуют одно, а мыслят другое. Адекватной формой существования человека в мире Парменида становится отказ от понимания. Нежелание понимать, отказ от человеческого в коммуникации открывает перспективу существования трансчеловеческого, основанного на технике. Наркотическое опьянение компьютером лишает человека в мире Парменида великой субъективности, сознания.

Резюме: нельзя жить в обществе, если ты его не понимаешь, нельзя быть вместе, если это бытие не рождает грезы.

С.В. Клягин

*заведующий кафедрой теории и практики общественных связей,
ФИПП РГГУ, доктор философских наук, профессор*

«Глаз(с) бури»:
к вопросу об онтологии медиа

Поэтическое напоминание «как мир меняется, и как я в нем меняюсь, лишь именем одним называюсь» в наши/не-наши дни нашествия коммуникативных технологий наполняется смыслами силы непреодолимой. Меняются представления о мире, о человеке и человеческих общежитиях. Новые восхищения ума вызывают к жизни познания для соответствия масштабу трансформаций и метаморфоз явления медиа. Возможно всякое поколение и каждый добросовестный исследователь хотя бы раз переживают опыт инновационного совмещающего сдвига, когда «великое видится в малом», когда потребность в новом становится как бы глокальной. В таких ситуациях необходимость широты обзора соединяется с долготой и глубиной проникновения в суть базовых для искомой интеллек-

туальной экстаичности идей. В осмыслении феномена медиа такая ситуация из поколенческой и личной становится сейчас универсальным познавательным императивом. Единым образом (единого?) для обобщающего выражения сказанного может быть картина урагана, в центре воронки которого располагается «глаз(с) бури». Мгновенная неслышность бурной тишины.

Эпистемологическая интерпретация предложенной метафоры состоит из двух возможных аспектов.

Могут быть уточнены (именно приближены к «точке» понимания) представления о медиа и его устройении. Тезис М. Маклюена «the medium is the message» не может интерпретироваться только в представлениях о порционной передаче содержаний и линейном структурировании нелинейной реальности («канал коммуникации»). Медиа – это именно медиа. Место, где изменяется, перемешивается реальность, где последовательность сливается в симультанность, где объекты и раздельности проясненно-ускоренно открываются структурами и конфигурациями [1 с. 16].

Центр урагана медиа есть медиа. «Крылья» бури – это то, что мы называем медиальностью (mediality), медиатизацией реальности. В онтологическом плане это обнаруживается в том, что через потенциал медиа могут по-новому раскрываться любой объект или различные области активности человека и социума. В этом контексте могут быть также востребованы идеи о новой «материальности» как основы для переосмысления ключевых параметров и субстратного транзита в конституировании актуальных представлений о реальности (media ecologies, М. Фуллер; объектно-ориентированная онтология, Г. Харман).

А.А. Калмыков

*профессор кафедры теории и практики общественных связей
ФИПП РГГУ, доктор филологических наук*

Симфония гипертекста

Глобальная «мультиязычность» (мультирепрезентативность, мультикультурализм, мультимедиа, полионтичность, поликодовость и т. п.) не может не вызвать эффект футорошока (Э. Тоффлер), поскольку господствующий гипертекст разрушает и деканонизирует привычную линейную преемственность и детерминизм

модернистского текстуального пространства, т. е. культуры в ее традиционном понимании. Следствием этого является ряд цивилизационных вызовов и теоретической мысли, и повседневности. Достаточно упомянуть здесь тенденцию утраты персонализированного авторства (Р. Барт), деконструкцию социальных и политических отношений, коммуникативную перегрузку, цифровой, а точнее когнитивный разрыв и многое другое. «Посторонний» эпохи модерна сменился «потерянным», «запутавшимся в сетях» кликающим индивидуумом постмодерна.

Вместе с тем достаточно очевидны и преимущества гипертекста-реальности. Прежде всего прослеживаются конгруэнтность гипертекста человеческому сознанию и открывающаяся перспектива возникновения технологий продуцирования синтетической эпистемы (постнеклассическая наука). Последнее снимает постмодернистский скепсис, отрицающий истину в какой-либо ее форме.

Возникает впечатление, что границы между деструктивным и конструктивным взрывным образом расширились. Точно так же расширились пределы апофатического и какофатического оправдания бытия, открыв человеку значительно более усложненную формулу свободы воли. Решая нравственную проблему, различение добра и зла, уже невозможно опереться только на государственный закон, общественное мнение, культурную традицию и вообще на что-либо внешнее. Этот выбор становится обостренно личностным.

Гипертекст-реальность наполняется смыслом через личностную актуализацию связей с другими текстами и с текстом социокультурной реальности в целом.

Иными словами, императивом становится достижение *συμφωνία* (созвучие, согласия) личности с самим собой и окружающим миром-текстом. Требование подобной симфонии гипертекста-сознания и гипертекста-реальности как раз и является залогом правильного нравственного выбора и разрешения проблемы свободы воли.

Препятствием является тоталитарный дискурс медиа, который создает непроницаемый экран, проекцию теней реальных предметов, подобно тому, как это описано в знаменитой аллегории «Пещера» Платона. Причем силовое поле медиа неуклонно расширяется, затягивая в себя все новые аспекты частного существования. Вот почему медиа сегодня уже не только медиум, а демиург, создающий множественные перцептивные вселенные.

Однако если отнестись к медиа как к интерактивному интерфейсу между сознанием и миром, то демиург предстанет музыкальным инструментом в симфоническом оркестре со своей отдельной партией.

В 6-й новелле «Corpus iuris civilis» (корпус гражданского права) Императора Юстиниана сформулирован принцип симфонии (I половина VI в.): «Величайшие блага, дарованные людям высшею благодатью Божией, суть священство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία), из которых первое заботится о Божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни».

Царство и священство существует не только вовне, а в постмодерную эпоху – не сколько вовне. Они в индивидуальном человеческом сознании. Следовательно, для того чтобы демиург медиа не заставил «ходить по безводным местам», достаточно иметь Царя в голове, способного отличить деструктивное от конструктивного, врачующее медиа от токсичного. Другой вопрос, как Его в себе укоренить и как Ему подчиниться.

И.Б. Антонова

*профессор кафедры иностранных языков РГГУ,
кандидат педагогических наук, доцент*

Медиаразмышления о медиа

Благодаря подземным трубам,
микроскопам, граммафонам,
телефонам человек
стал протезированным Богом.

З. Фрейд

Попытка систематизации многочисленных определений медиа предполагает последовательный переход от их узкоориентированного значения как средств передачи информации к предельному толкованию как «среды рефлексии». При этом никакая рефлексия о медиа сегодня немислима вне самого медиапространства, которое в конечном счете определяет и опосредует сознание современного человека (даже этот текст неотделим от его медианосителя – компьютера, а значит, несет в себе нечто помимо своего «оригинального» смысла). Такого рода опосредование не предполагает заданности совпадений и закономерности регуляций. Наоборот, знакомясь с трудами теоретиков медиа (М. Маклюэн, Ф. Киттлер, Р. Дебре, Б. Стиглер, Ж. Лакан), автор не мог не заметить, что их исследования медиа содержат знаковые несовпадения во взглядах

(недаром Лакан предложил отойти от методологии исследования медиа с точки зрения их совпадений и изучать с точки зрения случайностей и дисторций). Очевидно, что сама сложная противоречивая природа медиaprостранства диктует свои законы его исследования, углубляя и верифицируя медиадискурс о медиа. Интересен с этой точки зрения анализ некоторыми медиатеоретиками текстов М. Маклюэна. Их структура напоминает структуру компьютерных баз данных, что можно отнести к чистой случайности (объясняемой экстравагантностью стиля автора, не более), а можно – к закономерной необходимости и единственной возможности постигать природу медиа лишь особым типом сознания, структурированным по аналогии с ними.

Знаменитый афоризм Маклюэна «*The Medium is the Message*» (изначально переведенный как «средство коммуникации есть общение») требует не только (и не столько) более расширительной современной (в связи с появлением «новых» медиа) трактовки, сколько качественно нового его осмысления. На это намекал и сам Маклюэн, впоследствии намеренно искажая собственное высказывание и сводя его к ироничной формуле: «*The Medium is the Massage*». Однако ее интерпретативный ресурс иронией отнюдь не исчерпывается: медиа сегодня возможны и необходимы к рассмотрению как особая категория *сообщения*, в котором акцентируется его функция быть *всеохватывающим* (массовым).

Существуют и другие взгляды на проблему «новых» медиа: французский философ Стиглер рассматривает их как технические средства, изначально включаемые в цикл формирования человека: для него медиа биологичны (как и для самого Маклюэна, изначально рассматривающего медиа как «расширение» человека). А для немецкого теоретика Киттлера – наоборот – развитие техники стимулируется логикой самой техники, а это значит, что медиамеханизмы – отнюдь не органичное продолжение человека, а то, что изначально от человека отчуждено. Таким образом Киттлер подвергает сомнению основное предположение Маклюэна о том, что человек – субъект всех медиа. При этом и Маклюэн, и Стиглер, и Киттлер выступают за сближение медиаисследований с исследованием человеческой ментальности. На фоне появления «новых» технологий и обязательности их интеграции со «старыми» для них важно было зафиксировать то, что являло собой обязательную предпосылку к дальнейшим исследованиям медиа: предрасположенность человеческого сознания к работе в условиях каждого следующего средства коммуникации и в конечном итоге опосредованность сознания каждым следующим средством медиа.

Г.П. Бакулев
*профессор Всероссийского государственного
института кинематографии им. С.А. Герасимова,
доктор филологических наук*

Конвергенция как способ выживания в новой коммуникационной среде

Наиболее часто обсуждаемый процесс в ходе эволюции медиа – это конвергенция, т. е. технологическое слияние разных средств коммуникации благодаря технической возможности обмениваться сообщениями: сначала объединяется контент (например, радио и газетные тексты на экране компьютера), а потом происходит слияние (например, в многофункциональных устройствах). Разумеется, процесс конвергенции не происходит без одобрения пользователей, политиков, законодателей.

Если следовать «биологической» модели медиаэволюции, процесс конвергенции особенно активен на этапе «оборонительного сопротивления», когда в сложившуюся систему врывается новая технология [2]. Об ухудшении положения старых медиа можно судить не только по сокращению численности пользователей, но и по уменьшению их дохода и доли потребления.

У старых медиа есть два пути: либо «медиаморфозис», т. е. изменение и адаптация к новым условиям, либо «медиацид», т. е. полное исчезновение одного из традиционных медиа, хотя первый вариант считается намного вероятнее, чем второй.

Конвергентность может происходить в трех формах возможной интеракции: функциональная эквивалентность (старое средство коммуникации заменяется новым), функциональная дифференциация (оба средства находят способ сосуществования) и функциональное разнообразие (оба средства коммуникации объединяются в одном многофункциональном устройстве).

Конечно, не всякое новое средство коммуникации может столкнуться старое в водоворот изменений. Во-первых, новое средство коммуникации должно предложить услугу, которой раньше не было. Во-вторых, старые медиа могут не осознавать потенциальную опасность и проигнорируют ее. В-третьих, новое средство коммуникации может восприниматься как опасное лишь для одного конкретного старого средства, только через некоторое время приходит осознание, что оно опасно и для других. В-четвертых, упадок старого средства коммуникации не обязательно происходит

мгновенно – в конкурентной борьбе старое средство коммуникации может выжать больше из своего арсенала.

К конвергенции прибегают, когда нет другого пути: «если не можешь победить, присоединяйся». Например, в конце 1990-х годов казалось, что интернет (точнее компьютер) поглотит телефонию, но сегодня серфинг по интернету мигрировал в мобильники. Снова предлагая традиционной публике параллельные средства коммуникации (например, онлайн-газеты, книги, интернет-серфинг), трансформировавшееся средство может быстро достичь стадии зрелости без особых проблем, связанных с рождением и ростом.

Е.В. Ольшанская

*доцент кафедры теории и практики общественных связей
ФИПП РГГУ, кандидат философских наук*

Медиаобраз тела:
формирование телоцентрической
мировоззренческой парадигмы
в современном массовом сознании

В современном обществе в результате воздействия массовой культуры претерпевает изменения осмысление человеком своего существования, решение экзистенциальных вопросов переносится из сферы духовного поиска в сферу телесного бытия. Современная массовая культура, демонстрирующая яркую тенденцию к интенсивному развитию и доминированию визуальной информации, наделяет человеческое тело иным онтологическим статусом.

Это находит свое выражение, по мнению Г.Л. Тульчинского [3], в новой мировоззренческой парадигме – телоцентризме. Для телоцентристской мировоззренческой парадигмы характерно следующее: телесно-визуалистская ориентация социальной и экономической сфер современной культуры, выражающаяся в консьюмеристском отношении к телу; телесно-ориентированное поведение, стремление к самовыражению человека посредством своего тела; создание функционально иных форм телесно-ориентированной эстетики.

В массовой культуре последних десятилетий конструирование новых онтологических смыслов человеческого тела происходит под воздействием современных информационных технологий, где

значительная часть визуализации этих смыслов транслируется средствами массмедиа. Демонстрацией онтологического статуса человеческого тела в визуально-ориентированной телоцентристской мировоззренческой парадигме является массмедийный образ телесности, для которого характерны: 1) эталонность и стереотипность (представление о телесности человека как о необходимом элементе для социализации индивида в определенной социальной группе или обществе в целом); 2) вариативность (подверженность влиянию модных тенденций на телесный облик человека); 3) виртуальность (демонстрация искусственно созданного симулякра «идеального» тела, которое существует только в медиареальности и отдаленно напоминает биологическое тело живого человека); 4) провокативность (побуждение к действию, к подражанию, к активному воплощению в реальности симулякра «идеального» тела).

Литература

1. Маклюен М. Понимание медиа. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
2. *Lehman-Wilzig S., Cohen-Avigdor N.* The natural life cycle of new media evolution: inter-media struggle for survival in the internet age // *New Media & Society*. 2004. Vol. 6. P. 707–730.
3. *Тулчинский Г.Л.* Тело свободы // Эпштейн М.Н. *Философия тела*; Тулчинский Г.Л. *Тело свободы*. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.

References

1. McLuhan M. *Understanding Media: the extensions of man*. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц Publ.; Кучково поле Publ.; 2003. 464 с. (In Russ.)
2. *Lehman-Wilzig S., Cohen-Avigdor N.* The natural life cycle of new media evolution: inter-media struggle for survival in the internet age. *New Media & Society*. 2004;6:707-30.
3. *Tulchinsky GL.* Body of freedom. V: Epstein MN. *Philosophy of the body*; Tulchinsky GL. *Body of freedom*. Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ.; 2006. 432 p. (In Russ.)

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 29.06.2018.

Формат 60×90^{1/16}.

Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 10,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 341

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»

Серия «Политология. История. Международные отношения.

Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

выходит 4 раза в год.

Подписка принимается

всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71127

Не забудьте своевременно подписаться

на наш журнал!
